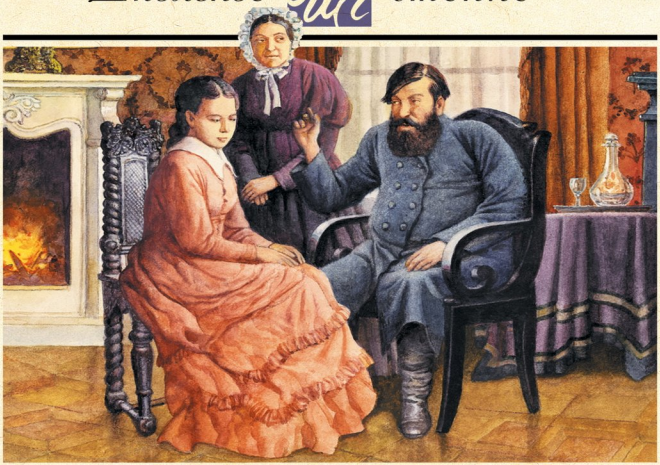
АЛЕКСАНДР

ОСТРОВСКИЙ

Школьное чтение



СВОИ ЛЮДИ – СОЧТЕМСЯ!

ПЬЕСЫ

Одобрено лучшими учителями

Издательство АСТ

Свои люди – сочтемся! Пьесы

Александр Николаевич Островский

Аннотация
Александр Островский. Свои люди – сочтемся! Пьесы
Свои люди – сочтемся!. Комедия в четырех действиях
- Действующие лица
- Действие первое
  - Явление первое
  - Явление второе
  - Явление третье
  - Явление четвертое
  - Явление пятое
  - Явление шестое
  - Явление седьмое
  - Явление восьмое
  - Явление девятое
  - Явление десятое
  - Явление одиннадцатое
  - Явление двенадцатое
- Действие второе
  - Явление первое

Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Действие третье
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Действие четвертое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Бедность не порок. Комедия в трех действиях
Действующие лица

Действие первое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Явление одиннадцатое
Явление двенадцатое
Действие второе
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Действие третье
Явление первое

Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Явление одиннадцатое
Явление двенадцатое
Явление тринадцатое
Явление четырнадцатое
Явление пятнадцатое
За чем пойдешь, то и найдешь. (Женитьба Бальзаминова). Картины московской жизни
Картина первая
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое

Картина вторая
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Картина третья
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое

Аннотация

Александр Николаевич Островский (1823-1886) – выдающийся русский драматург, его творчество легло в основу современного русского театра.

«Свои люди – сочтемся!» (1849) – комедия в четырех действиях, первоначальное название пьесы «Банкрот».

Сюжет погружает читателя в реалии купеческой семьи, глава которой скупой и властный купец Самсон Силыч Большов. Чтобы не расплачиваться по кредиту, Большов идет на разные хитрости и махинации.

Постановка пьесы принесла автору ошеломляющий успех, но вскоре «как обидная для русского купечества» была запрещена императором Николаем I. Спустя 5 лет комедия снова заняла достойное место на театральных афишах.

В книгу также вошли пьесы «Женитьба Бальзаминова» (оригинальное название – «За чем пойдешь, то и найдешь») (1861) и «Бедность не порок» (1854).

В формате PDF A4 сохранен издательский

макет книги.

Александр Островский
Свои люди – сочтемся! Пьесы

Серия «Школьное чтение»

© Дудин А.Л., ил. на обл., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Свои люди – сочтемся!
Комедия в четырех действиях

Действующие лица

Самсон Силыч Большов, купец.
Аграфена Кондратьевна, его жена.
Олимпиада Самсоновна (Липочка), их дочь.
Лазарь Елизарыч Подхалюзин, приказчик.
Устинья Наумовна, сваха.
Сысой Псоич Рисположенский, стряпчий.
Фоминишна, ключница.
Тишка, мальчик.

Действие первое

Гостиная в доме Большова.

Явление первое

Липочка (сидит у окна с книгой). Какое приятное занятие эти танцы! Ведь уж как хорошо! Что может быть восхитительнее? Приедешь в Собранье али к кому на свадьбу, сидишь, натурально, вся в цветах, разодета, как игрушка али картинка журнальная, — вдруг подлетает кавалер: «Удостойте счастия, сударыня!» Ну, видишь: если человек с понятием али армейской какой — возьмешь да и прищуришься, отвечаешь: «Извольте, с удовольствием!» Ах! (с жаром) оча-ро-ва-тель-но! Это просто уму непостижимо! (Вздыхает.) Больше всего не люблю я танцевать с студентами да с приказными. То ли дело отличаться с военными! Ах, прелесть! восхищение! И усы, и эполеты, и мундир, а у иных даже шпоры с колокольчиками. Одно убийственно, что сабли нет! И для чего они ее отвязывают? Странно, ей-богу! Сами не понимают, как блеснуть очаровательнее!

Ведь посмотрели бы на шпоры, как они звенят, особливо если улан али полковник какой разрисовывает — чудо! Любоваться — мило-дорого! Ну, а прицепи-ка он еще саблю: просто ничего не увидишь любопытнее, одного грома лучше музыки наслушаешься. Уж какое же есть сравнение: военный или штатский? Военный — уж это сейчас видно: и ловкость, и все, а штатский что? Так, какой-то неодушевленный! (Молчание.) Удивляюсь, отчего это многие дамы поджавши ножки сидят? Формально нет никакой трудности выучиться! Вот уж я на что совестилась учителя, а в двадцать уроков всё решительно поняла. Отчего это не учиться танцевать! Это одно только суеверие! Вот маменька, бывало, сердится, что учитель все за коленки хватает. Все это от необразования! Что за важность! Он танцмейстер, а не кто-нибудь другой. (Задумывается.) Воображаю я себе: вдруг за меня посватается военный, вдруг у нас парадный сговор, горят везде свечки, ходят официанты в белых перчатках; я, натурально, в тюлевом либо в газовом платье, тут вдруг заиграют вальс. А ну как я перед ним оконфужусь. Ах, срам какой! Куда тогда деваться-то? Что он подумает? Вот, скажет, дура необразованная! Да нет, как это можно! Однако я вот уж полтора года не

танцевала! Попробую-ка теперь на досуге. (Дурно вальсируя.) Раз… два… три… раз… два… три…

Явление второе

Липочка и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна (входя). Так, так, бесстыдница! Как будто сердце чувствовало: ни свет ни заря, не поемши хлеба божьего, да уж и за пляску тотчас!

Липочка. Как, маменька, я и чай пила, и ватрушку скушала. Посмотрите-ка, хорошо? Раз, два, три… раз… два…

Аграфена Кондратьевна (преследуя ее). Так что ж, что ты скушала? Нужно мне очень смотреть, как ты греховодничаешь!.. Говорю тебе, не вертись!

Липочка. Что за грех такой! Нынче все этим развлекаются. Раз… два…

Аграфена Кондратьевна. Лучше об стол лбом стучи, да ногами не озорничай! (Бегает за ней.) Да что ж ты, с чего ж ты взяла не слушаться!

Липочка. Как не слушаться, кто вам сказал! Не мешайте, дайте кончить, как надобно! Раз, два, три…

Аграфена Кондратьевна. Долго ль же мне бегать-то за тобой на старости лет! Ух, замучила, варварка!

Слышишь, перестань! Отцу пожалуюсь!

Липочка. Сейчас, сейчас, маменька! Последний кружок! Вас на то и Бог создал, чтоб жаловаться. Сами-то вы не очень для меня значительны! Раз, два…

Аграфена Кондратьевна. Как! ты еще пляшешь, да еще ругаешься! Сию минуту брось! Тебе ж будет хуже: поймаю за юбку, весь хвост оторву.

Липочка. Ну да рвите на здоровье! Вам еще зашивать придется! Вот и будет! (Садится.) Фу… фу… как упаточилась, словно воз везла! Ух! Дайте, маменька, платочка пот обтереть.

Аграфена Кондратьевна. Постой, уж я сама оботру! Ишь уморилась! А ведь и то сказать, будто неволили. Коли уж матери не почитаешь, так стен-то бы посовестилась! Отец, голубчик, через великую силу ноги двигает, а ты тут скачешь, как юла какая!

Липочка. Подите вы с своими советами! Что ж мне делать, по-вашему! Самой, что ли, хворать прикажете? Вот другой манер, кабы я была докторша! Ух! Что это у вас за отвратительные понятия! Ах! какие вы, маменька, ей-богу! Право, мне иногда краснеть приходится от ваших глупостей!

Аграфена Кондратьевна. Каково детище-то ненаглядное! Прошу подумать, как она мать-то честит! Ах ты, болтушка бестолковая! Да разве можно

такими речами поносить родителей? Да неужто я затем тебя на свет родила, учила да берегла пуще соломинки?

Липочка. Не вы учили — посторонние; полноте, пожалуйста; вы и сами-то, признаться сказать, ничему не воспитаны. Ну, что ж? Родили вы — я была тогда что? Ребенок, дитя без понятия, не смыслила обращения. А выросла да посмотрела на светский тон, так и вижу, что я гораздо других образованнее. Что ж мне, потакать вашим глупостям! Как же! Есть оказия.

Аграфена Кондратьевна. Уймись! эй, уймись, бесстыдница! Выведешь ты меня из терпения, прямо к отцу пойду, так в ноги и брякнусь, житья, скажу, нет от дочери, Самсонушко!

Липочка. Да, вам житья нет! Воображаю! А мне есть от вас житье? Зачем вы отказали жениху? Чем не бесподобная партия? Чем не капидон? Что вы нашли в нем легковерного?

Аграфена Кондратьевна. А то и легковерного, что зубоскал! Приехал, ломался, ломался, вертелся, вертелся. Эка невидаль!

Липочка. Да, много вы знаете! Известно, он благородный человек, так и действует по-деликатному. В ихнем кругу всегда так делают. Да как еще вы смеете порочить таких людей, которых вы и

понятия не знаете? Он ведь не купчишка какой-нибудь. (Шепчет в сторону.) Душка, милашка!

Аграфена Кондратьевна. Да, хорош душка! Скажите пожалуйста! Жалко, что не отдали тебя за шута за горохового. Ведь ишь ты, блажь-то какая в тебе; ведь это ты назло матери под нос-то шепчешь.

Липочка. Видимый резон, что не хотите моего счастья. Вам с тятенькой только кляузы строить да тиранничать.

Аграфена Кондратьевна. Ну, как ты хочешь там думай. Господь тебе судья! А никто так не заботится о своем детище, как материнская утроба! Ты вот тут хохришься да разные глупости выколупываешь, а мы с отцом-то дённо и нощно заботимся, как бы тебе хорошего человека найти да пристроить тебя поскорее.

Липочка. Да, легко вам разговаривать, а позвольте спросить, каково мне-то?

Аграфена Кондратьевна. Разве мне тебя не жаль, ты думаешь? Да что делать-то! Потерпи малость, уж коли много лет ждала. Ведь нельзя же тебе вдруг жениха найти: скоро-то только кошки мышей ловят.

Липочка. Что мне до ваших кошек! Мне мужа надобно! Что это такое! Страм встречаться с знакомыми; в целой Москве не могли выбрать

жениха — всё другим да другим. Кого не заденет за живое: все подруги с мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вот один, так и тому отказали. Слышите, найдите мне жениха, беспременно найдите!.. Вперед вам говорю, беспременно сыщите, а то для вас же будет хуже: нарочно, вам назло, по секрету заведу обожателя, с гусаром убегу, да и обвенчаемся потихоньку.

Аграфена Кондратьевна. Что, что, беспутная! Кто вбил в тебя такие скверности? Владыко милосердый, не могу с духом собраться… Ах ты, собачий огрызок! Ну, нечего делать! Видно, придется отца позвать.

Липочка. Только и ладите, что отца да отца; бойки вы при нем разговаривать-то, а попробуйте-ка сами!

Аграфена Кондратьевна. Так что же, я дура, по-твоему, что ли? Какие у тебя там гусары, бесстыжий твой нос? Тьфу ты, дьявольское наваждение! Али ты думаешь, что я не властна над тобой приказывать? Говори, бесстыжие твои глаза, с чего у тебя взгляд-то такой завистливый? Что ты прытче матери хочешь быть? У меня ведь недолго, я и на кухню горшки парить пошлю. Ишь ты! Ишь ты! А!.. Ах, матушки вы мои! Посконный сарафан сошью да вот на голову тебе и надену! С поросятами

тебя, вместо родителей-то, посажу!

Липочка. Как же! Позволю я над собой командовать! Вот еще новости!

Аграфена Кондратьевна. Молчи, молчи, таранта Егоровна! Уступи верх матери! Эко семя противное! Словечко пикнешь, так язык ниже пяток пришью. Вот послал Господь утешение! Девчонка хабальная! Мальчишка ты, шельмец, и на уме-то у тебя все неженское! Готова, чай, вот на лошадь по-солдатски вскочить!

Липочка. Вы, я воображаю, приплетете скоро всех буточников. Уж молчали бы лучше, коли не так воспитаны. Все я скверна, а сами-то вы каковы после этого! Что, вам угодно спровадить меня на тот свет прежде времени, извести своими капризами? (Плачет.) Что ж, пожалуй, я уж и так, как муха какая, кашляю. (Плачет.)

Аграфена Кондратьевна (стоит и смотрит на нее). Ну, полно, полно!

Липочка плачет громче и потом рыдает.

Ну, полно ты, полно! Говорят тебе, перестань! Ну, я виновата, перестань только, я виновата.

Липочка плачет.

Липочка! Липа! Ну, будет! Ну, перестань!

(Сквозь слезы.) Ну, не сердись ты на меня… (Плачет.) бабу глупую… неученую… (Плачут обе вместе.) Ну, прости ты меня… сережки куплю.

Липочка (плача). На что мне сережки ваши, у меня и так полон туалет. А вы купите браслеты с изумрудами.

Аграфена Кондратьевна. Куплю, куплю, только ты плакать-то перестань!

Липочка (сквозь слезы). Тогда и перестану, как замуж выду. (Плачет.)

Аграфена Кондратьевна. Выдешь, выдешь, голубчик ты мой! Ну, поцелуй меня! (Целуются.) Ну, Христос с тобой! Ну, дай я тебе слезки оботру. (Обтирает.) Вот нынче хотела Устинья Наумовна прийти, мы и потолкуем.

Липочка (голосом, еще не успокоившимся). Ах! кабы она поскорей пришла!

Явление третье

Те же и Фоминишна.

Фоминишна. Угадайте-ка, матушка Аграфена Кондратьевна, кто к нам изволит жаловать?

Аграфена Кондратьевна. Не умею сказать. Да что я тебе, бабка-угадка, что ли, Фоминишна?

Липочка. Отчего ж ты у меня не спросишь, что я, глупее, что ли, вас с маменькой?

Фоминишна. Уж и не знаю, как сказать: на словах-то ты у нас больно прытка, а на деле-то вот и нет тебя. Просила, просила, не токма чтобы что такое, подари хоть платок, валяются у тебя вороха два без призрения, так все нет, все чужим да чужим.

Аграфена Кондратьевна. Вот уж этого, Фоминишна, я до скончания не разберу.

Липочка. Ишь она! Знать, пивца хлебнула после завтрака, налепила тут чудеса в решете.

Фоминишна. Вестимо так; что смеяться-то? Каково скончание, Аграфена Кондратьевна, бывает и начало хуже конца.

Аграфена Кондратьевна. С тобой не разъедешься! Ты коли уж начнешь толковать, так только ушами хлопай. Кто ж такой там пришел-то?

Липочка. Мужчина али женщина?

Фоминишна. У тебя все мужчины в глазах-то прыгают. Да где ж это-таки видано, что мужчина ходит в чепчике? Вдовье дело — как следует назвать?

Липочка. Натурально, незамужняя, вдова.

Фоминишна. Стало быть, моя правда? И выходит, что женщина!

Липочка. Эка бестолковая! Да кто женщина-то?

Фоминишна. То-то вот, умна, да не догадлива: неко-

му другому и быть, как не Устинье Наумовне.

Липочка. Ах, маменька, как это кстати!

Аграфена Кондратьевна. Где ж она до сих пор? Веди ее скорей, Фоминишна.

Фоминишна. Сама в секунту явится: остановилась на дворе, с дворником бранится: не скоро калитку отпер.

Явление четвертое

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна (входя). Уф, фа, фа! Что это у вас, серебряные, лестница-то какая крутая: лезешь, лезешь, насилу вползешь.

Липочка. Ах, да вот и она! Здравствуй, Устинья Наумовна!

Устинья Наумовна. Не больно спеши! Есть и постарше тебя. Вот с маменькой-то покалякаем прежде. (Целуясь.) Здравствуй, Аграфена Кондратьевна, как встала, ночевала, все ли жива, бралиянтовая?

Аграфена Кондратьевна. Слава Создателю! Живу — хлеб жую; целое утро вот с дочкой балясничала.

Устинья Наумовна. Чай, об нарядах все. (Целуясь с Липочкой.) Вот и до тебя очередь дошла. Что это ты словно потолстела, изумрудная?.. Пошли,

Творец! Чего ж лучше, как не красотой цвести!

Фоминишна. Тьфу ты, греховодница! Еще сглазишь, пожалуй.

Липочка. Ах, какой вздор! Это тебе так показалось, Устинья Наумовна. Я все хирею: то колики, то сердце бьется, как маятник; все как словно тебя подманивает али плывешь по морю, так вот и рябит меланхолия в глазах.

Устинья Наумовна (Фоминишне). Ну, и с тобой, божья старушка, поцелуемся уж кстати. Правда, на дворе ведь здоровались, серебряная, стало быть, и губы трепать нечего.

Фоминишна. Как знаешь. Известно, мы не хозяева, лыком шитая мелкота; а и в нас тоже душа, а не пар!

Аграфена Кондратьевна (садясь). Садись, садись, Устинья Наумовна, что как пушка на колесах стоишь! Поди-ко, вели нам, Фоминишна, самоварчик согреть.

Устинья Наумовна. Пила, пила, жемчужная; провалиться на месте — пила, и забежала-то так, на минуточку.

Аграфена Кондратьевна. Что ж ты, Фоминишна, проклажаешься? Беги, мать моя, проворнее.

Липочка. Позвольте, маменька, я поскорей сбегаю; видите, какая она неповоротливая.

Фоминишна. Уж не финти, где не спрашивают! А я, матушка Аграфена Кондратьевна, вот что думаю: не пригожее ли будет подать бальсанцу с селедочкой.

Аграфена Кондратьевна. Ну, бальсан бальсаном, а самовар самоваром. Аль тебе жалко чужого добра? Да как поспеет, вели сюда принести.

Фоминишна. Как же уж! Слушаю! (Уходит.)

Явление пятое

Те же без Фоминишны.

Аграфена Кондратьевна. Ну что, новенького нет ли чего, Устинья Наумовна? Ишь у меня девка-то стосковалась совсем.

Липочка. И в самом деле, Устинья Наумовна, ты ходишь, ходишь, а толку нет никакого.

Устинья Наумовна. Да ишь ты, с вами не скоро сообразишь, бралиянтовые. Тятенька-то твой ладит за богатого: мне, говорит, хотя Федот от проходных ворот, лишь бы денежки водились, да приданого поменьше ломил. Маменька-то вот, Аграфена Кондратьевна, тоже норовит в свое удовольствие: подавай ты ей беспременно купца, да чтобы был жалованный, да лошадей бы хороших держал, да

и лоб-то крестил бы по-старинному. У тебя тоже свое на уме. Как на вас угодишь?

Явление шестое

Те же и Фоминишна, входит, ставит на стол водку с закуской.

Липочка. Не пойду я за купца, ни за что не пойду. Затем разве я так воспитана: училась и по-французски, и на фортепьянах, и танцевать! Нет, нет! Где хочешь возьми, а достань благородного.

Аграфена Кондратьевна. Вот ты и толкуй с ней.

Фоминишна. Да что тебе дались эти благородные? Что в них за особенный скус? Голый на голом, да и христианства-то никакого нет: ни в баню не ходит, ни пирогов по праздникам не печет, а ведь хошь и замужем будешь, а надоест тебе соус-то с подливкой.

Липочка. Ты, Фоминишна, родилась между мужиков и ноги протянешь мужичкой. Что мне в твоем купце! Какой он может иметь вес? Где у него амбиция? Мочалка-то его, что ли, мне нужна?

Фоминишна. Не мочалка, а божий волос, сударыня, так-то-сь!

Аграфена Кондратьевна. Ведь и тятенька твой не

оболваненный какой, и борода-то тоже не обшарканная, да целуешь же ты его как-нибудь.

Липочка. Одно дело тятенька, а другое дело — муж. Да что вы пристали, маменька? Уж сказала, что не пойду за купца, так и не пойду! Лучше умру сейчас, до конца всю жизнь выплачу: слез недостанет, перцу наемся.

Фоминишна. Никак ты плакать сбираешься? И думать не моги! И тебе как в охоту дразнить, Аграфена Кондратьевна!

Аграфена Кондратьевна. А кто ее дразнит? Сама привередничает.

Устинья Наумовна. Пожалуй, уж коли тебе такой апекит, найдем тебе и благородного. Какого тебе: посолидней али поподжаристей?

Липочка. Ничего и потолще, был бы собою не мал. Конечно, лучше уж рослого, чем какого-нибудь мухортика. И пуще всего, Устинья Наумовна, чтобы не курносого, беспременно чтобы был бы брюнет; ну, понятное дело, чтоб и одет был пожурнальному. (Смотрит в зеркало.) Ах, Господи! А сама-то я нынче вся, как веник, растрепана.

Устинья Наумовна. А есть у меня теперь жених, вот точно такой, как ты, бралиянтовая, расписываешь: и благородный, и рослый, и брюле.

Липочка. Ах, Устинья Наумовна! Совсем не брюле,

а брюнет.

Устинья Наумовна. Да, очень мне нужно на старости лет язык-то ломать по-твоему: как сказалось, так и живет. И крестьяне есть, и орген на шее; ты вот поди оденься, а мы с маменькой-то потолкуем об этом деле.

Липочка. Ах, голубушка, Устинья Наумовна, зайди ужо ко мне в комнату: мне нужно поговорить с тобой. Пойдем, Фоминишна.

Фоминишна. Ох, уж ты мне, егоза!

Уходят.

Явление седьмое

Аграфена Кондратьевна и Устинья Наумовна.

Аграфена Кондратьевна. Не выпить ли нам перед чаем-то бальсанцу, Устинья Наумовна?

Устинья Наумовна. Можно, бралиянтовая, можно.

Аграфена Кондратьевна (наливает). Кушай-ка на здоровье!

Устинья Наумовна. Да ты бы сама-то прежде, яхонтовая. (Пьет.)

Аграфена Кондратьевна. Еще поспею!

Устинья Наумовна. Уах! фу! Где это вы берете зелье этакое?

Аграфена Кондратьевна. Из винной конторы. (Пьет.)

Устинья Наумовна. Ведрами, чай?

Аграфена Кондратьевна. Ведрами. Что уж по малости-то, напасешься ль? У нас ведь расход большой.

Устинья Наумовна. Что говорить, матушка, что говорить! Ну, уж хлопотала, хлопотала я для тебя, Аграфена Кондратьевна, гранила, гранила мостовую-то, да уж и выкопала жениха: ахнете, бралиянтовые, да и только.

Аграфена Кондратьевна. Насилу-то умное словцо вымолвила.

Устинья Наумовна. Благородного происхождения и значительный человек, такой вельможа, что вы и во сне не видывали.

Аграфена Кондратьевна. Видно, уж попросить у Самсона Силыча тебе парочку арабчиков[1].

Устинья Наумовна. Ничего, жемчужная, возьму. И крестьяне есть, и орген на шее, а умен как, просто тебе истукан золотой.

Аграфена Кондратьевна. Ты бы, Устинья Наумовна, вперед доложила, что за дочерью-то у нас не горы, мол, золотые.

Устинья Наумовна. Да у него своих девать некуды.

Аграфена Кондратьевна. Хорошо бы это, уж и больно

---

[1] Примечания: 1

Арабчик — червонец. — Примеч. авт.

хорошо; только вот что, Устинья Наумовна, сама ты, мать, посуди, что я буду с благородным-то зятем делать? Я и слова-то сказать с ним не умею, словно в лесу.

Устинья Наумовна. Оно точно, жемчужная, дико сначала-то, ну, а потом привыкнешь, обойдетесь как-нибудь. Да вот с Самсон Силычем надо потолковать, может, он его и знает, этого человека-то.

Явление восьмое

Те же и Рисположенский.

Рисположенский(входя). А я к вам, матушка Аграфена Кондратьевна. Толконулся было к Самсону Силычу, да занят, вижу; так я думаю: зайду, мол, я к Аграфене Кондратьевне. Что это, водочка у вас? Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (Пьет.)

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка, на здоровье! Садиться милости просим; как живете-можете?

Рисположенский. Какое уж наше житье! Так, небо коптим, Аграфена Кондратьевна! Сами знаете: семейство большое, делишки маленькие. А не ропщу, роптать грех, Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Уж это, батюшка, последнее

дело.

Расположенский. Кто ропщет, значит, тот Богу противится, Аграфена Кондратьевна. Вот какая была история…

Аграфена Кондратьевна. Как тебя звать-то, батюшка? Я все позабываю.

Расположенский. Сысой Псоич, матушка Аграфена Кондратьевна.

Устинья Наумовна. Как же это так: Псович, серебряный? По-каковски же это?

Расположенский. Не умею вам сказать доподлинно; отца звали Псой — ну, стало быть, я Псоич и выхожу.

Устинья Наумовна. А Псович так Псович; что ж, это ничего, и хуже бывает, бралиянтовый.

Аграфена Кондратьевна. Так какую же ты, Сысой Псович, историю-то хотел рассказать?

Расположенский. Так вот, матушка Аграфена Кондратьевна, была история: не то чтобы притча али сказка какая, а истинное происшествие. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (Пьет.)

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка, кушай.

Расположенский(садится). Жил старец, маститый старец… Вот уж я, матушка, забыл где, а только в стороне такой… необитаемой. Было у него, сударыня ты моя, двенадцать дочерей — мал мала

меньше. Сам работать не в силах, жена тоже старуха старая, дети еще малые, а пить-есть надобно. Что было добра, под старость все прожили, поить, кормить некому! Куда деться с малыми ребятами? Вот он так думать, эдак думать — нет, сударыня ты моя, ничего уж тут не придумаешь. «Пойду, говорит, я на распутие: не будет ли чего от доброхотных дателей». День сидит — Бог подаст, другой сидит — Бог подаст, вот он, матушка, и возроптал.

Аграфена Кондратьевна. А, батюшки!

Расположенский. Господи, говорит, не мздоимец я, не лихоимец я... лучше, говорит, на себя руки наложить.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшка мой!

Расположенский. И бысть ему, сударыня ты моя, сон в нощи...

Входит Большов.

Явление девятое

Те же и Большов.

Большов. А! и ты, барин, здесь! Что это ты тут проповедуешь?

Расположенский (кланяется). Всё ли здоровы,

Самсон Силыч?

Устинья Наумовна. Что это ты, яхонтовый, похудел словно? Аль увечье какое напало?

Большов (садясь). Простудился, должно быть, либо геморрой, что ли, расходился…

Аграфена Кондратьевна. Ну, так, Сысой Псович, что ж ему дальше-то было?

Расположенский. После, Аграфена Кондратьевна, после доскажу, на свободе как-нибудь забегу в сумеречки и расскажу.

Большов. Что это ты, али за святость взялся! Ха, ха, ха! Пора очувствоваться.

Аграфена Кондратьевна. Ну, уж ты начнешь! Не дашь по душе потолковать.

Большов. По душе!.. Ха, ха, ха… А ты спроси-ка, как у него из суда дело пропало; вот эту историю-то он тебе лучше расскажет.

Расположенский. Ан нет же, и не пропало! Вот и неправда, Самсон Силыч!

Большов. А за что ж тебя оттудова выгнали?

Расположенский. А вот за что, матушка Аграфена Кондратьевна. Взял я одно дело из суда домой, да дорогой-то с товарищем и завернули, человек слаб, ну, понимаете… с позволенья сказать, хошь бы в погребок… там я его оставил, да хмельной-то, должно быть, и забыл. Что ж, со всяким может

случиться. Потом, сударыня моя, в суде и хватились этого дела-то: искали, искали, я и на дом-то ездил два раза с экзекутором — нет как нет! Хотели меня суду предать, а тут я и вспомнил, что, должно быть, мол, я его в погребке забыл. Поехали с экзекутором — оно там и есть.

Аграфена Кондратьевна. Что ж! Не токма что с пьющим, и с непьющим бывает. Что ж за беда такая!

Большов. Как же тебя в Камчатку не сослали?

Расположенский. Уж и в Камчатку! А за что, позвольте вас спросить, за что в Камчатку-то сослать?

Большов. За что! За безобразие! Так неужели ж вам потакать? Этак вы с кругу сопьетесь.

Расположенский. Ан вот простили. Вот, матушка Аграфена Кондратьевна, хотели меня суду предать за это за самое. Я сейчас к генералу к нашему, бух ему в ноги. Ваше, говорю, превосходительство! Не погубите! Жена, говорю, дети маленькие! Ну, говорит, Бог с тобой, лежачего не бьют, подавай, говорит, в отставку, чтоб я и не видал тебя здесь. Так и простил. Что ж! Дай Бог ему здоровья! Он меня и теперь не забывает; иногда забежишь к нему на празднике: что, говорит, ты, Сысой Псоич? С праздником, мол, ваше превосходительство, поздравить пришел. Вот к Троице ходил недавно, просвирку ему принес. Я, Аграфена Кон-

дратьевна, рюмочку выпью. (Пьет.)

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка, на здоровье! А мы с тобой, Устинья Наумовна, пойдем-ко, чай, уж самовар готов; да покажу я тебе, есть у нас кой-что из приданого новенького.

Устинья Наумовна. У вас, чай, и так вороха наготовлены, бралиянтовая.

Аграфена Кондратьевна. Что делать-то! Материи новые вышли, а нам будто не стать за них деньги платить.

Устинья Наумовна. Что говорить, жемчужная! Свой магазин, все равно что в саду растет.

Уходят.

Явление десятое

Большов и Рисположенский.

Большов. А что, Сысой Псоич, чай, ты с этим крючкотворством на своем веку много чернил извел?

Рисположенский. Хе, хе… Самсон Силыч, материал не дорогой. А я вот забежал понаведаться, как ваши делишки.

Большов. Забежал ты! А тебе больно знать нужно! То-то вот вы подлый народ такой, кровопийцы какие-то: только б вам пронюхать что-нибудь

этакое, так уж вы и вьетесь тут с вашим дьявольским наущением.

Расположенский. Какое же может произойти, Самсон Силыч, от меня наущение? Да и что я за учитель такой, когда вы сами, может быть, в десять раз меня умнее? Меня что попросят, я сделаю. Что ж не сделать! Я бы свинья был, когда б не сделал, потому что я, можно сказать, облагодетельствован вами и с ребятишками. А я еще довольно глуп, чтобы вам советовать: вы свое дело сами лучше всякого знаете.

Большов. Сами знаете! То-то вот и беда, что наш брат купец дурак, ничего он не понимает, а таким пиявкам, как ты, это и на руку. Ведь вот ты теперь все пороги у меня обобьешь таскамшись-то.

Расположенский. Как же мне не таскаться-то! Кабы я вас не любил, я бы к вам и не таскался. Разве я не чувствую? Что ж я, в самом деле, скот, что ли, какой бессловесный?

Большов. Знаю я, что ты любишь, все вы нас любите; только путного от вас ничего не добьешься. Вот я теперь маюсь, маюсь с делом, так измучился, поверишь ли ты, мнением только этим одним. Уж хоть бы поскорей, что ли, да из головы вон.

Расположенский. Что же, Самсон Силыч, не вы первый, не вы последний; нешто другие-то не

делают?

Большов. Как не делать, брат, и другие делают. Да еще как делают-то: без стыда, без совести! На лежачих лесорах ездят, в трехэтажных домах живут; другой такой бельведер с колоннами выведет, что ему с своей образиной и войти-то туда совестно; а там и капут, и взять с него нечего. Коляски эти разъедутся неизвестно куда, дома все заложены, останется ль, нет ли кредиторам-то старых сапогов пары три. Вот тебе вся недолга. Да еще и обманет-то кого: так, бедняков каких-нибудь пустит в одной рубашке по миру. А у меня кредиторы все люди богатые, что им сделается!

Расположенский. Известное дело. Что ж, Самсон Силыч, все это в наших руках.

Большов. Знаю, что в наших руках, да сумеешь ли ты это дело сделать-то? Ведь вы народец тоже! Я уж вас знаю! На словах-то вы прытки, а там и пошел блудить.

Расположенский. Да что вы, Самсон Силыч, помилуйте, нешто мне в первый раз! Уж еще этого-то не знать! Хе, хе, хе… Да такие ли я дела делал, да с рук сходило. Другого-то за такие штуки уж заслали бы давно, куда Макар телят не гонял.

Большов. Ой ли? Так какую ж ты механику подсмолишь?

Расположенский. А там глядя по обстоятельствам. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. (Пьет.) Вот, первое дело, Самсон Силыч, надобно дом да лавки заложить либо продать. Это уж первое дело.

Большов. Да, это точно надобно сделать заблаговременно. На кого бы только эту обузу свалить? Да вот разве на жену?

Расположенский. Незаконно, Самсон Силыч! Это незаконно! В законах изображено, что таковые продажи недействительны. Оно ведь сделать-то недолго, да чтоб крючков после не вышло. Уж делать, так надо, Самсон Силыч, прочней.

Большов. И то дело, чтоб оглядок не было.

Расположенский. Как на чужого-то закрепишь, так уж и придраться-то не к чему. Спорь после поди против подлинных-то бумаг.

Большов. Только вот что беда-то: как закрепишь на чужого дом-то, а он, пожалуй, там и застрянет, как блоха на войне.

Расположенский. Уже вы ищите, Самсон Силыч, такого человека, чтобы он совесть знал.

Большов. А где ты его найдешь нынче? Нынче всякий норовит, как тебя за ворот ухватить, а ты совести захотел.

Расположенский. А я вот как мекаю, Самсон Силыч, хотите вы, меня слушайте, хотите вы — нет: каков

человек у вас приказчик?

Большов. Который? Лазарь, что ли?

Расположенский. Да, Лазарь Елизарыч.

Большов. Ну, а на Лазаря, так и пускай на него: он малый с понятием, да и капиталец есть.

Расположенский. Что же прикажете, Самсон Силыч, закладную или купчую?

Большов. А с чего процентов меньше, то и варгань. Как сделаешь все в аккурате, такой тебе, Сысой Псоич, магарыч поставлю, просто сказать, угоришь.

Расположенский. Уж будьте покойны, Самсон Силыч, мы свое дело знаем. А вы Лазарю-то Елизарычу говорили об этом деле или нет? Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. (Пьет.)

Большов. Нет еще. Вот нынче потолкуем. Он у меня парень-то дельный, ему только мигни, он и понимает. А уж сделает-то что, так пальца не подсунешь. Ну, заложим мы дом, а потом что?

Расположенский. А потом напишем реестрик, что вот, мол, так и так, по двадцати пяти копеек за рубль: ну, и ступайте по кредиторам. Коли кто больно заартачится, так можно и прибавить, а другому сердитому и всё заплатить… Вы ему заплатите, а он чтобы писал, что по сделке получил по двадцати пяти копеек, так, для видимости,

чтобы другим показать. Вот, мол, так и так, ну, и другие, глядя на них, согласятся.

Большов. Это точно, поторговаться не мешает: не возьмут по двадцати пяти, так полтину возьмут; а если полтины не возьмут, так за семь гривен обеими руками ухватятся. Все-таки барыш. Там что хошь говори, а у меня дочь невеста, хоть сейчас из полы в полу да с двора долой. Да и самому-то, братец ты мой, отдохнуть пора; проклажались бы мы лежа на боку, и торговлю всю эту к черту. Да вот и Лазарь идет.

Явление одиннадцатое

Те же и Подхалюзин, входит.

Большов. Что скажешь, Лазарь? Ты из городу, что ль? Как у вас там?

Подхалюзин. Слава Богу-с, идет помаленьку. Сысою Псоичу! (Кланяется.)

Рисположенский. Здравствуйте, батюшка Лазарь Елизарыч! (Кланяется.)

Большов. А идет, так и пусть идет. (Помолчав.) А вот ты бы, Лазарь, когда на досуге баланц для меня сделал, учел бы розничную по панской-то части, ну и остальное, что там еще. А то торгу-

ем, торгуем, братец, а пользы ни на грош. Али сидельцы, что ли, грешат, таскают родным да любовницам; их бы маленечко усовещивал. Что так, без барыша-то, небо коптить? Аль сноровки не знают? Пора бы, кажется.

Подхалюзин. Как же это можно, Самсон Силыч, чтобы сноровки не знать? Кажется, сам завсегда в городе бываю-с, и завсегда толкуешь им-с.

Большов. Да что же ты толкуешь-то?

Подхалюзин. Известное дело-с, стараюсь, чтобы все было в порядке и как следует-с. Вы, говорю, ребята, не зевайте: видишь чуть дело подходящее, покупатель, что ли, тумак какой подвернулся али цвет с узором какой барышне понравился, взял, говорю, да и накинул рубль али два на аршин.

Большов. Чай, брат, знаешь, как немцы в магазинах наших бар обирают. Положим, что мы не немцы, а христиане православные, да тоже пироги-то с начинкой едим. Так ли? А?

Рисположенский смеется.

Подхалюзин. Дело понятное-с. И мерять-то, говорю, надо тоже поестественнее: тяни да потягивай, только, только чтоб, Боже сохрани, как не лопнуло, ведь не нам, говорю, после носить. Ну, а зазеваются, так никто не виноват, можно, го-

ворю, и просто через руку лишний аршин раз шмыгнуть.

Большов. Все единственно: ведь портной украдет же. А? Украдет ведь?

Расположенский. Украдет, Самсон Силыч, беспременно, мошенник, украдет; уж я этих портных знаю.

Большов. То-то вот; все они кругом мошенники, а на нас слава.

Расположенский. Это точно, Самсон Силыч, это вы правду говорить изволите.

Большов. Эх, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежние времена. (Помолчав.) Что, «Ведомости» принес?

Подхалюзин (вынимая из кармана и подавая). Извольте получить-с.

Большов. Дава-кось, посмотрим. (Надевает очки и просматривает.)

Расположенский. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. (Пьет, потом надевает очки, садится подле Большова и смотрит в газеты.)

Большов (читает вслух). «Объявления казенные и разных обществ: 1, 2, 3, 4, 5 и 6, от Воспитательного дома». Это не по нашей части, нам крестьян не покупать. «7 и 8 от Московского новерситета, от Губернских правлений, от Приказов общественного призрения». Ну, и это мимо. «От Городской

шестигласной думы». А нутко-сь, нет ли чего! (Читает.) «От Московской городской шестигласной думы сим объявляется: не пожелает ли кто взять в содержание нижеозначенные оборочные статьи». Не наше дело: залоги надоть представлять. «Контора Вдовьего дома сим приглашает…» Пускай приглашает, а мы не пойдем. «От Сиротского суда». У самих ни отца, ни матери. (Просматривает дальше.) Эге! Вон оно куды пошло! Слушай-ка, Лазарь! «Такого-то года, сентября такого-то дня, по определению Коммерческого суда, первой гильдии купец Федот Селиверстов Плешков объявлен несостоятельным должником; вследствие чего…» Что тут толковать! Известно, что вследствие бывает. Вот те и Федот Селиверстыч! Каков был туз, а в трубу вылетел. А что, Лазарь, не должен ли он нам?

Подхалюзин. Малость должен-с. Сахару для дому брали пудов никак тридцать, не то сорок.

Большов. Плохо дело, Лазарь. Ну, да мне-то он сполна отдаст по-приятельски.

Подхалюзин. Сумнительно-с.

Большов. Сочтемся как-нибудь. (Читает.) «Московский первой гильдии купец Антип Сысоев Енотов объявлен несостоятельным должником». За этим ничего нет?

Подхалюзин. За масло постное-с, об Великом посту брали бочонка с три-с.

Большов. Вот сухоядцы-то, постники! И Богу-то угодить на чужой счет норовят. Ты, брат, степенству-то этому не верь! Этот народ одной рукой крестится, а другой в чужую пазуху лезет! Вот и третий: «Московский второй гильдии купец Ефрем Лукин Полуаршинников объявлен несостоятельным должником». Ну, а этот как?

Подхалюзин. Вексель есть-с!

Большов. Протестован?

Подхалюзин. Протестован-с. Сам-то скрывается-с.

Большов. Ну! и четвертый тут, Самопалов. Да что они, сговорились, что ли?

Подхалюзин. Уж такой расподлеющий народ-с.

Большов (ворочая листы). Да тут их не перечитаешь до завтрашнего числа. Возьми прочь!

Подхалюзин(берет газету). Газету-то только пакостят. На все купечество мораль эдакая.

Молчание.

Расположенский. Прощайте, Самсон Силыч, я теперь домой побегу: делишки есть кой-какие.

Большов. Да ты бы посидел немножко.

Расположенский. Нет, ей-богу, Самсон Силыч, не время. Я уж к вам завтра пораньше зайду.

Большов. Ну, как знаешь!

Расположенский. Прощайте! Прощайте, Лазарь Елизарыч! (Уходит.)

Явление двенадцатое

Большов и Подхалюзин.

Большов. Вот ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь что! Так вот даром и бери деньги. Как не деньги, скажет — видал, как лягушки прыгают. На-ко, говорит, вексель. А по векселю-то с иных что возьмешь! Вот у меня есть завалящих тысяч на сто, и с протестами; только и дела, что каждый год подкладывай. Хошь за полтину серебра все отдам! Должников-то по ним, чай, и с собаками не сыщешь: которые повымерли, а которые поразбежались, некого и в яму посадить. А и посадишь-то, Лазарь, так сам не рад: другой так обдержится, что его оттедова куревом не выкуришь. Мне, говорит, и здесь хорошо, а ты проваливай. Так ли, Лазарь?

Подхалюзин. Уж это как и водится.

Большов. Все вексель да вексель! А что такое это вексель? Так, бумага, да и все тут. И на дисконту отдашь, так проценты слупят, что в животе

забурчит, да еще после своим добром отвечай. (Помолчав.) С городовыми[2] лучше не связывайся: всё в долг да в долг; а привезет ли, нет ли, так слепой мелочью да арабчиками, поглядишь — ни ног, ни головы, а на мелочи никакого звания давно уж нет. А вот ты тут как хошь! Здешним торговцам лучше не показывай: в любой анбар взойдет, только и дела, что нюхает, нюхает, поковыряет, поковыряет, да и прочь пойдет. Уж диви бы товару не было, — каким еще рожном торговать. Одна лавка москательная, другая красная, третья с бакалеей; так нет, ничто не везет. На торги хошь не являйся: сбивают цены пуще черт знает чего; а наденешь хомут, да еще и вязку подай, да магарычи, да угощения, да разные там недочеты с провесами. Вон оно что! Чувствуешь ли ты это?

Подхалюзин. Кажется, должен чувствовать-с.

Большов. Вот какова торговля-то, вот тут и торгуй! (Помолчав.) Что, Лазарь, как ты думаешь!

Подхалюзин. Да как думать-с! Уж это как вам угодно. Наше дело подначальное.

Большов. Что тут подначальное: ты говори по душе. Я у тебя про дело спрашиваю.

---

[2] Примечания: 2

Т. е. провинциальными купцами.

Подхалюзин. Это опять-таки, Самсон Силыч, как вам угодно-с.

Большов. Наладил одно: как вам угодно. Да ты-то как?

Подхалюзин. Это я не могу знать-с.

Большов (помолчав). Скажи, Лазарь, по совести, любишь ты меня? (Молчание.) Любишь, что ли? Что ж ты молчишь? (Молчание.) Поил, кормил, в люди вывел, кажется.

Подхалюзин. Эх, Самсон Силыч! Да что тут разговаривать-то-с. Уж вы во мне-то не сумневайтесь! Уж одно слово: вот как есть, весь тут.

Большов. Да что ж, что ты весь-то?

Подхалюзин. Уж коли того, а либо что, так останетесь довольны: себя не пожалею.

Большов. Ну, так и разговаривать нечего. По мне, Лазарь, теперь самое настоящее время: денег наличных у нас довольно, векселям всем сроки подошли. Чего ж ждать-то? Дождешься, пожалуй, что какой-нибудь свой же брат, собачий сын, оберет тебя дочиста, а там, глядишь, сделает сделку по гривне за рубль, да и сидит в миллионе и плевать на тебя хочет. А ты, честный-то торговец, и смотри да казнись, хлопай глазами-то. Вот я и думаю, Лазарь, предложить кредиторам-то такую статью: не возьмут ли они у меня копеек по два-

дцати пяти за рубль. Как ты думаешь?

Подхалюзин. А уж по мне, Самсон Силыч, коли платить по двадцати пяти, так пристойнее совсем не платить.

Большов. А что? Ведь и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихим-то манером дельце обделать. Там после суди Владыка на втором пришествии. Хлопот-то только куча. Дом-то и лавки я на тебя заложу.

Подхалюзин. Нельзя ж без хлопот-с. Вот векселя надо за что-нибудь сбыть-с, товар перевести куда подальше. Станем хлопотать-с!

Большов. Оно так. Да старенек уж я становлюсь хлопотать-то. А ты помогать станешь?

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, в огонь и в воду полезу-с.

Большов. Эдак-то лучше! Черта ли там по грошам-то наживать! Махнул сразу, да и шабаш. Только напусти Бог смелости. Спасибо тебе, Лазарь. Удружил! (Встает.) Ну, хлопочи! (Подходит к нему и треплет по плечу.) Сделаешь дело аккуратно, так мы с тобой барышами-то поделимся. Награжу на всю жизнь. (Идет к двери.)

Подхалюзин(провожая его). Мне, Самсон Силыч, окромя вашего спокойствия, ничего не нужно-с. Как жимши у вас с малолетства и видемши все

ваши благодеяния, можно сказать, мальчишкой взят-с лавки подметать, следовательно, должен я чувствовать.

Действие второе

Контора в доме Большова. Прямо дверь, на левой стороне лестница наверх.

Явление первое

Тишка (со щеткой на авансцене). Эх, житье, житье! Вот чем свет тут ты полы мети! А мое ли дело полы мести? У нас все не как у людей! У других-то хозяев коли уж мальчишка, так и живет в мальчиках — стало быть, при лавке присутствует. А у нас то туда, то сюда, целый день шаркай по мостовой как угорелый. Скоро руку набьешь, держи карман-то. У добрых-то людей для разгонки держат дворника, а у нас он с котятами на печке лежит либо с кухаркой проклажается, а на тебе спросится. У других все-таки вольготность есть: иным часом проштрафишься што либо-о`што, по малолетствию тебе спускается; а у нас — коли не тот, так другой, коли не сам, так сама задаст вытрепку; а то вот приказчик Лазарь, а то вот Фоминишна, а то вот… всякая шваль над тобой командует. Вот она жисть-то какая анафемская!

А уж это чтобы урваться когда из дому, с приятелями в три листика али в пристенок сразиться — и не думай лучше! Да уж и в голове-то, правда, не то! (Лезет на стул коленками и смотрит в зеркало.) Здравствуйте, Тихон Савостьяныч! Как вы поживаете? Всё ли вы слава богу?.. А ну, Тишка, выкинь коленце. (Делает гримасу.) Вот оно что! (Другую.) Эвось оно как… (Хохочет.)

Явление второе

Тишка и Подхалюзин (крадется и хватает его за ворот).

Подхалюзин. А это ты, чертенок, что делаешь?

Тишка. Что? Известно что! Пыль стирал.

Подхалюзин. Языком-то стирал! Что ты за пыль на зеркале нашел? Покажу я тебе пыль! Ишь ломается! А вот я тебе заклею подзатыльника, так ты и будешь знать.

Тишка. Будешь знать! Да было бы еще за что!

Подхалюзин. А за то, что за что! Поговоришь, так и увидишь, за что! Вот пикни еще!

Тишка. Да, пикни еще! Я ведь и хозяину скажу, не что` возьмешь!

Подхалюзин. Хозяину скажу!.. Что мне твой хозяин… Я, коли на то пошло… хозяин мне твой!.. На

то ты и мальчишка, чтоб тебя учить, а ты думал что! Вас, пострелят, не бить, так и добра не видать. Прахтика-то эта известная. Я, брат, и сам огни, и воды, и медные трубы прошел.

Тишка. Знаем, что прошел.

Подхалюзин. Цыц, дьяволенок! (Замахивается.)

Тишка. На-кось, попробуй! Нешто не скажу, ей-богу, скажу!

Подхалюзин. Да что ты скажешь-то, чертова перечница!

Тишка. Что скажу? А то, что лаешься!

Подхалюзин. Важное кушанье! Ишь ты, барин какой! Подитко-сь! Был Сысой Псоич?

Тишка. Известно, был.

Подхалюзин. Да ты, чертенок, говори толком! Зайти, что ль, хотел?

Тишка. Зайти хотел!

Подхалюзин. Ну, так ты сбегай на досуге.

Тишка. Рябиновки, что ли?

Подхалюзин. Да, рябиновки. Надо Сысоя Псоича попотчевать. (Дает деньги.) Купи полштофа, а сдачу возьми уж себе на пряники. Только ты, смотри, проворней, чтобы не хватились!

Тишка. Стриженая девка косы не заплетет. Так начну порхать — живым манером.

Тишка уходит.

Явление третье

Подхалюзин (один). Вот беда-то! Вот она где беда-то пришла на нас! Что теперь делать-то? Ну, плохо дело! Не миновать теперь несостоятельным объявиться! Ну, положим, хозяину что-нибудь и останется, а я-то при чем буду? Мне-то куда деться? В проходном ряду пылью торговать! Служил, служил лет двадцать, а там ступай мостовую грани. Как теперь это дело рассудить надо? Товаром, что ли? Вот векселя велел продать (вынимает и считает), тут, должно быть, попользоваться будет можно. (Ходит по комнате.) Говорят, надо совесть знать! Да, известное дело, надо совесть знать, да в каком это смысле понимать нужно? Против хорошего человека у всякого есть совесть; а коли он сам других обманывает, так какая же тут совесть! Самсон Силыч купец богатейший, и теперича все это дело, можно сказать, так, для препровождения времени затеял. А я человек бедный! Если и попользуюсь в этом деле чем-нибудь лишним, так и греха нет никакого; потому он сам несправедливо поступает, против закона идет. А мне что его жалеть? Вышла линия, ну и не плошай: он свою политику ведет, а ты свою статью гони.

Еще то ли бы я с ним сделал, да не приходится. Хм! Ведь залезет эдакая фантазия в голову человеку! Конечно, Алимпияда Самсоновна барышня образованная и, можно сказать, каких в свете нет, а ведь этот жених ее теперича не возьмет, скажет, денег дай! А денег где взять? И уж не быть ей теперь за благородным, потому денег нет. Рано ли, поздно ли, а придется за купца отдавать! (Ходит молча.) А понабравши деньжонок, да поклониться Самсону Силычу: дескать, я, Самсон Силыч, в таких летах, что должен подумать о продолжении потомства, и я, мол, Самсон Силыч, для вашего спокойствия пота-крови не жалел. Конечно, мол, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, да ведь и я, Самсон Силыч, не лыком шит, сами изволите видеть, имею капиталец и могу кругом себя ограничить на этот предмет. Отчего не отдать за меня? Чем я не человек? Ни в чем не замечен, к старшим почтителен! Да при всем том, как заложили мне Самсон Силыч дом и лавки, так и закладной-то можно пугнуть. А знамши-то характер Самсон Силыча, каков он есть, — это и очень может случиться. У них такое заведение: коли им что попало в голову, уж ничем не выбьешь оттедова. Все равно как в четвертом году захотели бороду обрить: сколько

ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали, — нет, говорит, после опять отпущу, а теперь поставлю на своем, взяли да и обрили. Так вот и это дело: потрафь я по них или так взойди им в голову — завтра же под венец, и баста, и разговаривать не смей. Да от эдакого удовольствия с Ивана Великого спрыгнуть можно.

Явление четвертое

Подхалюзин и Тишка.

Тишка (входит со штофом). Вот он я пришел!

Подхалюзин. Послушай, Тишка, Устинья Наумовна здесь?

Тишка. Там наверху. Да и стракулист идет.

Подхалюзин. Так ты поставь водку-то на стол, да и закусочки достань.

Тишка ставит водку и достает закуски, потом уходит.

Явление пятое

Подхалюзин и Рисположенский.

Подхалюзин. А, наше вам-с!

Расположенский. К вам, батюшка Лазарь Елизарыч! К вам! Право. Думаю, мол, мало ли что, может, что и нужно. Это водочка у вас? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. Что-то руки стали трястись по утрам, особенно вот правая; как писать что, Лазарь Елизарыч, так все левой придерживаю. Ей-богу! А выпьешь водочки, словно лучше. (Пьет.)

Подхалюзин. Отчего же это у вас руки трясутся?

Расположенский (садится к столу). От заботы, Лазарь Елизарыч, от заботы, батюшка.

Подхалюзин. Так-с! А я так полагаю, оттого, что больно народ грабите. За неправду Бог наказывает.

Расположенский. Эх, хе, хе… Лазарь Елизарыч! Где нам грабить! Делишки наши маленькие. Мы, как птицы небесные, по зернышку клюем.

Подхалюзин. Вы, стало быть, по мелочам?

Расположенский. Будешь и по мелочам, как взять-то негде. Ну еще нешто, кабы один, а то ведь у меня жена да четверо ребятишек. Все есть просят, голубчики. Тот говорит — тятенька, дай, другой говорит — тятенька, дай. Одного вот в гимназию определил: мундирчик надобно, то, другое. А домишко-то эвоно где!.. Что сапогов одних истреплешь, ходимши к Воскресенским воротам с Бутырок-то.

Подхалюзин. Это точно-с.

Расположенский. А зачем ходишь-то: кому просьбишку изобразишь, кого в мещане припишешь. Иной день и полтины серебром домой не принесешь. Ей-богу, не лгу. Чем тут жить? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. (Пьет.) А я думаю: забегу, мол, я к Лазарь Елизарычу, не даст ли он мне деньжонок что-нибудь.

Подхалюзин. А за какие же это провинности-с?

Расположенский. Как за какие провинности? Вот уж грех, Лазарь Елизарыч! Нешто я вам не служу? По гроб слуга, что хотите заставьте. А закладную-то вам выхлопотал.

Подхалюзин. Ведь уж вам заплачено! И толковать-то вам об одном и том же не приходится!

Расположенский. Это точно, Лазарь Елизарыч, заплачено. Это точно! Эх, Лазарь Елизарыч, бедность-то меня одолела.

Подхалюзин. Бедность одолела! Это бывает-с. (Подходит и садится к столу.) А у нас вот лишние есть-с: девать некуда. (Кладет бумажник на стол.)

Расположенский. Что вы, Лазарь Елизарыч, неужто лишние? Небось шутите?

Подхалюзин. Окромя всяких шуток-с.

Расположенский. А коли лишние, так отчего же бед-

ному человеку не помочь. Вам Бог пошлет за это.

Подхалюзин. А много ли вам требуется?

Расположенский. Дайте три целковеньких.

Подхалюзин. Что так мало-с?

Расположенский. Ну, дайте пять.

Подхалюзин. А вы просите больше.

Расположенский. Ну, уж коли милость будет, дайте десять.

Подхалюзин. Десять-с! Так, задаром?

Расположенский. Как задаром! Заслужу, Лазарь Елизарыч, когда-нибудь сквитаемся.

Подхалюзин. Все это буки-с. Улита едет, да когда-то она будет. А мы теперь с вами вот какую материю заведем: много ли вам Самсон Силыч обещали за всю эту механику?

Расположенский. Стыдно сказать, Лазарь Елизарыч, тысячу рублей да старую шубу енотовую. Уж меньше меня никто не возьмет, ей-богу, вот хоть приценитесь подите.

Подхалюзин. Ну так вот что, Сысой Псоич, я вам дам две тысячи-с за этот же самый предмет-с.

Расположенский. Благодетель вы мой, Лазарь Елизарыч! С женой и с детьми в кабалу пойду.

Подхалюзин. Сто серебром теперь же-с, а остальные после, по окончании всего этого происшествия-с.

Расположенский. Ну вот, как за эдаких людей Богу

не молить! Только какая-нибудь свинья необразованная может не чувствовать этого. Я вам в ножки поклонюсь, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Это уж на что же-с? Только, Сысой Псоич, уж хвостом не вертеть туда и сюда, а ходи в аккурате: попал на эту точку — и вертись на этой линии. Понимаете-с?

Расположенский. Как не понимать! Что вы, Лазарь Елизарыч, маленький, что ли, я! Пора понимать!

Подхалюзин. Да что вы понимаете-то! Вот дела-то какие-с. Вы прежде выслушайте. Приезжаем мы с Самсоном Силычем в город, и эрестрик этот привезли, как следует. Вот он пошел по кредиторам: тот не согласен, другой не согласен; да так ни один-таки и нейдет на эту штуку. Вот она какая статья-то.

Расположенский. Что вы это говорите, Лазарь Елизарыч! А! Вот поди ж ты! Вот народ-то!

Подхалюзин. Как бы нам теперича с этим делом не опростоволоситься! Понимаете вы меня али нет?

Расположенский. То есть насчет несостоятельности, Лазарь Елизарыч?

Подхалюзин. Несостоятельность там сама по себе; а насчет моих-то делов.

Расположенский. Хе, хе, хе… То есть дом-то с лавками… эдак… дом-то… хе, хе, хе!..

Подхалюзин. Что-о-с?

Расположенский. Нет-с, это я так, Лазарь Елизарыч, по глупости, как будто для шутки.

Подхалюзин. То-то для шутки! А вы этим не шутите-с! Тут не то что дом, у меня теперь такая фантазия в голове об этом предмете, что надо с вами обширно потолковать-с! Пойдемте ко мне-с. Тишка!

Явление шестое

Те же и Тишка.

Подхалюзин. Прибери тут все это. Ну, пойдемте, Сысой Псоич!

Тишка хочет убирать водку.

Расположенский. Постой, постой! Эх, братец, какой ты глупый! Видишь, что хотят пить, ты и подожди… ты и подожди. Ты еще мал, ну так ты будь учтив и снисходителен. Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Подхалюзин. Пейте, да только поскореича, того гляди, сам приедет.

Расположенский. Сейчас, батюшка Лазарь Елизарыч, сейчас! (Пьет и закусывает.) Да уж мы лучше ее с собой возьмем.

Уходят. Тишка прибирает кое-что; сверху сходят Устинья Наумовна и Фоминишна. Тишка уходит.

Фоминишна. Уж пореши ты ее нужду, Устинья Наумовна! Ишь ты, девка-то измаялась совсем, да ведь уж и время, матушка. Молодость-то не бездонный горшок, да и тот, говорят, опоражнивается. Я уж это по себе знаю. Я по тринадцатому году замуж шла, а ей вот через месяц девятнадцатый годок минет. Что томить-то ее понапрасну! Другие в ее пору давно уж детей повывели. То-то, мать моя, что ж ее томить-то!

Устинья Наумовна. Сама все это разумею, серебряная, да нешто за мной дело стало; у меня женихов-то, что борзых. Да ишь ты, разборчивы очень они с маменькой-то.

Фоминишна. Да что их разбирать-то! Ну, известное дело, чтоб были люди свежие, не плешивые, чтоб не пахло ничем, а там какого ни возьми, все человек.

Устинья Наумовна (садясь). Присесть, серебряная. Измучилась я нынче день-то деньской; с раннего утра словно отымалка какая мычуся. А ведь и проминовать ничего нельзя, везде, стало быть, необходимый человек. Известное дело, серебряная, всякий человек — живая тварь: тому невеста понадобилась, той жениха хоть роди,

да подай, а там где-нибудь и вовсе свадьба. А кто сочинит? — все я же. Отдувайся одна за всех Устинья Наумовна. А отчего отдувайся? Оттого, что так уж, видно, устроено, от начала мира эдакое колесо заведено. Точно, надо правду сказать, не обходят и нас за труды: кто на платье тебе материи, кто шаль с бахромой, кто тебе чепчик состряпает, а где и золотой, где и побольше перевалится, — известно, что чего стоит, глядя по силе возможности.

Фоминишна. Что говорить, матушка, что говорить!

Устинья Наумовна. Садись, Фоминишна, ноги-то старые, ломаные.

Фоминишна. И, мать! некогда. Ведь какой грех-то: сам-то что-то из городу не едет, все под страхом ходим; того и гляди пьяный приедет. А уж какой благой-то, Господи! Зародится же ведь эдакой озорник!

Устинья Наумовна. Известное дело: с богатым мужиком, что с чертом, не скоро сообразишь.

Фоминишна. Уж мы от него страсти-то видали. Вот на прошлой неделе, ночью, пьяный приехал: развоевался так, что на`-поди. Страсти, да и только! Посуду колотит… «У! — говорит, — такие вы и эдакие, убью сразу!»

Устинья Наумовна. Необразование.

Фоминишна. Уж и правда, матушка! А я побегу, родная, наверх-то, Аграфена-то Кондратьевна у меня там одна. Ты, как пойдешь домой-то, так заверни ко мне, я тебе окорочек завяжу. (Идет на лестницу.)

Устинья Наумовна. Зайду, серебряная, зайду.

Подхалюзин входит.

Явление седьмое

Устинья Наумовна и Подхалюзин.

Подхалюзин. А! Устинья Наумовна! Сколько лет, сколько зим-с!

Устинья Наумовна. Здравствуй, живая душа, каково попрыгиваешь?

Подхалюзин. Что нам делается-с. (Садится.)

Устинья Наумовна. Мамзельку, коли хочешь, высватаю.

Подхалюзин. Покорно благодарствуйте, — нам пока не требуется.

Устинья Наумовна. Сам, серебряный, не хочешь, приятелю удружу. У тебя ведь, чай, знакомых-то по городу, что собак.

Подхалюзин. Да, есть-таки около того-с.

Устинья Наумовна. Ну, а коли есть, так и слава тебе

Господи! Чуть мало-мальски жених, холостой ли он, не женатый ли, вдовец ли какой, — прямо и тащи ко мне.

Подхалюзин. Так вы его и жените?

Устинья Наумовна. Так и женю. Отчего ж не женить? И не увидишь, как женю.

Подхалюзин. Это дело хорошее-с. А вот теперича я у вас спрошу, Устинья Наумовна, зачем это вы к нам больно часто повадились?

Устинья Наумовна. А тебе что за печаль! Зачем бы я ни ходила! Я ведь не краденая какая, не овца без имени. Ты что за спрос?

Подхалюзин. Да так-с, не напрасно ли ходите-то?

Устинья Наумовна. Как напрасно? С чего это ты, серебряный, выдумал! Посмотри-ка, какого жениха нашла. Благородный, крестьяне есть, и из себя молодец.

Подхалюзин. За чем же дело стало-с?

Устинья Наумовна. Ни за чем не стало! Хотел завтра приехать да обзнакомиться. А там обвертим, да и вся недолга.

Подхалюзин. Обвертите, попробуйте, — задаст он вам копоти.

Устинья Наумовна. Что ты, здоров ли, яхонтовый?

Подхалюзин. Вот вы увидите!

Устинья Наумовна. До вечера не дожить! Ты, алмаз-

ный, либо пьян, либо вовсе с ума свихнул.

Подхалюзин. Уж об этом-то вы не извольте беспокоиться, вы об себе-то подумайте, а мы знаем, что знаем.

Устинья Наумовна. Да что ты знаешь-то?

Подхалюзин. Мало ли что знаем-с.

Устинья Наумовна. А коли что знаешь, так и нам скажи; авось язык-то не отвалится.

Подхалюзин. В том-то и сила, что сказать-то нельзя.

Устинья Наумовна. Отчего ж нельзя, меня, что ль, совестишься, бралиянтовый? Ничего — говори, нужды нет.

Подхалюзин. Тут не об совести дело. А вам скажи, вы, пожалуй, и разболтаете.

Устинья Наумовна. Анафема хочу быть, коли скажу — руку даю на отсечение.

Подхалюзин. То-то же-с. Уговор лучше денег-с.

Устинья Наумовна. Известное дело. Ну, что же ты знаешь-то?

Подхалюзин. А вот что-с, Устинья Наумовна: нельзя ли как этому вашему жениху отказать-с?

Устинья Наумовна. Да что ты, белены, что ль, объелся?

Подхалюзин. Ничего не объелся-с! А если вам угодно говорить по душе, по совести-с, так это вот какого

роду дело-с: у меня есть один знакомый купец из русских, и они оченно влюблены в Алимпияду Самсоновну-с. Что, говорит, ни дать, только бы жениться; ничего, говорит, не пожалею.

Устинья Наумовна. Что ж ты мне прежде-то, алмазный, не сказал?

Подхалюзин. Сказать-то было нечего, по тому самому, что я и сам-то недавно узнал-с.

Устинья Наумовна. Уж теперь поздно, бралиянтовый!

Подхалюзин. Уж какой жених-то, Устинья Наумовна! Да он вас с ног до головы золотом осыплет-с, из живых соболей шубу сошьет.

Устинья Наумовна. Да, голубчик, нельзя! Рада бы я радостью, да уж я слово дала.

Подхалюзин. Ну, как угодно-с! А за этого высватаете, так беды наживете, что после и не расхлебаете.

Устинья Наумовна. Ну, ты сам рассуди, с каким я рылом покажусь к Самсону-то Силычу? Наговорила им с три короба, что и богат-то, и красавец-то, и влюблен-то так, что и жить не может: а теперь что скажу? Ведь ты сам знаешь, каково у вас чадочко Самсон-то Силыч, ведь он, не ровён час, и чепчик помнет.

Подхалюзин. Ничего не помнет-с.

Устинья Наумовна. Да и девку-то раздразнила, на дню

два раза присылает: что жених да как жених?

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, не бегайте от своего счастия-с. Хотите две тысячи рублей и шубу соболью, чтобы только свадьбу эту расстроить-с? А за сватовство у нас особый уговор будет-с. Я вам говорю-с, что жених такой, что вы сроду и не видывали, только вот одно-с: происхождения не благородного.

Устинья Наумовна. А они-то разве благородные? То-то и беда, яхонтовый! Нынче заведение такое пошло, что всякая тебе лапотница в дворянство норовит. Вот хоть бы и Алимпияда-то Самсоновна, конечно, дай ей Бог доброго здоровья, жалует по-княжески, а происхождения-то небось хуже нашего. Отец-то, Самсон Силыч, голицами торговал на Балчуге; добрые люди Самсошкою звали, подзатыльниками кормили. Да и матушка-то Аграфена Кондратьевна чуть-чуть не панёвница — из Преображенского взята. А нажили капитал да в купцы вылезли, так и дочка в прынцесы норовит. А все это денежки. Вот я чем хуже ее, а за ее же хвостом наблюдай. Воспитанья-то тоже не Бог знает какого: пишет-то, как слон брюхом ползает, по-французскому али на фортопьянах тоже сям, тям, да и нет ничего; ну а танец-то отколоть — я и сама пыли в нос пущу.

Подхалюзин. Ну вот видите ли — за купцом-то быть ей гораздо пристойнее.

Устинья Наумовна. Да как же мне с женихом-то быть, серебряный? Я его-то уж больно уверила, что такая Алимпияда Самсоновна красавица, что настоящий тебе патрет; и образованная, говорю, и по-французскому, и на разные манеры знает. Что ж я ему теперь-то скажу?

Подхалюзин. Да вы и теперь то же ему скажите, что, мол, и красавица, и образованная, и на всякие манеры, только, мол, они деньгами порасстроились, так он сам откажется!

Устинья Наумовна. А что, ведь и правда, бралиянтовый! Да нет, постой! Как же! Ведь я ему сказала, что у Самсона Силыча денег куры не клюют.

Подхалюзин. То-то вот, прытки вы очень рассказывать-то. А почем вы знаете, сколько у Самсона Силыча денег-то, нешто вы считали?

Устинья Наумовна. Да уж это кого ни спроси, всякий знает, что Самсон Силыч купец богатейший.

Подхалюзин. Да! Много вы знаете! А что после того будет, как высватаете значительного человека, а Самсон Силыч денег-то не даст? А он после всего этого вступится да скажет: я, дескать, не купец, что меня можно приданым обманывать! Да еще, как значительный-то человек, подаст жалобу в

суд, потому что значительному человеку везде ход есть-с: мы-то с Самсоном Силычем попались, да и вам-то не уйти. Ведь вы сами знаете — можно обмануть приданым нашего брата, с рук сойдет, а значительного человека обмани-ка поди, так после и не уйдешь.

Устинья Наумовна. Уж полно тебе пугать-то меня! Сбил с толку совсем.

Подхалюзин. А вы вот возьмите задаточку сто серебра, да и по рукам-с.

Устинья Наумовна. Так ты, яхонтовый, говоришь, что две тысячи рублей да шубу соболью?

Подхалюзин. Точно так-с. Уж будьте покойны! А надемши-то шубу соболью, Устинья Наумовна, да по гулянью пройдетесь: другой подумает, генеральша какая.

Устинья Наумовна. А что ты думаешь, да и в самом деле! Как надену соболью шубу-то, поприбодрюсь, да руки-то в боки, так ваша братья, бородастые, рты разинете. Разахаются так, что пожарной трубой не зальешь; жены-то с ревности вам все носы пообборвут.

Подхалюзин. Это точно-с!

Устинья Наумовна. Давай задаток! Была не была!

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, вольным духом, не робейте!

Устинья Наумовна. Чего робеть-то? Только смотри: две тысячи рублей да соболью шубу.

Подхалюзин. Говорю вам, из живых сошьем. Уж что толковать!

Устинья Наумовна. Ну, прощай, изумрудный! Побегу теперь к жениху. Завтра увидимся, так я тебе все отлепартую.

Подхалюзин. Погодите! Куда бежать-то! Зайдите ко мне — водочки выпьем-с. Тишка! Тишка!

Входит Тишка.

Ты смотри, коли хозяин приедет, так ты в те поры прибеги за мной.

Уходят.

Явление восьмое

Тишка (садится к столу и вынимает из кармана деньги). Полтина серебром — это нынче Лазарь дал. Да намедни, как с колокольни упал, Аграфена Кондратьевна гривенник дали, да четвертак в орлянку выиграл, да третёвось хозяин забыл на прилавке целковый. Эвось, что денег-то! (Считает про себя.)

Голос Фоминишны за сценой: «Тишка, а Тишка!

Долго ль мне кричать-то?»

Что там еще?

«Дома, что ли-ча, Лазарь?»

Был, да весь вышел!

«Да куда ж он делся-то, Господи?»

А я почем знаю; нешто он у меня спрашивается! Вот кабы спрашивался — я бы знал.

Фоминишна сходит с лестницы.

Фоминишна. Да ведь Самсон Силыч приехал, да, никак, хмельной.

Тишка. Фю! попались!

Фоминишна. Беги, Тишка, за Лазарем, голубчик, беги скорей!

Тишка бежит.

Аграфена Кондратьевна (показывается на лестнице). Что, Фоминишна, матушка, куда он идет-то?

Фоминишна. Да, никак, матушка, сюда! Ох, запру я двери-то, ей-богу, запру; пускай его кверху идет, а ты уж, голубушка, здесь посиди.

Стук в двери и голос Самсона Силыча: «Эй, отоприте, кто там?» Аграфена Кондратьевна скрывается.

Поди, батюшка, поди усни, Христос с тобой!

Большов (за дверями). Да что ты, старая карга, с ума, что ли, сошла?

Фоминишна. Ах, голубчик ты мой! Ах, я мымра слепая! А ведь покажись мне сдуру-то, что ты хмельной приехал. Уж извини меня, глуха стала на старости лет.

Самсон Силыч входит.

Явление девятое

Фоминишна и Большов.

Большов. Стряпчий был?

Фоминишна. А стряпали, батюшка, щи с солониной, гусь жареный, драчёна.

Большов. Да ты белены, что ль, объелась, старая дура!

Фоминишна. Нет, батюшка! Сама кухарке наказывала.

Большов. Пошла вон! (Садится.)

Фоминишна идет к двери; Подхалюзин и Тишка входят.

Фоминишна (возвращаясь). Ах я дура, дура! Уж не взыщи на плохой памяти. Холодной-то поросенок совсем из ума выскочил.

Явление десятое

Подхалюзин, Большов и Тишка.

Большов. Убирайся к свиньям!

Фоминишна уходит.

(К Тишке.) Что ты рот-то разинул! Аль тебе дела нет?

Подхалюзин (к Тишке). Говорили тебе, кажется!

Тишка уходит.

Большов. Стряпчий был?

Подхалюзин. Был-с!

Большов. Говорил ты с ним?

Подхалюзин. Да что, Самсон Силыч, разве он чувствует? Известно, чернильная душа-с! Одно ладит — объявиться несостоятельным.

Большов. Что ж, объявиться так объявиться — один конец.

Подхалюзин. Ах, Самсон Силыч, что это вы изволите говорить!

Большов. Что ж, деньги заплатить? Да с чего же ты это взял? Да я лучше всё огнем сожгу, а уж им ни копейки не дам. Перевози товар, продавай

векселя; пусть тащут, воруют кто хочет, а уж я им не плательщик.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, заведение было у нас такое превосходное, и теперь должно все в расстройство прийти.

Большов. А тебе что за дело? Не твое было. Ты старайся только — от меня забыт не будешь.

Подхалюзин. Не нуждаюсь я ни в чем после вашего благодеяния. И напрасно вы такой сюжет обо мне имеете. Я теперича готов всю душу отдать за вас, а не то чтобы какой фальш сделать. Вы подвигаетесь к старости, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня образованная и в таких годах; надобно и об ней заботливость приложить-с. А теперь такие обстоятельства — мало ли что может произойти из всего этого.

Большов. А что такое произойти может? Я один в ответе.

Подхалюзин. Что об вас-то толковать! Вы, Самсон Силыч, отжили свой век, слава Богу, пожили, а Алимпияда-то Самсоновна, известное дело, барышня, каких в свете нет. Я вам, Самсон Силыч, по совести говорю, то есть как это все по моим чувствам: если я теперича стараюсь для вас и все мои усердия, можно сказать, не жалея пота-

крови, прилагаю — так это все больше по тому самому, что жаль мне вашего семейства.

Большов. Полно, так ли?

Подхалюзин. Позвольте-с! Ну, положим, что это все благополучно кончится-с, хорошо-с; останется у вас чем пристроить Алимпияду Самсоновну. Ну, об этом и толковать нечего-с; были бы деньги, а женихи найдутся-с. Ну, а грех какой, сохрани Господи! как придерутся, да начнут по судам таскать, да на все семейство эдакая мораль пойдет, а еще, пожалуй, и имение-то все отнимут: должны будут они-с голод и холод терпеть и без всякого призрения, как птенцы какие беззащитные. Да это сохрани Господи! Это что же будет тогда? (Плачет.)

Большов. Да об чем же ты плачешь-то?

Подхалюзин. Конечно, Самсон Силыч, я это к примеру говорю — в добрый час молвить, в худой промолчать, от слова не станется; а ведь враг-то силен — горами шатает.

Большов. Что ж делать-то, братец, уж, знать, такая воля Божья, против ее не пойдешь.

Подхалюзин. Это точно, Самсон Силыч! А все-таки, по моему глупому рассуждению, пристроить бы до поры до времени Алимпияду Самсоновну за хорошего человека, так уж тогда будет она, по

крайности, как за каменной стеной-с. Да главное, чтобы была душа у человека, так он будет чувствовать. А то вон, что сватался за Алимпияду Самсоновну, благородный-то — и оглобли назад поворотил.

Большов. Как назад? Да с чего это ты выдумал?

Подхалюзин. Я, Самсон Силыч, не выдумал; вы спросите Устинью Наумовну. Должно быть, что-нибудь прослышал, кто его знает.

Большов. А ну его! По моим делам теперь не такого нужно.

Подхалюзин. Вы, Самсон Силыч, возьмите в рассуждение: я посторонний человек, не родной, а для вашего благополучия ни дня ни ночи себе покою не знаю, да и сердце-то у меня все изныло; а за него отдают барышню, можно сказать, красоту неописанную; да и денег еще дают-с, а он ломается да важничает, ну есть ли в нем душа после всего этого?

Большов. Ну, а не хочет, так и не надо, не заплачем!

Подхалюзин. Нет, вы, Самсон Силыч, рассудите об этом: есть ли душа у человека? Я вот посторонний совсем, да не могу же без слез видеть всего этого. Поймите вы это, Самсон Силыч! Другой бы и внимания не взял так убиваться из-за чужого дела-с,

а ведь меня теперь вы хоть гоните, хоть бейте, а я уж вас не оставлю, потому не могу — сердце у меня не такое.

Большов. Да как же тебе оставить-то меня: только ведь и надежды-то теперь, что ты. Сам я стар, дела подошли тесные. Погоди: может, еще такое дело сделаем, что ты и не ожидаешь.

Подхалюзин. Да не могу же я этого сделать, Самсон Силыч. Поймите вы из этого: не такой я совсем человек! Другому, Самсон Силыч, конечно, это все равно-с, ему хоть трава не расти, а уж я не могу-с; сами изволите видеть-с, хлопочу я али нет-с. Как черт какой, убиваюсь я теперича из-за вашего дела-с, потому что не такой я человек-с. Жалеючи вас это делается, и не столько вас, сколько семейство ваше. Сами изволите знать, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет-с…

Большов. Неужто и в свете нет? Уж ты, брат, не того ли?..

Подхалюзин. Чего-с?.. Нет, я ничего-с!..

Большов. То-то, брат, ты уж лучше откровенно говори. Влюблен ты, что ли, в Алимпияду Самсоновну?

Подхалюзин. Вы, Самсон Силыч, может, шутить изволите.

Большов. Что за шутки! Я тебя без шуток спрашиваю.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, смею ли я это подумать-с.

Большов. А что ж бы такое не сметь-то? Что она, княжна, что ли, какая?

Подхалюзин. Хотя и не княжна, да как бымши вы моим благодетелем и вместо отца родного… Да нет, Самсон Силыч, помилуйте, как же это можно-с, неужли же я этого не чувствую!

Большов. Так ты, стало быть, ее не любишь?

Подхалюзин. Как же не любить-с, помилуйте, кажется, больше всего на свете. Да нет-с, Самсон Силыч, как же это можно-с.

Большов. Ты бы так и говорил, что люблю, мол, больше всего на свете.

Подхалюзин. Да как же не любить-с? Сами извольте рассудить: день думаю, ночь думаю… то бишь, известное дело, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет… Да нет, этого нельзя-с. Где же нам-с!..

Большов. Да чего же нельзя-то, дура-голова?

Подхалюзин. Да как же можно, Самсон Силыч? Как знамши я вас, как отца родного, и Алимпияду Самсоновну-с, и опять знамши себя, что я такое значу, — где же мне с суконным-то рылом-с?

Большов. Ничего не суконное. Рыло как рыло. Был бы ум в голове, а тебе ума-то не занимать стать, этим добром Бог наградил. Так что же, Лазарь, посватать тебе Алимпияду-то Самсоновну, а?

Подхалюзин. Да помилуйте, смею ли я? Алимпиядато Самсоновна, может быть, на меня и глядеть-то не захотят-с!

Большов. Важное дело! Не плясать же мне по ее дудочке на старости лет. За кого велю, за того и пойдет. Мое детище: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю. Ты со мной-то толкуй.

Подхалюзин. Не смею я, Самсон Силыч, об этом с вами говорить-с. Не хочу быть подлецом против вас.

Большов. Экой ты, братец, глупый! Кабы я тебя не любил, нешто бы я так с тобой разговаривал? Понимаешь ли ты, что я могу на всю жизнь тебя счастливым сделать!

Подхалюзин. А нешто я вас не люблю, Самсон Силыч, больше отца родного? Да накажи меня Бог!.. Да что я за скотина!

Большов. Ну, а дочь любишь?

Подхалюзин. Изныл весь-с! Вся душа-то у меня перевернулась давно-с!

Большов. Ну, а коли душа перевернулась, так мы тебя поправим. Владей, Фаддей, нашей Мала-

ньей.

Подхалюзин. Тятенька, за что жалуете? Не стою я этого, не стою! И физиономия у меня совсем не такая.

Большов. Ну ее, физиономию! А вот я на тебя все имение переведу, так после кредиторы-то и пожалеют, что по двадцати пяти копеек не взяли.

Подхалюзин. Еще как пожалеют-то-с!

Большов. Ну, ты ступай теперь в город, а ужотка заходи к невесте: мы над ними шутку подшутим.

Подхалюзин. Слушаю, тятенька-с!

Уходит.

Действие третье

Гостиная в доме Большова.

Явление первое

Большов (входит и садится на кресло; несколько времени смотрит по углам и зевает). Вот она, жизнь-то; истинно сказано: суета сует и всяческая суета. Черт знает, и сам не разберешь, чего хочется. Вот бы и закусил что-нибудь, да обед испортишь, а и так-то сидеть одурь возьмет. Али чайком бы, что ль, побаловать. (Молчание.) Вот так-то и всё: жил, жил человек, да вдруг и помер — так все прахом и пойдет. Ох, Господи, Господи! (Зевает и смотрит по углам.)

Явление второе

Аграфена Кондратьевна и Липочка (разряженная).

Аграфена Кондратьевна. Ступай, ступай, моя крошечка; дверь-то побережнее, не зацепи. Посмотри-ко,

Самсон Силыч, полюбуйся, сударь ты мой, как я дочку-то вырядила! Фу-ты, прочь поди! Что твой розан пионовый! (К ней.) Ах ты, моя ангелика, царевна, херуимчик ты мой! (К нему.) Что, Самсон Силыч, правда, что ли? Только бы ей в карете ездить шестерней.

Большов. Проедет и парочкой — не великого полета помещица!

Аграфена Кондратьевна. Уж известно, не енаральская дочь, а всё, как есть, красавица!.. Да приголубь ребенка-то, что как медведь бурчишь.

Большов. А как мне еще приголублывать-то? Ручки, что ль, лизать, в ножки кланяться? Во какая невидаль! Видали мы и понаряднее.

Аграфена Кондратьевна. Да ты что видал-то? Так что-нибудь, а ведь это дочь твоя, дитя кровная, каменный ты человек.

Большов. Что ж что дочь? Слава Богу — обута, одета, накормлена; чего ей еще хочется?

Аграфена Кондратьевна. Чего хочется! Да ты, Самсон Силыч, очумел, что ли? Накормлена! Мало ли что накормлена! По христианскому закону всякого накормить следствует; и чужих призирают, не токма что своих, — а ведь это и в люди сказать грех как ни на есть: родная детища!

Большов. Знаем, что родная, да чего ж ей еще? Что

ты мне притчи эти растолковываешь? Не в рамку же ее вделать! Понимаем, что отец.

Аграфена Кондратьевна. Да коли уж ты, батюшка, отец, так не будь свекором! Пора, кажется, в чувство прийти: расставаться скоро приходится, а ты и доброго слова не вымолвишь; должен бы на пользу посоветовать что-нибудь такое житейское. Нет в тебе никакого обычаю родительского!

Большов. А нет, так что ж за беда; стало быть, так Бог создал.

Аграфена Кондратьевна. Бог создал! Да сам-то ты что? Ведь и она, кажется, создания божеская, али нет? Не животная какая-нибудь, прости Господи!.. Да спроси у нее что-нибудь!

Большов. А что я за спрос? Гусь свинье не товарищ: как хотите, так и делайте.

Аграфена Кондратьевна. Да на деле-то уж не спросим, — ты покедова-то вот. Человек приедет чужой-посторонний, все-таки, как хочешь примеривай, а мужчина — не женщина, — в первый-то раз наедет, не видамши-то его.

Большов. Сказано, что отстань.

Аграфена Кондратьевна. Отец ты эдакой, а еще родной называешься! Ах ты, дитятко моя заброшенная, стоишь, словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступились от тебя, да и знать

не хотят. Присядь, Липочка, присядь, душечка, ненаглядная моя сокровища! (Усаживает.)

Липочка. Ах, отстаньте, маменька! измяли совсем.

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я на тебя издальки посмотрю!

Липочка. Пожалуй, смотрите, да только не фантазируйте! Фи, маменька, нельзя одеться порядочно: вы тотчас расчувствоваетесь.

Аграфена Кондратьевна. Так, так, дитятко! Да как взгляну-то на тебя, так ведь эта жалости подобно.

Липочка. Что ж, надо ведь когда-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Все-таки жалко, дурочка: растили, растили, да и вырастили — да ни с того ни с сего в чужие люди отдаем, словно ты надоела нам да наскучила глупым малым ребячеством, своим кротким поведением. Вот выживем тебя из дому, словно ворога из города, а там схватимся да спохватимся, да и негде взять. Посудите, люди добрые, каково жить в чужой дальней стороне, чужим куском давишься, кулаком слезы утираючи! Да, помилуй Бог, неровнюшка выйдется, не ровен, дурак навяжется аль дурак какой — дурацкий сын! (Плачет.)

Липочка. Вот вы вдруг и расплакались! Право, как не стыдно, маменька! Что там за дурак?

Аграфена Кондратьевна (плача). Да уж это так говорится — к слову пришлось.

Большов. А об чем бы ты это, слышно, разрюмилась? Вот спросить тебя, так сама не знаешь.

Аграфена Кондратьевна. Не знаю, батюшка, ох не знаю: такой стих нашел.

Большов. То-то вот сдуру. Слезы у вас дешевы.

Аграфена Кондратьевна. Ох, дешевы, батюшка, дешевы; и сама знаю, что дешевы, да что ж делать-то?

Липочка. Фи, маменька, как вы вдруг! Полноте! Ну, вдруг приедет — что хорошего!

Аграфена Кондратьевна. Перестану, дитятко, перестану; сейчас перестану!

Явление третье

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна (входя). Здравствуйте, золотые! Что вы невеселы, носы повесили? (Целуются.)

Аграфена Кондратьевна. А уж мы заждались тебя.

Липочка. Что, Устинья Наумовна, скоро приедет?

Устинья Наумовна. Виновата, сейчас провалиться, виновата! А дела-то наши, серебряные, не очень хороши!

Липочка. Как? Что такое за новости?

Аграфена Кондратьевна. Что ты еще там выдумала?

Устинья Наумовна. А то, бралиянтовые, что жених-то наш что-то мнется.

Большов. Ха, ха, ха! А еще сваха! Где тебе сосватать!

Устинья Наумовна. Уперся, как лошадь, — ни тпру ни ну; слова от него не добьешься путного.

Липочка. Да что ж это, Устинья Наумовна? Да как же это ты, право!

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшки! Да как же это быть-то?

Липочка. Да давно ль ты его видела?

Устинья Наумовна. Нынче утром была. Вышел как есть в одном шлафорке; а уж употчевал — можно чести приписать. И кофию велел, и ромку-то, а уж сухарей навалил — видимо-невидимо. Кушайте, говорит, Устинья Наумовна! Я было об деле-то, знаешь ли, — надо, мол, чем-нибудь порешить; ты, говорю, нынче хотел ехать обзнакомиться-то; а он мне на это ничего путного не сказал. Вот, говорит, подумамши да посоветамшись, а сам только что опояску поддергивает.

Липочка. Что ж он там спустя рукава-то сантиментальничает? Право, уж тошно смотреть, как все это продолжается.

Аграфена Кондратьевна. И в самом деле, что он лома-

ется-то? Мы разве хуже его?

Устинья Наумовна. А, лягушка его заклюй, нешто мы другого не найдем?

Большов. Ну, уж ты другого-то не ищи, а то опять то же будет. Уж другого-то я вам сам найду.

Аграфена Кондратьевна. Да, найдешь, на печи-то сидя; ты уж и забыл, кажется, что у тебя дочь-то есть.

Большов. А вот увидим!

Аграфена Кондратьевна. Что увидать-то! Увидать-то нечего! Уж не говори ты мне, пожалуйста, не расстраивай ты меня. (Садится.)

Большов хохочет. Устинья Наумовна отходит с Липочкой на другую сторону сцены. Устинья Наумовна рассматривает ее платье.

Устинья Наумовна. Ишь ты, как вырядилась, — платьице-то на тебе какое авантажное. Уж не сама ль смастерила?

Липочка. Вот ужасно нужно самой! Что мы, нищие, что ли, по-твоему? А мадамы-то на что?

Устинья Наумовна. Фу-ты, уж и нищие! Кто тебе говорит такие глупости? Тут рассуждают об хозяйстве, что не сама ль, дескать, шила, — а то, известное дело, и платье-то твое дрянь.

Липочка. Что ты, что ты! Никак с ума сошла? Где у тебя глаза-то? С чего это ты конфузить вздумала?

Устинья Наумовна. Что это ты так разъерепенилась?

Липочка. Вот оказия! Стану я терпеть такую напраслину. Да что я, девчонка, что ли, какая необразованная!

Устинья Наумовна. С чего это ты взяла? Откуда нашел на тебя эдакий каприз? Разве я хулю твое платье? Чем не платье — и всякий скажет, что платье. Да тебе-то оно не годится, по красоте-то твоей совсем не такое надобно, — исчезни душа, коли лгу. Для тебя золотого мало, подавай нам шитое жемчугом. Вот и улыбнулась, изумрудная! Я ведь знаю, что говорю!

Тишка (входит). Сысой Псович приказали спросить, можно ли, дескать, взойти. Они тамотка, у Лазаря Елизарыча.

Большов. Пошел, зови его сюда, и с Лазарем.

Тишка уходит.

Аграфена Кондратьевна. Что ж, недаром же закуска-то приготовлена — вот и закусим. А уж тебе, чай, Устинья Наумовна, давно водочки хочется?

Устинья Наумовна. Известное дело — адмиральский час — самое настоящее время.

Аграфена Кондратьевна. Ну, Самсон Силыч, трогайся с места-то, что так-то сидеть.

Большов. Погоди, вот те подойдут, еще успеешь.

Липочка. Я, маменька, пойду разденусь.

Аграфена Кондратьевна. Поди, дитятко, поди.

Большов. Погоди раздеваться-то, — жених приедет.

Аграфена Кондратьевна. Какой там еще жених, — полно дурачиться-то.

Большов. Погоди, Липа, жених приедет.

Липочка. Кто же это, тятенька? Знаю я его или нет?

Большов. А вот увидишь, так, может, и узнаешь.

Аграфена Кондратьевна. Что ты его слушаешь, какой там еще шут приедет! Так язык чешет.

Большов. Говорят тебе, что приедет, так уж я, стало быть, знаю, что говорю.

Аграфена Кондратьевна. Коли кто в самом деле приедет, так уж ты бы путем говорил, а то приедет, приедет, а Бог знает, кто приедет. Вот всегда так.

Липочка. Ну, так я, маменька, останусь. (Подходит к зеркалу и смотрится, потом к отцу.) Тятенька!

Большов. Что тебе?

Липочка. Стыдно сказать, тятенька!

Аграфена Кондратьевна. Что за стыд, дурочка! Говори, коли что нужно.

Устинья Наумовна. Стыд не дым — глаза не выест.

Липочка. Нет, ей-богу, стыдно!

Большов. Ну закройся, коли стыдно.

Аграфена Кондратьевна. Шляпку, что ли, новую хочется?

Липочка. Вот и не угадали, вовсе не шляпку.

Большов. Так чего ж тебе?

Липочка. Выйти замуж за военного!

Большов. Эк ведь что вывезла!

Аграфена Кондратьевна. Акстись, беспутная! Христос с тобой!

Липочка. Что ж, ведь другие выходят же.

Большов. Ну и пускай их выходят, а ты сиди у моря да жди погодки.

Аграфена Кондратьевна. Да ты у меня и заикаться не смей! Я тебе и родительского благословенья не дам.

Явление четвертое

Те же и Лазарь, Рисположенский и Фоминишна (у дверей).

Рисположенский. Здравствуйте, батюшка Самсон Силыч! Здравствуйте, матушка Аграфена Кондратьевна! Олимпиада Самсоновна, здравствуйте!

Большов. Здравствуйте, братец, здравствуйте! Садиться милости просим! Садись и ты, Лазарь!

Аграфена Кондратьевна. Закусить не угодно ли? А у меня закусочка приготовлена.

Расположенский. Отчего ж, матушка, не закусить; я бы теперь рюмочку выпил.

Большов. А вот сейчас пойдем все вместе, а теперь пока побеседуем маненько.

Устинья Наумовна. Отчего ж и не побеседовать! Вот, золотые мои, слышала я, будто в газете напечатано, правда ли, нет ли, что другой Бонапарт народился и будто бы, золотые мои…

Большов. Бонапарт Бонапартом, а мы пуще всего надеемся на милосердие Божие; да не об этом теперь речь.

Устинья Наумовна. Так об чем же, яхонтовый?

Большов. А о том, что лета наши подвигаются преклонные, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и один Создатель только ведает, что будет вперед: то и положили мы еще при жизни своей отдать в замужество единственную дочь нашу, и в рассуждении приданого тоже можем надеяться, что она не острамит нашего капитала и происхождения, а равномерно и перед другими прочими.

Устинья Наумовна. Ишь ведь, как сладко рассказывает, бралиянтовый.

Большов. А так как теперь дочь наша здесь налицо,

и при всем том, будучи уверены в честном поведении и достаточности нашего будущего зятя, что для нас оченно чувствительно, в рассуждении божеского благословения, то и назначаем его теперича в общем лицезрении. Липа, поди сюда.

Липочка. Что вам, тятенька, угодно?

Большов. Поди ко мне, не укушу небось. Ну, теперь ты, Лазарь, ползи.

Подхалюзин. Давно готов-с!

Большов. Ну, Липа, давай руку!

Липочка. Как, что это за вздор? С чего это вы выдумали?

Большов. Хуже, как силой возьму!

Устинья Наумовна. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Аграфена Кондратьевна. Господи, да что ж это такое?

Липочка. Не хочу, не хочу! Не пойду я за такого противного!

Фоминишна. С нами крестная сила!

Подхалюзин. Видно, тятенька, не видать мне счастия на этом свете! Видно, не бывать-с по вашему желанию!

Большов (берет Липочку насильно за руку и Лазаря). Как же не бывать, коли я того хочу? На что ж я и отец, коли не приказывать? Даром, что ли, я ее кормил?

Аграфена Кондратьевна. Что ты! Что ты! Опомнись!

Большов. Знай, сверчок, свой шесток! Не твое дело! Ну, Липа! Вот тебе жених! Прошу любить да жаловать! Садитесь рядком да потолкуйте ладком — а там честным пирком да за свадебку.

Липочка. Как же, нужно мне очень с неучем сидеть! Вот оказия!

Большов. А не сядешь, так насильно посажу да заставлю жеманиться.

Липочка. Где это видано, чтобы воспитанные барышни выходили за своих работников?

Большов. Молчи лучше! Велю, так и за дворника выдешь.

Молчание.

Устинья Наумовна. Вразуми, Аграфена Кондратьевна, что это за беда такая.

Аграфена Кондратьевна. Сама, родная, затмилась, ровно чулан какой. И понять не могу, откуда это такое взялось?

Фоминишна. Господи! Семой десяток живу, сколько свадьб праздновала, а такой скверности не видывала.

Аграфена Кондратьевна. За что ж вы это, душегубцы, девку-то опозорили?

Большов. Да, очень мне нужно слушать вашу фанаберию. Захотел выдать дочь за приказчика,

и поставлю на своем, и разговаривать не смей; я и знать никого не хочу. Вот теперь закусить пойдемте, а они пусть побалясничают, может быть, и поладят как-нибудь.

Расположенский. Пойдемте, Самсон Силыч, и я с вами для компании рюмочку выпью. А уж это, Аграфена Кондратьевна, первый долг, чтобы дети слушались родителей. Это не нами заведено, не нами и кончится.

Встают и уходят все, кроме Липочки, Подхалюзина и Аграфены Кондратьевны.

Липочка. Да что же это, маменька, такое? Что я им, кухарка, что ли, досталась? (Плачет.)

Подхалюзин. Маменька-с! Вам зятя такого, который бы вас уважал и, значит, старость вашу покоил, окромя меня, не найтить-с.

Аграфена Кондратьевна. Да как же это ты, батюшка?

Подхалюзин. Маменька-с! В меня Бог вложил такое намерение по тому самому-с, что другой вас, маменька-с, и знать не захочет, а я по гроб моей жизни (плачет) должен чувствовать-с.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшки! Да как же это быть?

Большов (из двери). Жена, поди сюда!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшка, сейчас!

Подхалюзин. Вы, маменька, вспомните это слово,

что я сейчас сказал.

Аграфена Кондратьевна уходит.

Явление пятое

Липочка и Подхалюзин. Молчание.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна-с! Алимпияда Самсоновна! Но, кажется, вы мною гнушаетесь? Скажите хоть одно слово-с! Позвольте вашу ручку поцеловать.

Липочка. Вы дурак необразованный!

Подхалюзин. За что вы, Алимпияда Самсоновна, обижать изволите-с?

Липочка. Я вам один раз навсегда скажу, что не пойду я за вас, не пойду.

Подхалюзин. Это как вам будет угодно-с! Насильно мил не будешь. Только я вам вот что доложу-с…

Липочка. Я вас слушать не хочу, отстаньте от меня! Как бы вы были учтивый кавалер: вы видите, что я ни за какие сокровища не хочу за вас идти, — вы бы должны отказаться.

Подхалюзин. Вот вы, Алимпияда Самсоновна, изволите говорить — отказаться. Только если я откажусь, что потом будет-с?

Липочка. А то и будет, что я выйду за благород-

ного.

Подхалюзин. За благородного-с! Благородный-то без приданого не возьмет.

Липочка. Как без приданого? Что вы городите-то! Посмотрите-ка, какое у меня приданое-то, — в нос бросится.

Подхалюзин. Тряпки-то-с! Благородный тряпок-то не возьмет. Благородному-то деньги нужны-с.

Липочка. Что ж! Тятенька и денег даст!

Подхалюзин. Хорошо, как даст-с! А как дать-то нечего? Вы дел-то тятенькиных не знаете, а я их оченно хорошо знаю: тятенька-то ваш банкрут-с.

Липочка. Как банкрут? А дом-то, а лавки?

Подхалюзин. А дом-то и лавки — мои-с!

Липочка. Ваши?! Подите вы! Что вы меня дурачить хотите? глупее себя нашли!

Подхалюзин. А вот у нас законные документы есть! (Вынимает.)

Липочка. Так вы купили у тятеньки?

Подхалюзин. Купил-с!

Липочка. Где же вы денег взяли?

Подхалюзин. Денег! У нас, слава Богу, денег-то побольше, чем у какого благородного.

Липочка. Что ж это такое со мной делают? Воспитывали, воспитывали, потом и обанкрутились!

Молчание.

Подхалюзин. Ну, положим, Алимпияда Самсоновна, что вы выйдете и за благородного — да что ж в этом будет толку-с? Только одна слава, что барыня, а приятности никакой нет-с. Вы извольте рассудить-с: барыни-то часто сами на рынок пешком ходят-с. А если и выедут-то куда, так только слава, что четверня-то, а хуже одной-с купеческой-то. Ей-богу, хуже-с. Одеваются тоже не больно пышно-с. А если за меня-то вы, Алимпияда Самсоновна, выйдете-с, так первое слово: вы и дома-то будете в шелковых платьях ходить-с, а в гости али в театр-с — окромя бархатных, и надевать не станем. В рассуждении шляпок или салопов — не будем смотреть на разные дворянские приличия, а наденем какую чудней! Лошадей заведем орловских. (Молчание.) Если вы насчет физиономии сумневаетесь, так это, как вам будет угодно-с, мы также и фрак наденем да бороду обреем, либо так подстрижем, по моде-с, это для нас все одно-с.

Липочка. Да вы все перед свадьбой так говорите, а там и обманете.

Подхалюзин. С места не сойти, Алимпияда Самсоновна! Анафемой хочу быть, коли лгу! Да это что-с, Алимпияда Самсоновна! Нешто мы в эдаком доме будем жить? В Каретном ряду купим-с,

распишем как: на потолках это райских птиц нарисуем, сиренов, капидонов разных — поглядеть только будут деньги давать.

Липочка. Нынче уж капидонов-то не рисуют.

Подхалюзин. Ну, так мы пукетами пустим. (Молчание.) Было бы только с вашей стороны согласие, а то мне в жизни ничего не надобно. (Молчание.) Как я несчастлив в своей жизни, что не могу никаких комплиментов говорить.

Липочка. Для чего вы, Лазарь Елизарыч, по-французски не говорите!

Подхалюзин. А для того, что нам не для чего. (Молчание.) Осчастливьте, Алимпияда Самсоновна, окажите эдакое благоволение-с. (Молчание.) Прикажите на колени стать.

Липочка. Станьте!

Подхалюзин становится.

Вот у вас какая жилетка скверная!

Подхалюзин. Эту я Тишке подарю-с, а себе на Кузнецком мосту закажу, только не погубите! (Молчание.) Что же, Алимпияда Самсоновна-с?

Липочка. Дайте подумать.

Подхалюзин. Да об чем же думать-с?

Липочка. Как же можно не думать?

Подхалюзин. Да вы не думамши.

Липочка. Знаете что, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Что прикажете-с?

Липочка. Увезите меня потихоньку.

Подхалюзин. Да зачем же потихоньку-с, когда так тятенька с маменькой согласны?

Липочка. Да так делают. Ну, а коли не хотите увезти — так уж, пожалуй, и так.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна! Позвольте ручку поцеловать! (Целует, потом вскакивает и подбегает к двери.) Тятенька-с!..

Липочка. Лазарь Елизарыч, Лазарь Елизарыч! Подите сюда!

Подхалюзин. Что вам угодно-с?

Липочка. Ах, если бы вы знали, Лазарь Елизарыч, какое мне житье здесь! У маменьки семь пятниц на неделе; тятенька как не пьян, так молчит, а как пьян, так прибьет, того и гляди. Каково это терпеть образованной барышне! Вот как бы я вышла за благородного, так я бы и уехала из дому и забыла бы обо всем этом. А теперь все опять пойдет по-старому.

Подхалюзин. Нет-с, Алимпияда Самсоновна, не будет этого! Мы, Алимпияда Самсоновна, как только сыграем свадьбу, так перейдем в свой дом-с. А уж мы им-то командовать не дадим-с. Нет, уж теперь кончено-с! Будет-с с них — почудили на своем веку, теперь нам пора!

Липочка. Да вы такие робкие, Лазарь Елизарыч, вы не посмеете тятеньке ничего сказать, а с благородным-то они немного наговорили бы.

Подхалюзин. Оттого и робкий-с, что было дело подначальное — нельзя-с. Прекословить не смею. А как заживем своим домом, так никто нам не указ. А вот вы все про благородных говорите. Да будет ли вас так любить благородный, как я буду любить? Благородный-то поутру на службе, а вечером по клубам шатается, а жена должна одна дома без всякого удовольствия сидеть. А смею ли я так поступать? Я всю жизнь должен стараться, как вам всякое удовольствие доставить.

Липочка. Так смотрите же, Лазарь Елизарыч, мы будем жить сами по себе, а они сами по себе. Мы заведем все по моде, а они — как хотят.

Подхалюзин. Уж это как и водится-с.

Липочка. Ну, теперь зовите тятеньку. (Встает и охорашивается перед зеркалом.)

Подхалюзин. Тятенька-с! тятенька-с! маменька-с!..

Явление шестое

Те же, Большов и Аграфена Кондратьевна.

Подхалюзин (идет навстречу Самсону Силычу и

бросается к нему в объятия). Алимпияда Самсоновна согласны-с!

Аграфена Кондратьевна. Бегу, батюшки, бегу.

Большов. Ну, вот и дело! То-то же. Я знаю, что делаю, уж не вам меня учить.

Подхалюзин(к Аграфене Кондратьевне). Маменька-с! Позвольте ручку поцеловать.

Аграфена Кондратьевна. Целуй, батюшка, обе чистые. Ах ты, дитятко, да как же это давеча-то так? А? Ей-богу! Что ж это такое? А уж я и не знала, как это дело и рассудить-то. Ах, ненаглядная ты моя!

Липочка. Я совсем, маменька, не воображала, что Лазарь Елизарыч такой учтивый кавалер! А теперь вдруг вижу, что он гораздо почтительнее других.

Аграфена Кондратьевна. Вот то-то же, дурочка! Уж отец тебе худа не пожелает. Ах ты, голубушка моя! Эка ведь притча-то! А? Ах, матушки вы мои! Что ж это такое? Фоминишна! Фоминишна!

Фоминишна. Бегу, бегу, матушка, бегу. (Входит.)

Большов. Постой ты, таранта! Вот вы садитесь рядом, — а мы на вас посмотрим. Да подай-ка ты нам бутылочку шипучки.

Подхалюзин и Липочка садятся.

Фоминишна. Сейчас, батюшка, сейчас! (Уходит.)

Явление седьмое

Те же, Устинья Наумовна и Рисположенский.

Аграфена Кондратьевна. Поздравь жениха-то с невестой, Устинья Наумовна! Вот Бог привел на старости лет, дожили до радости.

Устинья Наумовна. Да чем же поздравить-то вас, изумрудные? Сухая ложка рот дерет.

Большов. А вот мы тебе горлышко промочим.

Явление восьмое

Те же, Фоминишна и Тишка (с вином на подносе).

Устинья Наумовна. Вот это дело другого рода. Ну, дай вам Бог жить да молодеть, толстеть да богатеть. (Пьет.) Горько, бралиянтовые!

Липочка и Лазарь целуются.

Большов. Дай-ко я поздравлю. (Берет бокал.)

Липочка и Лазарь встают.

Живите, как знаете, свой разум есть. А чтоб вам

жить-то было не скучно, так вот тебе, Лазарь, дом и лавки пойдут вместо приданого, да из наличного отсчитаем.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я и так вами много доволен.

Большов. Что тут миловать-то! Свое добро, сам нажил. Кому хочу — тому и даю. Наливай еще!

Тишка наливает.

Да что тут разговаривать-то. На милость суда нет. Бери все, только нас со старухой корми да кредиторам заплати копеек по десяти.

Подхалюзин. Стоит ли, тятенька, об этом говорить-с. Нешто я не чувствую? Свои люди — сочтемся!

Большов. Говорят тебе, бери все, да и кончено дело. И никто мне не указ! Заплати только кредиторам. Заплатишь?

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, первый долг-с!

Большов. Только ты смотри — им много-то не давай. А то ты, чай, рад сдуру-то все отдать.

Подхалюзин. Да уж там, тятенька, как-нибудь сочтемся. Помилуйте, свои люди.

Большов. То-то же! Ты им больше десяти копеек не давай. Будет с них… Ну, поцелуйтеся!

Липочка и Лазарь целуются.

Аграфена Кондратьевна. Ах, голубчики вы мои! Да как же это так? Совсем вот как полоумная.

Устинья Наумовна.

Уж и где же это видано,
Уж и где же это слыхано,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросеночек яичко снес!

Наливает вина и подходит к Расположенскому. Расположенский кланяется и отказывается.

Большов. Выпей, Сысой Псоич, на радости!

Расположенский. Не могу, Самсон Силыч, претит.

Большов. Полно ты! Выпей на радости.

Устинья Наумовна. Еще туда же, ломается!

Расположенский. Претит, Самсон Силыч! Ей-богу, претит! Вот я водочки рюмочку выпью! А это натура не принимает. Уж такая слабая комплекция.

Устинья Наумовна. Ах ты, проволочная шея! Ишь ты — у него натура не принимает! Да давайте я ему за шиворот вылью, коли не выпьет.

Расположенский. Неприлично, Устинья Наумовна! Даме это неприлично. Самсон Силыч! Не могу-с! Разве бы я стал отказываться? Хе, хе, хе, да что ж я за дурак, чтобы я такое невежество сделал;

видали мы людей-то, знаем, как жить; вот я от водочки никогда не откажусь, пожалуй, хоть теперь рюмочку выпью! А этого не могу — потому претит. А вы, Самсон Силыч, бесчинства не допускайте, обидеть недолго, а не хорошо.

Большов. Хорошенько его, Устинья Наумовна, хорошенько!

Расположенский бежит от нее.

Устинья Наумовна (ставит вино на стол). Врешь, купоросная душа, не уйдешь! (Прижимает его в угол и хватает за шиворот.)

Расположенский. Караул!!

Все хохочут.

Действие четвертое

В доме Подхалюзина богато омеблированная гостиная.

Явление первое

Олимпиада Самсоновна сидит у окна в роскошном положении; на ней шелковая блуза, чепчик последнего фасона. Подхалюзин в модном сюртуке стоит перед зеркалом. Тишка за ним обдергивает и охорашивает.

Тишка. Ишь ты, как оно пригнато, в самый раз!

Подхалюзин. А что, Тишка, похож я на француза? а? Да издали погляди!

Тишка. Две капли воды.

Подхалюзин. То-то, дурак! Вот ты теперь и смотри на нас! (Ходит по комнате.) Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! А вы хотели за офицера идти-с. Чем же мы не молодцы? Вот сертучок новенький взяли да и надели.

Олимпиада Самсоновна. Да вы, Лазарь Елизарыч, танцевать не умеете.

Подхалюзин. Что ж, нешто не выучимся; еще как

выучимся-то — важнейшим манером. Зимой в Купеческое собрание будем ездить-с. Вот и знай наших-с! Польку станем танцевать.

Олимпиада Самсоновна. Уж вы, Лазарь Елизарыч, купите ту коляску-то, что смотрели у Арбатского.

Подхалюзин. Как же, Алимпияда Самсоновна-с! Надать купить, надать-с.

Олимпиада Самсоновна. А мне новую мантелью принесли, вот мы бы с вами в пятницу и поехали в Сокольники.

Подхалюзин. Как же-с, непременно поедем-с; и в парк поедем-с в воскресенье. Ведь коляска-то тысячу целковых стоит, да и лошади-то тысячу целковых и сбруя накладного серебра, — так пущай их смотрят. Тишка! трубку!

Тишка уходит.

(Садится подле Олимпиады Самсоновны.) Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! Пущай себе смотрят.

Молчание.

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, Лазарь Елизарыч, меня не поцелуете?

Подхалюзин. Как же! Помилуйте-с! С нашим удовольствием! Пожалуйте ручку-с! (Целует. Мол-

чание.) Скажите, Алимпияда Самсоновна, мне что-нибудь на французском диалекте-с.

Олимпиада Самсоновна. Да что же вам сказать?

Подхалюзин. Да что-нибудь скажите — так, малость самую-с. Мне все равно-с!

Олимпиада Самсоновна. Ком ву зет жоли!

Подхалюзин. А это что такое-с?

Олимпиада Самсоновна. Как вы милы!

Подхалюзин (вскакивает со стула). Вот она у нас жена-то какая-с! Ай да Алимпияда Самсоновна! Уважили! Пожалуйте ручку!

Входит Тишка с трубкой.

Тишка. Устинья Наумовна пришла.

Подхалюзин. Зачем ее еще черт принес!

Тишка уходит.

Явление второе

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна. Как живете-можете, бралиянтовые?

Подхалюзин. Вашими молитвами, Устинья Наумовна, вашими молитвами.

Устинья Наумовна (целуясь). Что это ты, как будто

похорошела, поприпухла?

Олимпиада Самсоновна. Ах, какой ты вздор городишь, Устинья Наумовна! Ну с чего это ты взяла?

Устинья Наумовна. Что за вздор, золотая; уж к тому дело идет. Рада не рада — нечего делать!.. Люби кататься, люби и саночки возить!.. Что ж это вы меня позабыли совсем, бралиянтовые? Али еще осмотреться не успели? Все, чай, друг на друга любуетесь да миндальничаете.

Подхалюзин. Есть тот грех, Устинья Наумовна, есть тот грех!

Устинья Наумовна. То-то же: какую я тебе сударушку подсдобила!

Подхалюзин. Много довольны, Устинья Наумовна, много довольны.

Устинья Наумовна. Еще б недоволен, золотой! Чего ж тебе! Вы теперь, чай, все об нарядах хлопочете. Много еще модного-то напроказила?

Олимпиада Самсоновна. Не так чтобы много. Да и то больше оттого, что новые материи вышли.

Устинья Наумовна. Известное дело, жемчужная, нельзя ж комиссару без штанов, хоть худенькие, да голубенькие. А каких же больше настряпала — шерстяных али шелковых?

Олимпиада Самсоновна. Разных — и шерстяных и шелковых, да вот недавно креповое с золотом сшила.

Устинья Наумовна. Сколько ж всего-то навсего у тебя, изумрудная?

Олимпиада Самсоновна. А вот считай: подвенечное блондовое на атласном чехле да три бархатных — это будет четыре; два газовых да креповое, шитое золотом, — это семь; три атласных да три грогроновых — это тринадцать; гроденаплевых да гродафриковых семь — это двадцать; три марселиновых, два муслинделиновых, два шинероялевых — много ли это? — три да четыре семь, да двадцать — двадцать семь; крепрашелевых четыре — это тридцать одно. Ну там еще кисейных, буфмуслиновых да ситцевых штук до двадцати; да там блуз да капотов — не то девять, не то десять. Да вот недавно из персидской материи сшила.

Устинья Наумовна. Ишь ты, Бог с тобой, сколько нагородила. А ты поди-ка выбери мне какое пошире из гродафриковых.

Олимпиада Самсоновна. Гродафрикового не дам, у самой только три; да оно и не сойдется на твою талию; пожалуй, коли хочешь, возьми крепрашелевое.

Устинья Наумовна. На какого мне жида трепрашельчатое-то! Ну, уж, видно, нечего с тобой делать, помирюсь и на атласном, так и быть.

Олимпиада Самсоновна. Ну и атласные тоже — как-то не того, сшиты по-бальному, открыто очень — понимаешь? А из крепрашелевых сыщем капот, распустим складочки, и будет в самую припорцию.

Устинья Наумовна. Ну, давай трепрашельчатое! Твое взяло, бралиянтовая! Поди отпирай шкап.

Олимпиада Самсоновна. Я сейчас, подожди немножко.

Устинья Наумовна. Подожду, золотая, подожду. Вот еще мне с супругом твоим поговорить надо.

Олимпиада Самсоновна уходит.

Что же это ты, бралиянтовый, никак забыл совсем свое обещание?

Подхалюзин. Как можно забыть-с, помним! (Вынимает бумажник и дает ей ассигнацию.)

Устинья Наумовна. Что ж это такое, алмазный?

Подхалюзин. Сто целковых-с!

Устинья Наумовна. Как так сто целковых? Да ты мне полторы тысячи обещал.

Подхалюзин. Что-о-с?

Устинья Наумовна. Ты мне полторы тысячи обещал.

Подхалюзин. Не жирно ли будет, неравно облопаетесь?

Устинья Наумовна. Что ж ты, курицын сын, шутить, что ли, со мной вздумал? Я, брат, и сама дама

разухабистая.

Подхалюзин. Да за что вам деньги-то давать? Диви бы за дело за какое!

Устинья Наумовна. За дело ли, за безделье ли, а давай, — ты сам обещал!

Подхалюзин. Мало ли что я обещал! Я обещал с Ивана Великого прыгнуть, коли женюсь на Алимпияде Самсоновне, — так и прыгать?

Устинья Наумовна. Что ж ты думаешь, я на тебя суда не найду? Велика важность, что ты купец второй гильдии, я сама на четырнадцатом классе сижу, какая ни на есть, все-таки чиновница.

Подхалюзин. Да хоть бы генеральша — мне все равно; я вас и знать-то не хочу, — вот и весь разговор.

Устинья Наумовна. Ан врешь — не весь: ты мне еще соболий салоп обещал.

Подхалюзин. Чего-с?

Устинья Наумовна. Соболий салоп! Что ты, оглох, что ли?

Подхалюзин. Соболий-с! Хе, хе, хе…

Устинья Наумовна. Да, соболий! Что ты смеешься-то, что горло-то пялишь!

Подхалюзин. Еще рылом не вышли-с в собольих-то салопах ходить.

Олимпиада Самсоновна выносит платье и от-

дает Устинье Наумовне.

Явление третье

Те же и Олимпиада Самсоновна.

Устинья Наумовна (вырывает из рук, с сердцем). Что ж это вы в самом деле — ограбить меня, что ли, хотите?

Подхалюзин. Что за грабеж, а ступайте с Богом, вот и все тут.

Устинья Наумовна. Уж ты гнать меня стал; да и я-то, дура бестолковая, связалась с вами, — сейчас видно: мещанская-то кровь!

Подхалюзин. Так-с! Скажите пожалуйста!

Устинья Наумовна. А коли так, я и смотреть на вас не хочу! Ни за какие сокровища и водиться-то с вами не соглашусь! Кругом обегу тридцать верст, а мимо вас не пойду! Скорей зажмурюсь да на лошадь наткнусь, чем стану глядеть на ваше логовище! Плюнуть захочется, и то в эту улицу не заверну! Лопнуть на десять частей, коли лгу! Провалиться в тартарары, коли меня здесь увидите!

Подхалюзин. Да вы, тетенька, легонько! а то мы и за квартальным пошлем.

Устинья Наумовна. Уж я вас, золотые, распечатаю:

будете знать! Я вас так по Москве-то расславлю, что стыдно будет в люди глаза показать!.. Ах я, дура, дура, с кем связалась! Даме-то с званием, с чином... Тьфу! Тьфу! Тьфу! (Уходит.)

Подхалюзин. Ишь ты, расходилась дворянская-то кровь! Ах ты, Господи! Туда же чиновница! Вот пословица-то говорится: гром-то гремит не из тучи, а из навозной кучи! Ах ты, Господи! Вот и смотри на нее, дама какая!

Олимпиада Самсоновна. Охота вам была, Лазарь Елизарыч, с ней связываться!

Подхалюзин. Да помилуйте, совсем несообразная женщина!

Олимпиада Самсоновна (глядит в окно). Никак тятеньку из ямы выпустили — посмотрите, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Ну, нет-с: из ямы тятеньку не скоро выпустят; а надо полагать, его в конкурс выписывали, так отпросился домой... Маменька-с! Аграфена Кондратьевна! Тятенька идет-с!

Явление четвертое

Те же, Большов и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Где он? Где он? Родные вы

мои, голубчики вы мои!

Целуются.

Подхалюзин. Тятенька, здравствуйте, наше почтение!

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой, Самсон Силыч, золотой ты мой! Оставил ты меня сиротой на старости лет!

Большов. Полно, жена, перестань!

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, маменька, точно по покойнике плачете! Не Бог знает что случилось.

Большов. Оно точно, дочка, не Бог знает что, а все-таки отец твой в яме сидит.

Олимпиада Самсоновна. Что ж, тятенька, сидят и лучше нас с вами.

Большов. Сидят-то сидят, да каково сидеть-то! Каково по улице-то идти с солдатом! Ох, дочка! Ведь меня сорок лет в городе-то все знают, сорок лет все в пояс кланялись, а теперь мальчишки пальцами показывают.

Аграфена Кондратьевна. И лица-то нет на тебе, голубчик ты мой! Словно ты с того света выходец!

Подхалюзин. Э, тятенька, Бог милостив! Все перемелется — мука будет. Что же, тятенька, кредиторы-то говорят?

Большов. Да что: на сделку согласны. Что, говорят,

тянуть-то, — еще возьмешь ли, нет ли, а ты что-нибудь чистыми дай, да и Бог с тобой.

Подхалюзин. Отчего же не дать-с! Надать дать-с! А много ли, тятенька, просят?

Большов. Просят-то по двадцать пять копеек.

Подхалюзин. Это, тятенька, много-с!

Большов. И сам, брат, знаю, что много, да что ж делать-то? Меньше не берут.

Подхалюзин. Кабы десять копеек, так бы ладно-с. Семь с половиною на удовлетворение, а две с половиною на конкурсные расходы.

Большов. Я так-то говорил, да и слышать не хотят.

Подхалюзин. Зазнались больно! А не хотят они осемь копеек в пять лет?

Большов. Что ж, Лазарь, придется и двадцать пять дать, ведь мы сами прежде так предлагали.

Подхалюзин. Да как же, тятенька-с! Ведь вы тогда сами изволили говорить-с, больше десяти копеек не давать-с. Вы сами рассудите: по двадцати пяти копеек денег много. Вам, тятенька, закусить чего не угодно ли-с? Маменька! Прикажите водочки подать да велите самоварчик поставить, уж и мы, для компании, выпьем-с. А двадцать пять копеек много-с!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшка, сейчас! (Уходит.)

Большов. Да что ты мне толкуешь-то: я и сам знаю, что много, да как же быть-то? Потомят года полтора в яме-то, да каждую неделю будут с солдатом по улицам водить, а еще, того гляди, в острог переместят, — так рад будешь и полтину дать. От одного страму-то не знаешь куда спрятаться.

Аграфена Кондратьевна с водкой; Тишка вносит закуску и уходит.

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой! Кушай, батюшка, кушай! Чай, тебя там голодом изморили!

Подхалюзин. Кушайте, тятенька! Не взыщите, чем Бог послал!

Большов. Спасибо, Лазарь! Спасибо! (Пьет.) Пей-ка сам.

Подхалюзин. За ваше здоровье! (Пьет.) Маменька! Не угодно ли-с? Сделайте одолжение!

Аграфена Кондратьевна. А, батюшки, до того ли мне теперь! Эдакое божеское попущение! Ах ты, Господи Боже мой! Ах ты, голубчик ты мой!

Подхалюзин. Э, маменька, Бог милостив, как-нибудь отделаемся! Не вдруг-с!

Аграфена Кондратьевна. Дай-то Господи! А то уж и я-то, на него глядя, вся измаялась.

Большов. Ну, как же, Лазарь?

Подхалюзин. Десять копеечек, извольте, дам-с, как

говорили.

Большов. А пятнадцать-то где же я возьму? Не из рогожи ж мне их шить.

Подхалюзин. Я, тятенька, не могу-с! Видит Бог, не могу-с!

Большов. Что ты, Лазарь, что ты! Да куда ж ты деньги-то дел?

Подхалюзин. Да вы извольте рассудить: я вот торговлей завожусь, домишко отделал. Да выкушайте чего-нибудь, тятенька! Вот хоть мадерцы, что ли-с! Маменька! Попотчуйте тятеньку.

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка, Самсон Силыч! Кушай! Я тебе, батюшка, пуншик налью!

Большов (пьет). Выручайте, детушки, выручайте!

Подхалюзин. Вот вы, тятенька, изволите говорить, куда я деньги дел? Как же-с? Рассудите сами: торговать начинаем, известное дело, без капиталу нельзя-с, взяться нечем; вот домик купил, заведеньице всякое домашнее завели, лошадок, то, другое. Сами извольте рассудить! Об детях подумать надо.

Олимпиада Самсоновна. Что ж, тятенька, нельзя же нам самим ни при чем остаться. Ведь мы не мещане какие-нибудь.

Подхалюзин. Вы, тятенька, извольте рассудить: нынче без капиталу нельзя-с, без капиталу-то

немного наторгуешь.

Олимпиада Самсоновна. Я у вас, тятенька, до двадцати лет жила — свету не видала. Что ж, мне прикажете отдать вам деньги, да самой опять в ситцевых платьях ходить?

Большов. Что вы! Что вы! Опомнитесь! Ведь я у вас не милостыню прошу, а свое же добро. Люди ли вы?..

Олимпиада Самсоновна. Известное дело, тятенька, люди, а не звери же.

Большов. Лазарь! Да ты вспомни-то, ведь я тебе все отдал, все дочиста, вот что себе оставил, видишь! Ведь я тебя мальчишкой в дом взял, подлец ты бесчувственный! Поил, кормил вместо отца родного, в люди вывел. А видел ли я от тебя благодарность какую? Видел ли? Вспомни то, Лазарь, сколько раз я замечал, что ты на` руку не чист! Что ж? Я ведь не прогнал тебя, как скота какого, не ославил на весь город. Я тебя сделал главным приказчиком, тебе я все свое состояние отдал, да тебе же, Лазарь, я отдал и дочь-то своими руками. А не случись со мною этого попущения, ты бы на нее и глядеть-то не смел.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я все это очень хорошо чувствую-с!

Большов. Чувствуешь ты! Ты бы должен все от-

дать, как я, в одной рубашке остаться, только бы своего благодетеля выручить. Да не прошу я этого, не надо мне, ты заплати за меня только, что теперь следует.

Подхалюзин. Отчего бы не заплатить-с, да просят цену, которую совсем несообразную.

Большов. Да разве я прошу! Я из-за каждой вашей копейки просил, просил, в ноги кланялся, да что же мне делать, когда не хотят уступить ничего?

Олимпиада Самсоновна. Мы, тятенька, сказали вам, что больше десяти копеек дать не можем, — и толковать об этом нечего.

Большов. Уж ты скажи, дочка: ступай, мол, ты, старый черт, в яму! Да, в яму! В острог его, старого дурака. И за дело! Не гонись за большим, будь доволен тем, что есть. А за большим погонишься, и последнее отнимут, оберут тебя дочиста. И придется тебе бежать на Каменный мост да бросаться в Москву-реку. Да и оттедова тебя за язык вытянут да в острог посадят.

Все молчат. Большов пьет.

А вы подумайте, каково мне теперь в яму-то идти. Что ж мне, зажмуриться, что ли? Мне Ильинка-то теперь за сто верст покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинке-то ид-

ти? Это все равно что грешную душу дьяволы, прости Господи, по мытарствам тащат. А там мимо Иверской, как мне взглянуть-то на нее, на матушку?.. Знаешь, Лазарь, Иуда — ведь он тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаем… А что ему за это было?.. А там Присутственные места, Уголовная палата… Ведь я злостный — умышленный… ведь меня в Сибирь сошлют. Господи!.. Коли так не дадите денег, дайте Христа ради! (Плачет.)

Подхалюзин. Что вы, что вы, тятенька! Полноте! Бог милостив! Что это вы? Поправим как-нибудь. Все в наших руках!

Большов. Денег надо, Лазарь, денег. Больше нечем поправить. Либо денег, либо в Сибирь.

Подхалюзин. И денег дадим-с, только бы отвязались! Я, так и быть, еще пять копеечек прибавлю.

Большов. Эки года! Есть ли в вас христианство? Двадцать пять копеек надо, Лазарь!

Подхалюзин. Нет, это, тятенька, много-с, ей-богу, много!

Большов. Змеи вы подколодные! (Опускается головой на стол.)

Аграфена Кондратьевна. Варвар ты, варвар! Разбойник ты эдакой! Нет тебе моего благословения! Иссохнешь ведь и с деньгами-то, иссохнешь, не доживя

веку. Разбойник ты, эдакой разбойник!

Подхалюзин. Полноте, маменька, Бога-то гневить! Что это вы клянете нас, не разобравши дела-то! Вы видите, тятенька захмелел маненько, а вы уж и на`-поди.

Олимпиада Самсоновна. Уж вы, маменька, молчали бы лучше! А то вы рады проклясть в треисподнюю. Знаю я: вас на это станет. За то вам, должно быть, и других детей-то Бог не дал.

Аграфена Кондратьевна. Сама ты молчи, беспутная! И одну-то тебя Бог в наказание послал.

Олимпиада Самсоновна. У вас все беспутные — вы одни хороши. На себя-то посмотрели бы: только что понедельничаете, а то дня не пройдет, чтоб не облаять кого-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Ишь ты! Ишь ты! Ах, ах, ах!.. Да я тебя прокляну на всех соборах!

Олимпиада Самсоновна. Проклинайте, пожалуй!

Аграфена Кондратьевна. Да! Вот как! Умрешь, не сгниешь! Да!..

Олимпиада Самсоновна. Очень нужно!

Большов (встает). Ну, прощайте, дети.

Подхалюзин. Что вы, тятенька, посидите! Надобно же как-нибудь дело-то кончить!

Большов. Да что кончать-то? Уж я вижу, что дело-то кончено. Сама себя раба бьет, коли не чисто

жнет! Ты уж не плати за меня ничего: пусть что хотят, то и делают. Прощайте, пора мне!

Подхалюзин. Прощайте, тятенька! Бог милостив — как-нибудь обойдется!

Большов. Прощай, жена!

Аграфена Кондратьевна. Прощай, батюшка Самсон Силыч! Когда к вам в яму-то пущают?

Большов. Не знаю!

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я наведаюсь, а то умрешь тут, не видамши-то тебя.

Большов. Прощай, дочка! Прощайте, Алимпияда Самсоновна! Ну, вот вы теперь будете богаты, заживете по-барски. По гуляньям это, по балам — дьявола тешить! А не забудьте вы, Алимпияда Самсоновна, что есть клетки с железными решетками, сидят там бедные заключенные. Не забудьте нас, бедных заключенных. (Уходит с Аграфеной Кондратьевной.)

Подхалюзин. Эх, Алимпияда Самсоновна-с! Неловко-с! Жаль тятеньку, ей-богу, жаль-с! Нешто поехать самому поторговаться с кредиторами! Аль не надо-с? Он-то сам лучше их разжалобит. А? Аль ехать? Поеду-с! Тишка!

Олимпиада Самсоновна. Как хотите, так и делайте — ваше дело.

Подхалюзин. Тишка!

Входит Тишка.

Подай старый сертук, которого хуже нет.

Тишка уходит.

А то подумают: богат, должно быть, в те поры и не сговоришь.

Явление пятое

Те же, Рисположенский и Аграфена Кондратьевна.

Рисположенский. Вы, матушка Аграфена Кондратьевна, огурчиков еще не изволили солить?

Аграфена Кондратьевна. Нет, батюшка! Какие теперь огурчики! До того ли уж мне! А вы посолили?

Рисположенский. Как же, матушка, посолили. Дороги нынче очень; говорят, морозом хватило. Лазарь Елизарыч, батюшка, здравствуйте! Это водочка? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Аграфена Кондратьевна уходит с Олимпиадой Самсоновной.

Подхалюзин. А зачем это вы к нам пожаловали, не слыхать ли?

Рисположенский. Хе, хе, хе!.. Какой вы шутник, Ла-

зарь Елизарыч! Известное дело, за чем!

Подхалюзин. А за чем бы это, желательно знать-с?

Расположенский. За деньгами, Лазарь Елизарыч, за деньгами! Кто за чем, а я все за деньгами!

Подхалюзин. Да уж вы за деньгами-то больно часто ходите.

Расположенский. Да как же не ходить-то, Лазарь Елизарыч, когда вы по пяти целковых даете. Ведь у меня семейство.

Подхалюзин. Что ж, вам не по сту же давать.

Расположенский. А уж отдали бы зараз, так я бы к вам и не ходил.

Подхалюзин. То-то вы ни уха ни рыла не смыслите, а еще хапанцы берете. За что вам давать-то?

Расположенский. Как за что? Сами обещали!

Подхалюзин. Сами обещали! Ведь давали тебе — попользовался, ну и будет, пора честь знать.

Расположенский. Как пора честь знать? Да вы мне еще тысячи полторы должны.

Подхалюзин. Должны! Тоже, должны! Словно у него документ! А за что — за мошенничество!

Расположенский. Как за мошенничество? За труды, а не за мошенничество!

Подхалюзин. За труды!

Расположенский. Ну, да там за что бы то ни было, а давайте деньги, а то документ.

Подхалюзин. Чего-с? Документ! Нет, уж это после придите.

Расположенский. Так что ж, ты меня грабить, что ли, хочешь с малыми детьми?

Подхалюзин. Что за грабеж! А вот возьми еще пять целковых, да и ступай с Богом.

Расположенский. Нет, погоди! Ты от меня этим не отделаешься!

Тишка входит.

Подхалюзин. А что же ты со мной сделаешь?

Расположенский. Язык-то у меня некупленный.

Подхалюзин. Что ж ты, лизать, что ли, меня хочешь?

Расположенский. Нет, не лизать, а добрым людям рассказывать.

Подхалюзин. Об чем рассказывать-то, купоросная душа! Да кто тебе поверит-то еще?

Расположенский. Кто поверит?

Подхалюзин. Да! Кто поверит? Погляди-тко ты на себя.

Расположенский. Кто поверит? Кто поверит? А вот увидишь! А вот увидишь! Батюшки мои, да что ж мне делать-то? Смерть моя! Грабит меня, разбойник, грабит! Нет, ты погоди! Ты увидишь! Грабить не приказано!

Подхалюзин. Да что увидать-то?

Рисположенский. А вот что увидишь! Постой еще, постой, постой! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Погоди!

Подхалюзин. Погоди да погоди! — Уж я и так ждал довольно. Ты полно пужать-то: не страшно.

Рисположенский. Ты думаешь, мне никто не поверит? Не поверит? Ну, пускай обижают! Я... я вот что сделаю: почтеннейшая публика!

Подхалюзин. Что ты! Что ты! Очнись!

Тишка. Ишь ты, с пьяных-то глаз куда лезет!

Рисположенский. Постой, постой!.. Почтеннейшая публика! Жена, четверо детей — вот сапоги худые!..

Подхалюзин. Все врет-с! Самый пустой человек-с! Полно ты, полно... Ты прежде на себя-то посмотри, ну куда ты лезешь!

Рисположенский. Пусти! Тестя обокрал! И меня грабит... Жена, четверо детей, сапоги худые!

Тишка. Подметки подкинуть можно!

Рисположенский. Ты что? Ты такой же грабитель!

Тишка. Ничего-с, проехали!

Подхалюзин. Ах! Ну что ты мораль-то эдакую пущаешь!

Рисположенский. Нет, ты погоди! Я тебе припомню! Я тебя в Сибирь упеку!

Подхалюзин. Не верьте, все врет-с! Так-с, самый пустой человек-с, внимания не стоющий! Эх, братец, какой ты безобразный! Ну, не знал я тебя — ни за какие бы благополучия и связываться не стал.

Расположенский. Что, взял? А! Что, взял? Вот тебе, собака! Ну, теперь подавись моими деньгами, черт с тобой! (Уходит.)

Подхалюзин. Какой горячий-с! (К публике.) Вы ему не верьте, это он, что говорил-с, — это все врет. Ничего этого и не было. Это ему, должно быть, во сне приснилось. А вот мы магазинчик открываем: милости просим! Малого робенка пришлете — в луковице не обочтем.

Бедность не порок
Комедия в трех действиях

Посвящено Прову Михайловичу Садовскому

Действующие лица

Гордей Карпыч Торцов, богатый купец.

Пелагея Егоровна, его жена.

Любовь Гордеевна, их дочь.

Любим Карпыч Торцов, его брат, промотавшийся.

Африкан Савич Коршунов, фабрикант.

Митя, приказчик Торцова.

Яша Гуслин, племянник Торцова.

Гриша Разлюляев, молодой купчик, сын богатого отца.

Анна Ивановна, молодая вдова.

Маша

Лиза подруги Любови Гордеевны.

Егорушка, мальчик, дальний родственник Торцова.

Арина, нянька Любови Гордеевны.

Гости, гостьи, прислуга, ряженые и прочие.

Действие происходит в уездном городе, в доме купца Торцова, во время Святок.

Действие первое

Небольшая приказчичья комната; на задней стене дверь, налево в углу кровать, направо шкаф; на левой стене окно, подле окна стол, у стола стул; подле правой стены конторка и деревянная табуретка; подле кровати гитара; на столе и конторке книги и бумаги.

Явление первое

Митя ходит взад и вперед по комнате; Егорушка сидит на табуретке и читает «Бову Королевича».

Егорушка (читает). «Государь мой батюшка, славный и храбрый король, Кирибит Верзоулович, ныне идти за него смелости не имею, потому что когда я была во младости, то король Гвидон за меня сватался».

Митя. Что, Егорушка, наши дома?

Егорушка (зажимает пальцем то место, где читает, чтоб не ошибиться). Никого нет; кататься уехали. Один Гордей Карпыч дома. (Читает.) «На то сказал дщери своей Кирибит Верзоулович…» (Зажимает пальцем.) Только такой сердитый, что беда! Я уж

ушел — все ругается. (Читает.) «Тогда прекрасная Милитриса Кирбитьевна, призвав к себе слугу Личарду…»

Митя. На кого же он сердит?

Егорушка (опять зажимает). На дяденьку, на Любима Карпыча. На второй-то праздник дяденька Любим Карпыч обедал у нас, за обедом-то захмелел, да и начал разные колена выкидывать, да смешно таково. Я смешлив ведь больно, не вытерпел, так и покатился со смеху, а уж на меня глядя и все. Дяденька Гордей-то Карпыч принял это себе за обиду да за невежество, осерчал на него, да и прогнал. Дяденька-то Любим Карпыч взял да в отместку ему и созорничал, пошел да с нищими и стал у собора. Дяденька-то Гордей Карпыч говорит: осрамил, говорит, на весь город. Да теперь и сердится на всех без разбору, кто под руку подвернется. (Читает.) «С тем намерением, чтобы подступил под наш град».

Митя (взглянув в окно). Кажется, наши приехали… Так и есть! Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна, да и гости с ними.

Егорушка (прячет сказку в карман). Побежать наверх. (Уходит.)

Явление второе

Митя (один). Эка тоска, господи!.. На улице праздник, у всякого в доме праздник, а ты сиди в четырех стенах!.. Всем-то я чужой, ни родных, ни знакомых!.. А тут еще… Ах, да ну! сесть лучше за дело, авось тоска пройдет. (Садится к конторке и задумывается, потом запевает.)

Красоты ее не можно описать!..

Черны брови, с поволокою глаза.

Да, с поволокою.

А как вчера в собольем салопе, покрывшись платочком, идет от обедни, так это… ах!.. Я так думаю, и не привидано такой красоты! (Задумывается, потом поет.)

Уж и где ж эта родилась красота…

Как же, пойдет тут работа на ум! Все бы я думал об ней!.. Душу-то всю истерзал тосковамши. Ах ты, горе-гореваньице!.. (Закрывает лицо руками и сидит молча.)

Входит Пелагея Егоровна, одетая по-зимнему, и останавливается в дверях.

Явление третье

Митя и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Митя, Митенька!

Митя. Что вам угодно?

Пелагея Егоровна. Зайди ужо вечерком к нам, голубчик. Поиграете с девушками, песенок попоете.

Митя. Премного благодарен. Первым долгом сочту-с.

Пелагея Егоровна. Что тебе в конторе все сидеть одному! Не велико веселье! Зайдешь, что ли? Гордея-то Карпыча дома не будет.

Митя. Хорошо-с, зайду беспременно.

Пелагея Егоровна. Уедет ведь опять… да, уедет туда, к этому, к своему-то… как его?..

Митя. К Африкану Савичу-с?

Пелагея Егоровна. Да, да! Вот навязался, прости господи!

Митя (подавая стул). Присядьте, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Ох, некогда. Ну да уж присяду немножко. (Садится.) Так вот поди ж ты… этакая напасть! Право!.. Подружились ведь так, что на`-поди. Да! Вот какое дело! А зачем? К чему

пристало? Скажи ты на милость! Человек-то он буйный да пьяный, Африкан-то Савич… да!

Митя. Может, дела какие есть у Гордея Карпыча с Африканом Савичем.

Пелагея Егоровна. Какие дела! Никаких делов нет. Ведь он-то, Африкан-то Савич, с агличином всё пьют. Там у него агличин на фабрике дилехтор — и пьют… да! А нашему-то не след с ними. Да разве с ним сговоришь! Гордость-то его одна чего сто`ит! Мне, говорит, здесь не с кем компанию водить, всё, говорит, сволочь, всё, видишь ты, мужики, и живут-то по-мужицки; а тот-то, видишь ты, московский, больше всё в Москве… и богатый. И что это с ним сделалось? Да ведь вдруг, любезненький, вдруг! То все-таки рассудок имел. Ну, жили мы, конечно, не роскошно, а все-таки так, что дай Бог всякому; а вот в прошлом году в отъезд ездил, да перенял у кого-то. Перенял, перенял, уж мне сказывали… все эти штуки-то перенял. Теперь все ему наше русское не мило; ладит одно — хочу жить по-нынешнему, модами заниматься. Да, да!.. Надень, говорит, чепчик!.. Ведь что выдумает-то!.. Прельщать, что ли, мне кого на старости, говорю, разные прелести делать! Тьфу! Ну вот поди ж ты с ним! Да! Не пил ведь прежде… право… никогда, а теперь с этим с Африканом

пьют! Спьяну-то, должно быть, у него (показывая на голову) и помутилось. (Молчание.) Уж я так думаю, что это враг его смущает! Как-таки рассудку не иметь!.. Ну, еще кабы молоденький: молоденькому это и нарядиться, и все это лестно; а то ведь под шестьдесят, миленький, под шестьдесят! Право! Модное-то ваше да нынешнее, я говорю ему, каждый день меняется, а русской-то наш обычай испокон веку живет! Старики-то не глупей нас были. Да разве с ним сговоришь, при его же, голубчик, крутом-то характере.

Митя. Что говорить! Строгий человек-с.

Пелагея Егоровна. Любочка теперь в настоящей поре, надобно ее пристроить, а он одно ладит: нет ей ровни… нет да нет!.. Ан вот есть!.. А у него все нет… А каково же это материнскому-то сердцу!

Митя. Может быть, Гордей Карпыч хотят в Москве выдать Любовь Гордеевну.

Пелагея Егоровна. Кто его знает, что у него на уме. Смотрит зверем, ни словечка не скажет, точно я и не мать… да, право… ничего я ему сказать не смею; разве с кем поговоришь с посторонним про свое горе, поплачешь, душу отведешь, только и всего. (Встает.) Заходи, Митенька.

Митя. Приду-с.

Гуслин входит.

Явление четвертое

Те же и Гуслин.

Пелагея Егоровна. Вот и еще молодец! Приходи, Яшенька, ужо к нам наверх с девушками песни попеть, ты ведь мастер, да гитару захвати.

Гуслин. Хорошо-с, это нам не в труд, а еще, можно сказать, в удовольствие-с.

Пелагея Егоровна. Ну, прощайте. Пойти соснуть полчасика.

Гуслин и Митя. Прощайте-с.

Пелагея Егоровна уходит; Митя садится к столу пригорюнившись; Гуслин садится на кровать и берет гитару.

Явление пятое

Митя и Яша Гуслин.

Гуслин. Что народу было на катанье!.. И ваши были. Что ж ты не был?

Митя. Да что, Яша, обуяла меня тоска-кручина.

Гуслин. Что за тоска? Об чем тебе тужить-то?

Митя. Как же не тужить-то? Вдруг в голову взой-

дут такие мысли: что я такое за человек на свете есть? Теперь родительница у меня в старости и бедности находится, ее должен содержать, а чем? Жалованье маленькое, от Гордея Карпыча все обида да брань, да все бедностью попрекает, точно я виноват… а жалованья не прибавляет. Поискал бы другого места, да где его найдешь без знакомства-то. Да, признаться сказать, я к другому-то месту и не пойду.

Гуслин. Отчего же не пойдешь? Вот у Разлюляевых жить хорошо — люди богатые и добрые.

Митя. Нет, Яша, не рука! Уж буду все терпеть от Гордея Карпыча, бедствовать буду, а не пойду. Такая моя планида!

Гуслин. Отчего же так?

Митя (встает). Так, уж есть тому делу причина. Есть, Яша, у меня еще горе, да никто того горя не знает. Никому я про свое горе не сказывал.

Гуслин. Скажи мне.

Митя (махнув рукой). Зачем!

Гуслин. Да скажи, что за важность!

Митя. Говори не говори, ведь не поможешь!

Гуслин. А почем знать?

Митя (подходит к Гуслину). Никто мне не поможет. Пропала моя голова! Полюбилась мне больно Любовь Гордеевна.

Гуслин. Что ты, Митя?! Да как же это?

Митя. Да вот как-никак, а уж сделалось.

Гуслин. Лучше, Митя, из головы выкинь. Этому делу никогда не бывать, да и не ра`живаться.

Митя. Знамши я все это, не могу своего сердца сообразить. «Любить друга можно, нельзя позабыть!..» (Говорит с сильными жестами.) «Полюбил я красну девицу, пуще роду, пуще племени!.. Злые люди не велят, велят бросить, перестать!»

Гуслин. Да и то надоть бросить. Вот Анна Ивановна мне и ровня: у ней пусто, у меня ничего, — да и то дяденька не велит жениться. А тебе и думать нечего. А то заберешь в голову, потом еще тяжельше будет.

Митя (декламирует).

Что на свете прежестоко? —

Прежестока есть любовь!

(Ходит по комнате.) Яша, читал ты Кольцова? (Останавливается.)

Гуслин. Читал, а что?

Митя. Как он описывал все эти чувства!

Гуслин. В точности описывал.

Митя. Уж именно что в точности. (Ходит по комнате.) Яша!

Гуслин. Что?

Митя. Я сам песню сочинил.

Гуслин. Ты?

Митя. Да.

Гуслин. Давай голос подберем, да и будем петь.

Митя. Хорошо. На, вот. (Отдает ему бумагу.) А я попишу немного — дело есть: неравно Гордей Карпыч спросит. (Садится и пишет.)

Гуслин берет гитару и начинает подбирать голос; Разлюляев входит с гармонией.

Явление шестое

Те же и Разлюляев.

Разлюляев. Здравствуйте, братцы! (Наигрывает на гармонии и приплясывает.)

Гуслин. Эко дурак! На что это ты гармонию-то купил?

Разлюляев. Известно на что — играть. Вот так… (Играет.)

Гуслин. Ну уж, важная музыка… нечего сказать! Брось, говорят тебе.

Разлюляев. Что ж, не брошу разве!.. Коли захочу, так и брошу… Вот важность! Денег, что ли, у нас нет? (Бьет себя по карману.) Звенят. У нас гулять

— так гулять! (Бросает гармонию.)

Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далека,
А другая близко.

Митя (ударяет Митю по плечу), а Митя! Что ты сидишь?

Митя. Дело есть. (Продолжает заниматься.)

Разлюляев. Митя, а Митя, а я гуляю, брат… право слово, гуляю. Ух, ходи!.. (Поет: «Одна гора высока» и проч.) Митя, а Митя! весь праздник буду гулять, а там за дело… Право слово! Что ж, у нас денег, что ли, нет? Вот они!.. А я не пьян… Нет, так гуляю… весело…

Митя. Ну гуляй на здоровье.

Разлюляев. А после праздника женюсь!.. Право слово, женюсь! Возьму богатую.

Гуслин (Мите). Ну, вот слушай-ка, так-то ладно ль будет?

Разлюляев. Спой-ка, спой, я послушаю.

Гуслин (поет).

Нет-то злей, постылее
Злой сиротской доли,
Злее горя лютого,

Тяжелей неволи.
Всем на свете праздничек,
Тебе не веселье!..
Буйной ли головушке
Без вина похмелье!
Молодость не радует,
Красота не тешит;
Не зазноба-девушка —
Горе кудри чешет.

Во все это время Разлюляев стоит как вкопанный и слушает с чувством; по окончании пения все молчат.

Разлюляев. Хорошо, больно хорошо! Жалко таково... Так за сердце и хватает. (Вздыхает.) Эх, Яша! сыграй веселую, полно канитель-то эту тянуть — нынче праздник. (Поет.)

Ух! Как гусара не любить!
Это не годится!

Подыгрывай, Яша.

Гуслин подыгрывает.

Митя. Полно вам дурачиться-то. Давайте-ка лучше сядемте в кучку да полегоньку песенку споем.

Разлюляев. Ладно! (Садятся.)

Гуслин (запевает; Митя и Разлюляев подтягивают).

Размолодчики вы молоденькие,
Вы дружки мои…

Входит Гордей Карпыч; все встают и перестают петь.

Явление седьмое

Те же и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч. Что распелись! Горланят, точно мужичье! (Мите.) И ты туда ж! Кажется, не в таком доме живешь, не у мужиков. Что за полпивная! Чтоб у меня этого не было вперед! (Подходит к столу и рассматривает бумаги.) Что бумаги-то разбросал!..

Митя. Это я счета проверял-с.

Гордей Карпыч (берет книгу Кольцова и тетрадь со стихами). А это еще что за глупости?

Митя. Это я от скуки, по праздникам-с, стихотворения господина Кольцова переписываю.

Гордей Карпыч. Какие нежности при нашей бедности!

Митя. Собственно, для образования своего занимаюсь, чтоб иметь понятие.

Гордей Карпыч. Образование! Знаешь ли ты, что такое образование?.. А еще туда же разговаривает! Ты бы вот сертучишко новенький сшил! Ведь к нам наверх ходишь, гости бывают… срам! Куда деньги-то деваешь?

Митя. Маменьке посылаю, потому она в старости, ей негде взять.

Гордей Карпыч. Матери посылаешь! Ты себя-то бы обра`зил прежде; матери-то не Бог знает что нужно, не в роскоши воспитана, чай сама хлевы затворяла.

Митя. Уж пущай же лучше я буду терпеть, да маменька, по крайности, ни в чем не нуждается.

Гордей Карпыч. Да ведь безобразно! Уж коли не умеешь над собою приличия наблюдать, так и сиди в своей конуре; коли гол кругом, так нечего о себе мечтать! Стихи пишет, образовать себя хочет, а сам как фабричный ходит! Разве в этом образование-то состоит, что дурацкие песни петь? То-то глупо-то! (Сквозь зубы и косясь на Митю.) Дурак! (Помолчав.) Ты и не смей показываться в этом сертучишке наверх. Слышишь, я тебе говорю! (К Разлюляеву.) А ты тоже! Отец-то, чай, деньги лопатой загребает, а тебя в этаком зипунишке

водит.

Разлюляев. Что ж такое! Он новый… сукно-то французское, из Москвы выписывали, по знакомству… двадцать рублев аршин. Что ж, нешто мне этакую штуку надеть, как у Франца Федорыча, у аптекаря… кургузую; так его вон и дразнят все: страм пальто! Так что ж хорошего людей смешить!

Гордей Карпыч. Много ты знаешь! Да что, с тебя взыскать-то нечего! Сам-то ты глуп, да и отец-то твой не больно умен… целый век с засаленным брюхом ходит; дураками непросвещенными живете, дураками и умрете.

Разлюляев. Уж ладно.

Гордей Карпыч (строго). Что?

Разлюляев. Ладно, мол.

Гордей Карпыч. Неуч, и сказать-то путно не умешь! Говорить-то с вами — только слова тратить; все равно, что стене горох, так и вам, дуракам. (Уходит.)

Явление восьмое

Те же, без Торцова.

Разлюляев. Поди-кось, какой грозный! Ишь ты, развоевался! Так вот тебя и испугались… Как же,

держи карман-то!

Митя (Гуслину). Вот она жизнь-то моя какова! Вот каково мне сладко жить-то на свете!

Разлюляев. Да от этакова житья — запьешь, право, запьешь! А ты брось, не думай. (Запевает.)

Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далека,
А другая близко.

Входят: Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

Явление девятое

Те же, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

Анна Ивановна. Мир честной компании!

Разлюляев. Милости прошу к нашему шалашу.

Митя. Наше почтение-с! Милости просим!.. Какими судьбами?..

Анна Ивановна. А никакими, просто — взяли да и пришли. Гордей Карпыч уехал, а Пелагея Егоровна отдохнуть легла, так теперь наша воля… Гуляй — не хочу!..

Митя. Просим покорно садиться.

Садятся; Митя садится против Любови Гордеевны; Разлюляев ходит.

Анна Ивановна. Надоело молча-то сидеть, орехи щелкать, — пойдемте, говорю, девушки, к парням, а девушкам и любо.

Любовь Гордеевна. Что ты выдумываешь-то! Мы не воображали сюда идти, это ты выдумала.

Анна Ивановна. Как же не так! Да ты первая… Известное дело, кому что нужно, тот об том и думает: парни об девках, а девки об парнях.

Разлюляев. Ха, ха, ха!.. Это вы, Анна Ивановна, в точности говорите.

Любовь Гордеевна. Вот уж никогда!

Маша (Лизе). Ах, стыд какой!

Лиза. Это, Анна Ивановна, вы говорите совсем напротив.

Анна Ивановна. Ах вы, скромность! Уж сказала бы словечко, да нехорошо при парнях-то… Сама была в девках, все знаю.

Любовь Гордеевна. Девушка девушке рознь.

Маша. Ах, стыд какой!

Лиза. Что вы говорите, это даже для нас оченно странно и, можно сказать, конфузно.

Разлюляев. Ха, ха, ха!..

Анна Ивановна. А об чем сейчас наверху разговор был? Хотите, скажу!.. Ну, говорить, что ли? Что, присмирели!

Разлюляев. Ха, ха, ха!..

Анна Ивановна. Ты что рот-то разинул! Не об тебе, небось!

Разлюляев. Хоша и не обо мне, однако, может быть, есть, кто и об нас думает. Мы знаем, мы знаем! (Приплясывает.)

Как гусара не любить! Это не годится!

Анна Ивановна (подходит к Гуслину). Что же ты, бандурист, когда на мне женишься?

Гуслин (играя на гитаре). А вот когда от Гордея Карпыча разрешенье выдет. Куда нам торопиться-то, над нами не каплет. (Кивает ей головой.) Поди-ка сюда, Анна Ивановна, мне нужно сказать тебе одно дело.

Она подходит к нему и садится подле него; он ей шепчет на ухо, показывая на Любовь Гордеевну и Митю.

Анна Ивановна. Что ты говоришь!.. Неужто!

Гуслин. Уж это верно так.

Анна Ивановна. Ну, так хорошо, молчи! (Говорят шепотом.)

Любовь Гордеевна. Ты, Митя, придешь к нам ужо вечером?

Митя. Приду-с.

Разлюляев. И я приду. Я больно плясать горазд. (Становится фертом.) Девушки, полюбите меня кто-нибудь.

Маша. Как вам не стыдно! Что это вы такое говорите!

Разлюляев. Что ж такое за важность! Я говорю — полюбите меня… да… за мою простоту.

Лиза. Этого не говорят девушкам. А должны были сами дожидаться, чтобы вас полюбили.

Разлюляев. Да, дождешься от вас, как же! (Пляшет.)

Как гусара не любить!

Любовь Гордеевна (взглянув на Митю). Может быть, кто-нибудь и любит кого-нибудь, да не скажет: надобно самому догадаться.

Лиза. Какая же девушка в мире может сказать это!

Маша. Конечно.

Анна Ивановна (подходит к ним и поглядывает то на Любовь Гордеевну, то на Митю и запевает).

Уж и как это видно,
Коли кто кого любит —

Против милого садится,

Тяжеленько вздыхает.

Митя. На чей счет это принимать нужно?

Анна Ивановна. Уж мы знаем на чей.

Разлюляев. Стойте, девушки, я вам песню спою.

Анна Ивановна. Спой, спой!

Разлюляев (поет протяжно).

Летал медведь по поднебесью…

Анна Ивановна. А ты хуже этой-то не знаешь?

Лиза. Даже можно принять это в насмешку.

Разлюляев. А коли эта нехороша, я вам другую спою; я ведь веселый. (Поет.)

Ах, бей в доску,

Поминай Москву!

Москве хочется жениться —

Коломну взять.

А Тула-то хохочет,

Да в приданое не хочет!

А гречиха по четыре,

Крупа по сороку,

Вот просо у нас гривна,

А ячмень три алтына.

(Обращаясь к девушкам.)

Вздешевел бы и овес —
Больно дорого провоз!

Видите, погода какова!

Маша. Это к нам не относится.

Лиза. Мы мукой не торгуем.

Анна Ивановна. Да ты что пристал! Ты вот отгадай загадку. Что такое: кругла — да не девка; с хвостом — да не мышь?

Разлюляев. Это штука мудреная!

Анна Ивановна. То-то мудреная!.. Вот ты и думай! Ну, девушки, пойдемте.

Девушки встают и собираются идти.

Парни, пойдемте.

Гуслин и Разлюляев собираются.

Митя. А я после приду. Я тут уберу кой-что.

Анна Ивановна (пока собираются).

Вечор девки,
Вечор красны,
Вечор девки пиво варивали.
Зашел к девкам,
Зашел к красным,
Зашел к девкам да незваный гость.

Анна Ивановна за дверью пропускает всех, исключая Любови Гордеевны, затворяет и не пускает ее.

Явление десятое

Митя и Любовь Гордеевна.

Любовь Гордеевна (у двери). Перестаньте, не дурачьтесь.

За дверью девичий смех.

Не пускают!.. Ах, какие! (Отходит от дверей). Баловницы, право!..

Митя (подавая стул). Присядьте, Любовь Гордеевна, побеседуйте минуточку. Я очень рад, видемши вас у себя.

Любовь Гордеевна (садится). Чему тут радоваться, я не понимаю.

Митя. Да как же-с!.. Мне очень приятно-с видеть с вашей стороны такое внимание, сверх моих для вас заслуг. Вот уж другой раз я имею счастие-с…

Любовь Гордеевна. Ну, что ж! Пришла, посидела и ушла, в этом важности не состоит. Я, пожалуй, и сейчас уйду.

Митя. Ах, нет, не уходите-с!.. Для чего же-с!.. (Вынимает из кармана бумагу.) Позвольте мне

презентовать вам мой труд… как умею, от души.

Любовь Гордеевна. Это что такое?

Митя. Собственно для вас сочинил стихи.

Любовь Гордеевна (стараясь скрыть радость). Еще, может быть, глупость какая-нибудь… не стоит читать.

Митя. Этого я не могу судить, потому как сам я это писал и притом не учимшись.

Любовь Гордеевна. Прочитай.

Митя. Сейчас-с. (Садится подле стола и берет бумагу; Любовь Гордеевна подвигается к нему очень близко.)

Не цветочек в поле вянет, не былинка, —

Вянет, сохнет добрый молодец-детинка.

Полюбил он красну девицу на горе,

На несчастьице себе да на большое.

Понапрасну свое сердце парень губит,

Что неровнюшку девицу парень любит:

Во темну ночь красну солнцу не всходити,

Что за парнем красной девице не быти.

Любовь Гордеевна (сидит несколько времени за-

думавшись). Дай сюда. (Берет бумагу и прячет, потом встает.) Я тебе сама напишу.

Митя. Вы-с?!

Любовь Гордеевна. Только стихами я не умею, а так, просто.

Митя. За великое счастие почту для себя ваше такое одолжение-с. (Дает бумагу и перо.) Извольте-с.

Любовь Гордеевна. Жаль только, что скверно пишу-то. (Пишет.)

Митя хочет заглянуть.

Только ты не смотри, а то я брошу писать и изорву.

Митя. Я не буду смотреть-с. Но вы позвольте мне на ваше снисхождение соответствовать тем же, сколь могу, и написать для вас стихи вторично-с.

Любовь Гордеевна (положив перо). Пиши, пожалуй… Только пальцы все выпачкала, кабы знала, лучше бы не писала.

Митя. Пожалуйте-с.

Любовь Гордеевна. На, возьми. Только ты не смей читать при мне, а прочти после, когда я уйду. (Складывает бумажку и отдает ему; он прячет в карман.)

Митя. Будет по вашему желанию-с.

Любовь Гордеевна (встает). Придешь к нам наверх?

Митя. Приду-с... сию минуту-с.

Любовь Гордеевна. Прощай.

Митя. До приятного свидания-с.

Любовь Гордеевна идет к дверям; из дверей выходит Любим Карпыч.

Явление одиннадцатое

Те же и Любим Карпыч.

Любовь Гордеевна. Ах!

Любим Карпыч (указывая на Любовь Гордеевну). Стой! Что за человек? По какому виду? За каким делом? Взять ее под сумнение.

Любовь Гордеевна. Это вы, дяденька!

Любим Карпыч. Я, племянница! Что, испугалась! Ступай, не бось! Я не доказчик, а кладу все в ящик, — разберу после, на досуге.

Любовь Гордеевна. Прощайте! (Уходит.)

Явление двенадцатое

Митя и Любим Карпыч.

Любим Карпыч. Митя, прими к себе купеческого бра-

та Любима Карпова сына Торговца.

Митя. Милости просим.

Любим Карпыч (садится). Брат выгнал! А на улице, в этом бурнусе, немного натанцуешь! Морозы… время крещенское — бррр… И руки-то озябли, и ноги-то ознобил — бррр…

Митя. Погрейтесь, Любим Карпыч.

Любим Карпыч. Ты меня не прогонишь, Митя? А то ведь замерзну на дворе-то… как собака замерзну.

Митя. Как можно, что вы говорите!..

Любим Карпыч. Ведь вот брат выгнал же. Ну, пока деньжонки были, шлялся кой-где по теплым местам; а денег нет — нигде не пускают. А и денег-то было два франка да несколько сантимов! Не велик капитал! Каменный дом не выстроишь!.. Деревни не купишь!.. Как же надо поступить с этим капиталом? Куда его деть? Не в ломбард его несть! Вот я этот капитал взял да пропил, промотал. Туда ему и дорога!

Митя. Зачем же вы пьете, Любим Карпыч? Через это вы сами себе враг!

Любим Карпыч. Зачем я пью?.. От глупости! Да, от своей глупости. А ты думал, от чего?

Митя. Так вы лучше перестаньте.

Любим Карпыч. Нельзя перестать: на такую линию попал.

Митя. Какая же это линия?

Любим Карпыч. А вот слушай ты, живая душа, какая это линия. Только ты слушай да на ус мотай. Остался я после отца, видишь ты, мал-малехонек, с коломенскую версту, лет двадцати несмышленочек. В голове-то, как в пустом чердаке, ветер так и ходит! Разделились мы с братом: себе он взял заведение, а мне дал деньгами, да билетами, да векселями. Ну, уж как он там разделил — не наше дело, Бог ему судья! Вот я и поехал в Москву по билетам деньги получать. Нельзя не ехать! Надо людей посмотреть, себя показать, высокого тону набраться. Опять же я такой прекрасный молодой человек, а еще свету не видывал, в частном доме не ночевывал. Надобно до всего дойти! Первое дело, оделся франтом, знай, дескать, наших! То есть такого-то дурака разыгрываю, что на редкость! Сейчас, разумеется, по трактирам… Шпилен зи полька, дайте еще бутылочку похолоднее. Приятелей, друзей завелось, хоть пруд пруди! По театрам ездил…

Митя. А ведь это, должно быть, Любим Карпыч, очень хорошо в театре представляют.

Любим Карпыч. Я все трагедию ходил смотреть, очень любил, только не видал ничего путем и не помню ничего, потому что больше все пьяный.

(Встает.) «Пей под ножом Прокопа Ляпунова!» (Садится.) Таким-то по`бытом деньжонки все я ухнул; что осталось, поверил приятелю Африкану Коршунову на божбу да на честное слово; с ним же я пил да гулял, он же всему беспутству заводчик, главный заторщик из бражного, он же меня и надул, вывел на свежую воду. И сел я как рак на мели: выпить не на что, а выпить-то хочется. Как тут быть? Куда бежать, тоску девать? Продал платье, все свои модные штуки, взял бумажками, разменял на серебро, серебро на медные, а там только пшик, да и все тут!

Митя. Как же вы жили, Любим Карпыч?

Любим Карпыч. Как жил? Не дай Бог лихому татарину. Жил в просторной квартире, между небом и землей, ни с боков ни сверху нет ничего. Людей стыдно, от свету хоронишься, а выйти на божий свет надобно: есть нечего. Идешь по улице, все на тебя смотрят… Все видели, какие я штуки выделывал, на лихачах с градом закатывал, а теперь иду оборванный да обдерганный, небритый… Покачают головами, да и прочь пойдут. Страмота, страмота, страмота! (Сидит повеся голову.) Есть ремесло хорошее, коммерция выгодная — воровать. Да не гожусь я на это дело — совесть есть, опять же и страшно: никто этой промышленно-

сти не одобряет.

Митя. Последнее дело!

Любим Карпыч. Говорят, в других землях за это по талеру плотят, а у нас добрые люди по шеям колотят. Нет, брат, воровать скверно! Это штука стара, ее бросить пора… Да ведь голод-то не тетка, что-нибудь надобно делать! Стал по городу скоморохом ходить, по копеечке собирать, шута из себя разыгрывать, прибаутки рассказывать, артикулы разные выкидывать. Бывало, дрожишь с утра раннего в городе, где-нибудь за углом от людей хоронишься да дожидаешься купцов. Как приедет, особенно кто побогаче, выскочишь, сделаешь колено, ну и даст, кто пятачок, кто гривну. Что наберешь, тем и дышишь день-то, тем и существуешь.

Митя. Вы бы лучше, Любим Карпыч, к брату ехали, чем так жить-то.

Любим Карпыч. Нельзя, втянулся. Эх, Митя, попадешь на эту зарубку — не скоро соскочишь. Да ты не перебивай, твоя речь впереди. Ну вот слушай! Простудился я в городе — зима-то стояла холодная, а я вот в этом пальтишке щеголял, в кулаки подувал, с ноги на ногу перепрыгивал. Свезли меня добрые люди в больницу. Как стал я выздоравливать да в рассудок приходить, хме-

лю-то нет в голове — страх на меня напал, ужасть на меня нашла!.. Как я жил? Что я за дела делал? Стал я тосковать, да так тосковать, что, кажется, умереть лучше. Так уж решился, как совсем выздоровею, так сходить Богу помолиться да идти к брату, пусть возьмет хоть в дворники. Так и сделал. Бух ему в ноги!.. Будь, говорю, вместо отца! Жил так и так, теперь хочу за ум взяться. А ты знаешь, как брат меня принял! Ему, видишь, стыдно, что у него брат такой. А ты поддержи меня, говорю ему, оправь, обласкай, я человек буду. Так нет, говорит, — куда я тебя дену. Ко мне гости хорошие ездят, купцы богатые, дворяне; ты, говорит, с меня голову снимешь. По моим чувствам и понятиям мне бы совсем, говорит, не в этом роду родиться. Я, видишь, говорит, как живу: кто может заметить, что у нас тятенька мужик был? С меня, говорит, и этого стыда довольно, а то еще тебя на шею навязать. Сразил он меня, как громом! С этих-то слов я опять стал зашибаться немного. Ну да, я думаю, Бог с ним, у него вот эта кость очень толста. (Показывает на лоб.) Ему, дураку, наука нужна. Нам, дуракам, не впрок богатство, оно нас портит. С деньгами нужно обращаться умеючи… (Дремлет.) Митя, я полежу у тебя, мне соснуть хочется.

Митя. Прилягте, Любим Карпыч.

Любим Карпыч (встает). Митя, ты мне денег не давай… то есть много не давай, а немножко дай. Я вот сосну, да схожу погреться немного, понимаешь!.. Только я немного… ни-ни!.. Будет дурачиться.

Митя (вынимает деньги). Вот извольте, сколько вам нужно.

Любим Карпыч (берет). Гривенник надо. Тут все серебро, мне серебра не надо. Ты дай мне еще семитку, вот и будет в настоящий такт. (Митя дает.) Вот и довольно. Добрая ты душа, Митя! (Ложится.) Брат не умеет ценить тебя. Ну, да я с ним штуку сделаю. Дуракам богатство — зло! Дай умному человеку деньги, он дело сделает. Я походил по Москве-то, я все видел, все… Большую науку произошел! А дураку лучше денег не давай, а то он заломается… фу, фу, фу, трр!.. вот как брат, да как я, скотина… (Полусонным голосом.) Митя, я ночевать к тебе приду.

Митя. Приходите. Теперь контора пустая… праздники…

Любим Карпыч (засыпая). А я с братом смешную штуку сделаю. (Засыпает.)

Митя (подойдя к двери, вынимает письмо из кармана). Что-то тут? Боюсь!.. Руки дрожат!.. Ну

уж, что будет, то будет — прочитаю. (Читает.) «И я тебя люблю. Любовь Торцова». (Схватывает себя за голову и убегает.)

Действие второе

Гостиная в доме Торцова. У задней стены диван, перед диваном круглый стол и шесть кресел, по три на стороне; в левом углу дверь; на стенах по зеркалу и под ними маленькие столики; в боковых стенах по двери и дверь на задней в углу. На сцене темно; из левой двери свет.

Явление первое

Любовь Гордеевна и Анна Ивановна входят из двери освещенной.

Анна Ивановна. Что ж это они не идут, соколы-то наши?.. Не сходить ли за ними?

Любовь Гордеевна. Нет, не надо. А то, пожалуй, сходи. (Обнимает ее.) Сходи-ка, Аннушка.

Анна Ивановна. Что, видно, защемило сердечко-то?

Любовь Гордеевна. Ах, Аннушка, как я его люблю-то, кабы ты знала!..

Анна Ивановна. А ты, девка, люби, да ума не теряй. Не давай повадки, чтоб не было оглядки. Посмотри прежде хорошенько, каков парень-то.

Любовь Гордеевна. Парень-то хороший… Больно уж

он мне по сердцу, такой тихий да сиротливый.

Анна Ивановна. Ну, а коли хорош, так люби, тебе ближе знать. Я ведь так говорю, к примеру. Мало ли нашей сестры от них плачутся. Долго ль до греха, не спросившись-то ума-разума.

Любовь Гордеевна. Что наша любовь? Как былинка в поле: не расцветет путем, да и поблекнет.

Анна Ивановна. Постой-ка, девушка, никак кто-то идет. Не он ли? Я пойду, а ты подожди, может, это и он… Потолкуете по душе. (Уходит.)

Входит Митя.

Явление второе

Любовь Гордеевна и Митя.

Любовь Гордеевна. Кто там?

Митя. Я-с, Митя.

Любовь Гордеевна. Что ж ты так долго не шел?

Митя. Меня задержали-с. (Подходит.) Любовь Гордеевна, вы одне-с?

Любовь Гордеевна. Одна. А что?

Митя. Любовь Гордеевна, как прикажете понимать вашу записку, в правду или в шутку-с?

Любовь Гордеевна молчит.

Скажите, Любовь Гордеевна! Я теперича нахожусь в таком сумнении, что не могу этого вам выразить. Положение мое в вашем доме вам известно-с: от всякого зависим, от Гордея Карпыча я, можно сказать, пренебрежен совсем; у меня только и было одно чувство что к вам-с: если же от вас я буду принят в насмешку, значит, лучше мне не жить на свете-с. Это вы поверьте душе моей. Я вам истину говорю-с.

Любовь Гордеевна. Нет, Митенька, я тебе в правду написала, а не в шутку. А ты меня любишь?

Митя. Конечно, Любовь Гордеевна, я не умею вам всего выразить, что чувствую; но хоша позвольте тем заверить, что я имею у себя сердце, а не камень. Вы можете мою любовь видеть из всего-с.

Любовь Гордеевна. А я думала, что ты любишь Анну Ивановну.

Митя. Это неправда-с.

Любовь Гордеевна. Право, мне так сказывали.

Митя. Если б это было правда, значит, что же я за человек после этого! Могу ли я выразить словами то, чего сердце не чувствует! А я считаю так, что это бесчестно. Я и того, может быть, не стою, что вы ко мне внимание имеете, а не то что вас обмануть.

Любовь Гордеевна. Вам нельзя верить: все мужчины

на свете обманщики.

Митя. Пущай же их обманщики, но только не я.

Любовь Гордеевна. Почем знать! Может быть, и ты обманываешь, хочешь насмешку надо мной сделать.

Митя. Легче бы мне, кажется, умереть на этом месте, чем слышать от вас такие слова! (Отворачивается.)

Любовь Гордеевна. Нет, Митя, я нарочно. Я знаю, что ты меня любишь; мне только так хотелось пошутить с тобой.

Митя молчит.

Митенька, Митя... Что ж ты молчишь? Ты рассердился на меня? Я ведь говорю тебе, что шучу. Митя! Да ну же, скажи что-нибудь. (Берет его за руку.)

Митя. Эх, Любовь Гордеевна, не шутки у меня на уме! Не такой я человек.

Любовь Гордеевна. Да не сердись.

Митя. Ты, коли любишь, эти шутки брось! Не к месту они. Эх, пропадай моя голова! (Обнимает ее.) Разве силой возьмут, волей не отдам. Я за тебя, Люба, душу положу!

Любовь Гордеевна (прижимаясь к нему). Митенька, как же нам быть-то теперь?

Митя. Как быть? Не на то уж мы слюбились, чтоб расставаться.

Любовь Гордеевна. А ну, как да меня сговорят за кого-нибудь?

Митя. А вот что, Люба: одно слово — надоть идти завтра к Гордею Карпычу нам вместе, да в ноги ему. Так и так, мол, на все ваша воля, а нам друг без друга не жить. Да уж коль любишь друга, так забудь гордость!

Любовь Гордеевна. Какая гордость, Митенька! До гордости ли теперь! Ты, Митенька, не сердись на меня, не попомни моих прежних слов: это только девичья глупость была одна, я винюсь перед тобой! Не шутки с тобой шутить, а приласкать бы мне тебя, бедного, надо было. (Прилегает к нему на грудь.) А ну как тятенька да не захочет нашего счастия, что тогда?

Митя. Что загадывать вперед, там как Бог даст. Не знаю, как тебе, а мне без тебя жизнь не в жизнь!

Молчание.

Любовь Гордеевна. Идет кто-то!.. Ступай, голубчик, потихоньку, а я после приду.

Митя тихо уходит; А р и н а входит со свечой; Любовь Гордеевна идет к ней навстречу.

Явление третье

Арина, Любовь Гордеевна и потом Егорушка.

Арина. Ну тебя! Перепугала совсем. Что ты тут делаешь? Маменька там ищет тебя, а ты вот где. Чтой-то в потемках-то бродишь! Ишь ты, скромница, несмеяна царевна.

Любовь Гордеевна уходит.

Уж и в самом деле не было ль тут кого с ней. (Смотрит по углам.) И я-то, дура, на кого подумала! (Зажигает свечи.) Ведь ишь ты, грех-то какой придет на старости лет.

Егорушка входит.

Поди, Егорушка, позови соседних девушек. Скажи, мол, Пелагея Егоровна приказала звать песни петь.

Егорушка. Ой! Что ты, Аринушка, матушка! (Пляшет.)

Арина. Чему ж ты рад-то, глупый!

Егорушка. Еще б не радоваться, этакое веселье! Ай, ай, ай!.. (Прыгает.)

Арина. Еще, может, ряженые будут; молодцы нарядиться хотели.

Егорушка. Ай, умру! Батюшки, умру!

Арина. Да что ты, пострелёнок?

Егорушка. Да со смеху умру; смешлив я больно, бабушка!

Арина. А ты сам нарядись.

Егорушка. Наряжусь, наряжусь! Ай, батюшки, ай, ай, ай!

Арина. Да ты беги поскорей за девками-то.

Егорушка. В секунт! (Уходит.)

Входит Пелагея Егоровна.

Явление четвертое

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Аринушка, послала ты за девушками-то?

Арина. Послала, матушка.

Пелагея Егоровна. То-то. Пусть попоют с нашими-то. Любушку с гостьями потешат. По тех пор и веселиться-то, пока молоды… да; известно, дело девичье, взаперти да взаперти, свету не видят… Ну, а теперь их праздник… да, уж пусть их, пусть их!

Арина. Что ж, матушка, что ж! Пускай их, что ж!

Пелагея Егоровна. Да мадерки, Аринушка, ма-

дерки-то… постарше которым; ну, а молодым пряничков, конфеток, там что знаешь… да! Сама уж, сама уж догадайся. Да мадерки-то, Аринушка, не забудь.

Арина. Знаю, матушка, знаю! Уж всего будет довольно. Сейчас, матушка, сейчас!

Пелагея Егоровна. Да молодцам-то закусочки.

Арина. Все, все, матушка, будет. Уж ты не беспокойся, ты поди к гостям-то, а я уж все с удовольствием сделаю. (Уходит.)

Пелагея Егоровна (подойдя к двери). Девушки, молодцы, подите сюда, тут попросторней да посветлее.

Входят Любовь Гордеевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляев, Митя, Гуслин и две гостьи: 1-я и 2-я.

Явление пятое

Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляев, Митя, Гордей Карпыч и две гостьи-старухи: 1-я и 2-я.

Пелагея Егоровна (старухам). А мы вот здесь усядемся.

Садится на диван, старухи подле нее; Анна Ива-

новна и Гуслин садятся на стулья и говорят тихо; Митя стоит подле них; Маша, Любовь Гордеевна и Лиза ходят по зале, обнявшись; Разлюляев ходит за ними.

Поглядим на них, пусть их играют.

Лиза. Я говорю: представьте, маменька, он не имеет никакой политики в разговоре и даже такие слова говорит, что совсем неучтиво.

Разлюляев. Это не в наш ли огород?

Лиза. Не об вас речь; ваше дело сторона. (Продолжает.) Но за что же, маменька, я должна его любить… (Говорит шепотом.)

Пелагея Егоровна. Я, матушка, люблю по-старому, по-старому… да, по-нашему, по-русскому. Вот муж у меня не любит, что делать, характером такой вышел. А я люблю, я веселая… да… чтоб попотчевать, да чтоб мне песни пели… да, в родню в свою: у нас весь род веселый… песельники.

1-я гостья. Как я посмотрю, матушка Пелагея Егоровна, нет того веселья, как прежде, как мы-то были молоды.

2-я гостья. Нету, нету.

Пелагея Егоровна. Я молодая-то была первая затейница — и попеть, и поплясать — уж меня взять… да… что песен знала! Уж теперь таких и не поют.

1-я гостья. Нет, не поют, все новые пошли.

2-я гостья. Да, да, вспомянешь старину-то.

Пелагея Егоровна. Яшенька, спой-ка какую-нибудь песенку старенькую.

Гуслин берет гитару.

Разлюляев (девушкам). Стало быть, уж мне и не дожидаться; видно, от вас никакого толку не будет.

Лиза. Какого вам толку, я не понимаю.

Маша. Даже смешно слышать.

Разлюляев. Да, вам смешно, а мне-то каково? За что, в самом деле, не любите?

Любовь Гордеевна. Сядемте.

Садятся.

Гуслин (поет).

За реченькой за быстрою
Четыре двора;
В этих ли во двориках
Четыре кумы.
Вы, кумушки, голубушки,
Подружки мои,
Кумитеся, любитеся,
Любите меня.
Пойдете вы в зеленый сад —
Возьмите меня;

Вы станете цветочки рвать —
Сорвите и мне;
Вы станете веночки плесть —
Сплетите и мне;
Пойдете на реченьку —
Возьмите меня;
Вы станете венки бросать —
Вы бросьте и мой.
Как все венки посверх воды,
А мой потонул;
Как все дружки домой пришли.
А мой не пришел.

Арина (входит с бутылками, стаканами, и девушка с закусками). Вот, матушка, я принесла.

Пелагея Егоровна (девушке). Попотчуй барышеньто.

Девушка обносит девиц, ставит поднос на стол и уходит.

Арина, а вино-то ты дай сюда. Да налей, налей мадеры-то, мадеры-то… Повеселей будет. Что ж, ничего, выпьем. Нас не осудят — мы старухи, да… (Пьют.) Аннушка, поди выпей винца. Выпьешь, что ли?

Анна Ивановна. Вота, что ж не выпить! Говорят, без людей не пей, а при людях нужды нет. (Подходит к Пелагее Егоровне, пьет и разговаривает потихоньку.)

Арина. Молодцы, что ж вы осовели?

Митя. Я не пью-с.

Разлюляев. Можно! (Подходит с Гуслиным и пьет, потом, ухватив Арину.) Ну-ка, тряхнем стариной! (Поет.)

Эх, тряхону ль я старину
Про Ерему, про Фому...

Арина. Отстань, озорник, изломал всю!

Разлюляев (поет).

Ах, вожжи во Калуге,
Хомут во Тарусе,
Сани с подрезами,
Едут они сами.

Девушки смеются.

Арина. Отвяжись, говорят!.. Ну те совсем! (Уходит.)

Анна Ивановна. Да ты что старуху-то теребишь, давай со мной.

Разлюляев. Ну, давай! Играй, Яша!

Яша играет, они пляшут.

1-я гостья. Веселая бабочка-то.

Пелагея Егоровна. Веселая, веселая.

Разлюляев (топнув ногой). У нас вот как! (Перестает плясать.)

Егорушка (входит). Девушки пришли.

Пелагея Егоровна. Ну зови их.

Егорушка уходит; девушки входят; Арина приносит блюдо и покрывает.

Садитесь-ка, садитесь, да запойте подблюдные, я их очень люблю.

Любовь Гордеевна, Маша, Лиза и Анна Ивановна снимают кольца и кладут на блюдо; девушки запевают.

Сей, мати, мучицу,
Пеки пироги.
Слава!
К тебе будут гости,
Ко мне женихи.
Слава!
К тебе будут в лаптях,
Ко мне в сапогах.
Слава!

Кому спели – Тому добро.
Слава!
Кому вынется – Тому сбудется.
Слава!

Разлюляев засучивает рукава, вынимает кольцо, отдает Любови Гордеевне.

Пелагея Егоровна. Пора уж, пора.

Девушки (запевают).

Сидит воробей
На Беле-городе.
Слава!
На Беле-городе,
На высокой стене.
Слава!
Глядит воробей
На чужу сторону.
Слава!
Кому вынется —
Тому сбудется.
Слава!

Арина (входит). Ряженые пришли; прикажете пустить?

Пелагея Егоровна. Что ж, пусти, пусть попляшут. А вы, девушки, после попоете.

Явление шестое

Те же и ряженые: старик с балалайкой или гитарой, вожак с медведем и козой, Егорушка с патокой.

Старик (кланяется). Всей честно`й беседе поклон.

Вожак. Кланяйся, Мишка.

Медведь кланяется.

Старик. Прикажите попеть, поплясать, позабавить, свои старые косточки поправить.

Пелагея Егоровна. Что ж, ничего, попляшите. Попотчуй их, Аринушка, винцом.

Арина подносит вино; некоторые пьют.

Старик. Благодарим покорно на ласковом слове да на потчеванье. (Запевает.)

Как уж наши молодцы,
Хоть голы, да удалы!
Они сукна ткут
Во двенадцать рук.
Они сукна переткали —

Всем кафтаны першивали.
Нам не дороги кафтаны,
Были б денежки в кармане.
Целковые по мошнам
Не дают спать по ночам;
Медны денежки гремят —
Во кабак идти велят.
Целовальничек Андрей,
Отпирай кабак скорей:
У нас новый кафтан есть,
Мы заложим его здесь,
Не домой же его несть.

(Отходит в сторону.)

Егорушка (пляшет с патокой).

Ах, патока, патка,
Вареная, сладка!
Зима, зимушка-зима
Студена больно была!
Больно вьюжливая
И мятельливая —
Все дорожки замети,

Нельзя к миленькой пройти.
Ах, патока, патка,
Вареная, сладка!
Сидит моя женка,
Ровно перепелка!
Я за то ее люблю,
За то почитаю,
Что чопорно ходит,
Хорошо гуляет.

(Кланяется.)

1-я гостья. Ишь ты какой молодец!.. а!

Пелагея Егоровна. Что ж, матушка, по детству, как умеет. Ведь ребенок еще. Поди сюда, Егорушка.

Егорушка подходит.

На` тебе пряничка… (Дает.)

Егорушка кланяется и уходит.

Да… ребенок еще, что с него взять-то!

Вожак водит медведя; коза пляшет.

Старик (поет).

Как у нас-то козел

Что за умный был:
Сам и по воду ходил,
Сам и кашу варил —
Деда с бабкой кормил.
Как пошел наш козел,
Он во темный лес,
Как навстречу козлу
Да семь волков:
Как один-то волк,
Он голодный был,
Он три года ходил,
Все козлятники просил.

Вожак (медведю). Проси вина, поминать козла.

Медведь кланяется.

Пелагея Егоровна. Аринушка, попотчуй ряженых-то.

Арина подносит; они пьют и кланяются.

Вожак. А ну-ка, Мишенька, потешь честных господ. А как красные девицы, молодые молодицы белятся, румянятся, на молодцов поглядывают, женихов выглядывают.

Медведь ломается.

А как старая старушка на работу идет, сгорбимшись, съежимшись, пришибла ее старость, одолела ее древность.

Медведь ломается.

Ну, поклонись теперь честны`м господам. (Отходят.)

Старик играет на гитаре, прочие ряженые пляшут; все на них смотрят; Гуслин и Митя стоят подле Любови Гордеевны; Митя шепчет ей что-то и целует; Разлюляев подходит.

Разлюляев. Это ты что делаешь?

Митя. А тебе что за дело?

Разлюляев. Вот я Пелагее-то Егоровне скажу, дай срок!

Митя. Ты у меня пикни только!

Гуслин (наступает на него). Ты смотри у меня! Нам ведь вместе идти отсюда: дело-то ночное, а переулок-то у вас глухой, так ты помни это!

Разлюляев. Что вы пристали? К чему? Я жениться хочу на ней, хочу свататься. Что, взяли! Да, женюсь!

Митя. Увидим.

Разлюляев. Так за тебя, что ль, отдадут? Как же, держи карман-то!.. А у нас денег много!..

Арина. Ведь ишь ты шум какой!.. Перестаньте вы!.. Никак, кто-то стучит…

Все прислушиваются.

Так и есть… стучат.

Пелагея Егоровна. Отопри поди.

Арина (уходит, потом возвращается). Сам приехал!

Все встают.

Явление седьмое

Те же, Гордей Карпыч и Коршунов.

Гордей Карпыч (к ряженым). Это что за сволочь!.. Вон! (К жене.) Жена! Пелагея Егоровна! Принимай гостя. (Тихо.) Зарезала ты меня!

Пелагея Егоровна. Милости просим, Африкан Савич, милости просим.

Коршунов. Здравствуйте, Пелагея Егоровна… Хе, хе, хе… Да у вас веселье! Вот как мы впору попали.

Пелагея Егоровна. А я вот с девушками… Да, я все с девушками. Что ж, Святки; дочку потешить хочется.

Гордей Карпыч. Милости просим, Африкан Савич, без церемонии.

Африкан Савич садится на кресло к столу.

(К жене). Гони девок-то вон!

Коршунов. За что их гнать! Кто ж девушек гонит… Хе, хе, хе… Они попоют, а мы послушаем, да посмотрим на них, да еще денег дадим, а не то что гнать.

Гордей Карпыч. Как тебе угодно, Африкан Савич! Мне только конфузно перед тобою! Но ты не заключай из этого про наше необразование — вот все жена. Никак не могу вбить ей в голову. (К жене.) Сколько раз говорил я тебе: хочешь сделать у себя вечер, позови музыкантов, чтобы это было по всей форме. Кажется, тебе ни в чем отказу нет.

Пелагея Егоровна. Ну уж, куда нам музыкантов… старухам. Это уж вы забавляйтесь.

Гордей Карпыч. Вот какие у них понятия об жизни! Даже, я думаю, тебе смешно слушать.

Пелагея Егоровна. Да что понятия, понятия! Ты бы вот лучше попотчевал гостя. Не угодно ли, Африкан Савич, винца с нами, со старухами. (Наливает мадеры.)

Гордей Карпыч (строго). Жена! С ума, что ль, сошла в самом деле? Не видывал Африкан Савич твоей мадеры-то! Шампанского вели подать… полдюжины… да проворней. Да вели зажечь свечи в

гостиной, что новая небель поставлена. Там совсем другой ефект будет.

Пелагея Егоровна. Сейчас сама все сделаю. (Встает.) Аринушка, пойдем. Извините, соседушки.

1-я гостья. Э, матушка, и мы с тобой пойдем. Уж нам и ко дворам пора.

2-я гостья. Пора, пора! Ночи темные, собаки по переулкам лихие.

1-я гостья. Ох, лихи, лихи!..

Раскланиваются и уходят.

Явление восьмое

Гордей Карпыч, Коршунов, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза, девушки, Митя, Гуслин и Разлюляев.

Коршунов. Пойдем к барышням. Где это ты таких красавиц подобрал... Хе! (Подходит к Любови Гордеевне.) Здравствуйте, Любовь Гордеевна, красавица вы моя!..

Любовь Гордеевна кланяется.

Примите меня в свою компанию.

Любовь Гордеевна. Мы никого от себя не гоним.

Анна Ивановна. Садитесь, так гости будете.

Коршунов. Сухо принимаете старичка. Нынче дни святочные, и поцеловаться, чай, можно.

Анна Ивановна. Зачем эти нежности заводить.

Коршунов. Гордей Карпыч, можно с дочкой поцеловаться? А я, признаться… хе, хе… до этого охотник. Да ведь и кто ж не любит!.. Хе, хе…

Гордей Карпыч. Сделай милость, без церемонии.

Коршунов. Поцелуемтесь, барышня.

Любовь Гордеевна. Если тятеньке угодно… (Целуется.)

Коршунов. Ну, да уж со всеми по порядку.

Анна Ивановна. Я, пожалуй! Я не спесива.

Маша. Ах, стыд какой!..

Лиза. Ну уж, нечего сказать, велика приятность!

Гордей Карпыч (подходя к Мите). Ты зачем? Разве здесь твое место? Залетела ворона в высокие хоромы!

Митя, Гуслин и Разлюляев уходят.

Явление девятое

Гордей Карпыч, Коршунов, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза и девушки.

Коршунов (садясь подле Любови Гордеевны). Я, Любовь Гордеевна, не в вас: вы меня и поцеловать не хотели, хе, хе, хе! а я вам подарочек принес.

Любовь Гордеевна. Напрасно беспокоились.

Коршунов. Вот я вам бриллиантик привез, хе, хе… (Отдает.)

Любовь Гордеевна. Это серьги. Покорно вас благодарю.

Анна Ивановна. Покажи-ка.

Маша. Но это прелестно!

Лиза. И с большим вкусом!

Коршунов. Дайте мне вашу ручку-то. (Берет и целует.) Я вас ведь очень люблю, хе, хе, хе! очень люблю, а ведь вы меня, чай, не любите, а?

Любовь Гордеевна. За что же мне вас не любить?

Коршунов. За что? Другого любите кого-нибудь, вот за что. А вы меня полюбите, я человек хороший, веселый, хе, хе, хе…

Любовь Гордеевна. Я не знаю, что вы говорите.

Коршунов. Я говорю: полюбите меня. Что ж, я еще не стар… (Смотрит на нее.) Али старенек? хе, хе, хе… Ну что ж, не беда. Зато будете в золоте ходить. У меня ведь денег-то нет, я человек бедный… Так каких-нибудь сот пять тысяч… хе, хе, хе, серебром!.. (Берет за руку.)

Любовь Гордеевна (вставая). Не нужно мне ваших денег.

Гордей Карпыч. Любовь, куда ты?

Любовь Гордеевна. Я к маменьке!

Гордей Карпыч. Останься; она сюда придет.

Любовь Гордеевна садится.

Коршунов. Не хотите со стариком-то посидеть. Дайте мне ручку, барышня, я поцелую.

Любовь Гордеевна (дает руку). Ах, Боже мой!

Коршунов. Ручка-то какая! хе, хе, хе… бархатная! (Гладит своей рукой и потом надевает бриллиантовый перстень.)

Любовь Гордеевна (освобождая руку). Ах, оставьте меня, не надо мне, не надо.

Коршунов. Ничего, мне это не убыток, авось не разорит.

Любовь Гордеевна. Да мне-то не надо. Дарите кому хотите. (Снимает и отдает.)

Коршунов. Дают, так назад не берут… хе, хе, хе.

Входят: Пелагея Егоровна, за ней Арина и Егорушка с вином и стаканами.

Явление десятое

Те же и Пелагея Егоровна, Арина и Егорушка.

Гордей Карпыч. Пойдем-ка выпьем.

Коршунов. Ну, Гордей Карпыч, потчуй, а вы, девки, величайте меня. Я почет люблю.

Пелагея Егоровна. Девушки, повеличайте.

Гордей Карпыч (откупоривает, наливает и подносит). Дорогому гостю Африкану Савичу. Кланяйся, жена!

Пелагея Егоровна. Пожалуйте, Африкан Савич, просим покорно!

Коршунов берет.

Гордей Карпыч (берет стакан). Жена, выпей.

Пелагея Егоровна. Ох, не люблю я что-то этого винато… ну, да уж выпью стаканчик.

Девушки (запевают).

А кто у нас холост,
А кто неженатый?
Африкан-от холост,
Савич неженатый.
На коня садится,
Под ним конь бодрится;
К лугам подъезжает —
Луга зеленеют.
Цветы расцветают.

Коршунов (садясь подле Любови Гордеевны). Вот это хорошо, это я люблю. Ну-ка, подойди сюда которая-нибудь. (Девушка подходит, он ее треплет по щеке.) Ишь ты, востроглазая какая! Ведь вам, девушкам, чай, много надобно на белила на

белые, на румяна на алые… хе, хе, хе… а у меня денег нет, за мной будет… хе, хе, хе… Держи фартук. (Сыплет ей деньги, мелочь; девушка кланяется и уходит.) Ну, что же, Гордей Карпыч, скажи женето, зачем мы приехали.

Гордей Карпыч. Я тебе, жена, давно говорил, что мне в здешнем городе жить надоело, потому на каждом шагу здесь можешь ты видеть как есть одно невежество и необразование. Для тово я хочу переехать отселева в Москву. А у нас там будет не чужой человек, — будет зятюшка Африкан Савич.

Пелагея Егоровна. Ах, ах, что вы?

Коршунов. А уж мы, Пелагея Егоровна, по рукам ударили… Что вы так испугались, я ее не съем.

Пелагея Егоровна. Ах, ах, батюшки! (Хватает дочь.) Моя дочь! Не отдам!

Гордей Карпыч. Жена!

Пелагея Егоровна. Батюшка, Гордей Карпыч, не шути над материнским сердцем!.. Перестань!.. Истомил всю душу.

Гордей Карпыч. Жена, ты меня знаешь!.. Ты, Африкан Савич, не беспокойся: у меня сказано — сделано.

Коршунов. Обещал, так держи слово. (Встает, подходит к девушкам и говорит с ними тихо.)

Любовь Гордеевна (подходит к отцу.) Тятенька! Я из твоей воли ни на шаг не выду. Пожалей ты меня, бедную, не губи мою молодость!..

Гордей Карпыч. Ты, дура, сама не понимаешь своего счастья. В Москве будешь по-барски жить, в каретах будешь ездить. Одно дело — ты будешь жить на виду, а не в этакой глуши; а другое дело — я так приказываю.

Любовь Гордеевна. Я приказу твоего не смею ослушаться. Тятенька! (Кланяется в ноги.) Не захоти ты моего несчастья на всю мою жизнь!.. Передумай, тятенька!.. Что хочешь меня заставь, только не принуждай ты меня против сердца замуж идти за немилого!..

Гордей Карпыч. Я своего слова назад не беру. (Встает.)

Любовь Гордеевна. Твоя воля, батюшка! (Кланяется и отходит к матери.)

Коршунов. Вот и делу конец! Ну-ка, девушки, свадбишную!

Девушки (поют).

Поблекнут все цветики во саду,
Завянут лазоревы в зеленом,
Мой миленький, аленький без меня.
Вставай-ка ты, матушка, раненько,

Поливай все цветики частенько.
Утренней, вечернею зарей,
А еще своей горючею слезой.

Любовь Гордеевна. Не ту, не ту, запойте другую.

Гордей Карпыч. Пойдем, Африкан Савич, в гостиную. Жена! Приходите все туда.

Любовь Гордеевна. Куда мне деваться-то!..

Гордей Карпыч. Арина, перенеси вино.

Арина. Ох, постой, не до тебя. Дитятко ты мое!.. Девушки, голубушки, вот какую запоемте. (Запевает.)

Ты родимая моя матушка!
В день денна моя печальница.
В ночь ночная богомольница,
Векова моя сухотница!
Прогляди ты очи ясные,
На свою на дочку глядючи,
На свою на дочь любимую,
Во последний раз, в останешный!

Любовь Гордеевна. В останешний.

В продолжение этой песни Гордей Карпыч и Коршунов уходят; Любовь Гордеевна в объятиях матери; подруги окружают ее.

Действие третье

Небольшая комната в доме Торцова, заставленная разного рода шкафами, сундуками и этажерками с посудой и серебром; мебель: диваны, кресла, столы, все очень богато и поставлено тесно. Вообще, эта комната составляет род кабинета хозяйки, откуда она управляет всем домом и где принимает своих гостей запросто. Одна дверь в залу, где обедают гости, другая во внутренние комнаты.

Явление первое

Арина сидит на стуле у двери в залу; подле нее несколько девушек и женщин.

Арина (указывая в залу). Не ждали-то, матушки, не чаяли! Налетел ястребом, как снег на голову, вырвал нашу лебедушку из стада лебединого, от батюшки, от матушки, от родных, от подруженек. Не успели и опомниться!.. Уж и что это на белом свете деется! Люди-то нынче пошли злы-обманчивы, лукавы-подходчивы. Обошел Гордей Карпыча да тем, да другим, ровно туманом каким,

а тот-то, на старости, да польстись на его богачество! Красоту-то нашу писаную да за старого, за постылого и сговорили. Вон она, моя голубушка, сидит — на свет не глядит. Ох, тошнехонько мне! На то ль я тебя выходила да вынянчила, на своих руках выносила, как птичку какую в хлопочках берегла!.. А еще недавнушко мы с ней так-то вот растолковалися. Не отдадим, говорю, тебя, дитятко, за простого человека; разве какой королевич из чужих земель наедет да у ворот в трубу затрубит. А вот и не вышло по-нашему. Вон он, разлучитель-то наш, сидит, толстый да губастый! Ишь на нее поглядывает да посмеивается — любо ему! О, чтоб тебе пусто было! Ну вот покушали, встают, ступайте за дело. (Встает со стула.)

Женщины уходят. Входит Пелагея Егоровна.

Явление второе

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Поди-ка ты, Аринушка, пособи со стола сбирать… да… А я отдохну, посижу — устала.

Арина. Как не устать, родная ты моя, день-деньской на ногах, молоденькая ли ты!..

Пелагея Егоровна (садится на диван). Ох… Да самовар-то чтоб туда подали в девичью, большой… который самый-то большой. Да сыщи Аннушку, пошли-ко мне.

Арина. Слушаю, слушаю.

Пелагея Егоровна. Да… поди, поди… Ох, моченьки моей нет!

Арина уходит.

Всю головушку разломило! Горе-то горем, а тут хлопоты еще. Да, да, хлопот-то что! ай, ай, ай! Сбилась с ног, совсем сбилась! Дела-то много, а в голове все не то… И там нужно, и здесь нужно, а ухватиться не знаю за что… Право… да… (Садится задумавшись.) Какой это жених, какой жених… ах, ах, ах!.. Где тут любви ждать!.. На богатство, что ли, она польстится?.. Она теперь девушка в самой поре, сердчишко ведь тоже, чай, бьется иногда. Ей бы теперь хоть бедненького, да друга милого… Вот бы и житье… вот бы и рай…

Анна Ивановна входит.

Явление третье

Пелагея Егоровна и Анна Ивановна.

Пелагея Егоровна. На-ка тебе ключи-то от чаю. Поди,

разлей гостям-то; ну да там все, что нужно, уж сама знаешь. Я-то уж ноги отходила, а тебе что — ты бабочка молоденькая… да… послужи.

Анна Ивановна. Что ж не послужить, не велика работа, руки не отвалятся. (Берет ключи.)

Пелагея Егоровна. Вон там в шкапу чай-то, в ящичке в красненьком.

Анна Ивановна отпирает и достает ящичек. Митя входит.

Явление четвертое

Те же и Митя.

Пелагея Егоровна. Что тебе, Митенька, надобно?

Митя (сдерживая слезы). Я-с… я-с, Пелагея Егоровна, за всю вашу ласку и за все ваши снисхождения, и даже чего, может быть, и не стою… как вы, по сиротству моему, меня не оставляли и вместо матери… я… вами должен быть всю жизнь благодарен и завсегда Богу молить-с. (Кланяется в ноги.)

Пелагея Егоровна. Да что ты, Митя?

Митя. Благодарю вас за все-с. Теперича прощайте, Пелагея Егоровна! (Встает.)

Пелагея Егоровна. Куда ж ты?

Митя. К матушке хочу ехать-с.

Пелагея Егоровна. Надолго ли же ты едешь?

Митя. Да я у хозяина отпросился на праздники, а уж надо так полагать, что я там вовсе останусь.

Пелагея Егоровна. За что ты это, Митя, нас бросить хочешь?

Митя (переминаясь). Да так уж!.. Уж что же… я уж так порешился.

Пелагея Егоровна. А когда же ты едешь?

Митя. Сегодня в ночь. (Молчание). Так, думаю, до ночи-то с вами не увидишься, так я проститься пришел.

Пелагея Егоровна. Ну, что ж, Митя, коли тебе так надобно… Мы тебя не держим, Бог с тобой… Прощай!..

Митя (кланяется в ноги Пелагее Егоровне, целуется с нею и с Анной Ивановной, потом так кланяется и останавливается). Надо бы и с Любовью Гордеевной проститься… Что ж, ведь в одном доме жили… Либо жив буду, либо нет…

Пелагея Егоровна. Да, надо, надо. Что ж, простись, простись!.. Аннушка, поди покличь Любушку.

Анна Ивановна (покачав головой). «Один ведет за рученьку, другой за другу, третий стоит слезы ронит, любил, да не взял». (Уходит.)

Явление пятое

Пелагея Егоровна и Митя.

Пелагея Егоровна. А у нас-то, Митенька, какое горе-то! Как его размыкать-размотать, не придумаю… Ровно меня громом ошибло, в себя не приду.

Митя. Кто же теперича этому виноват-с, не на кого вам плакаться, Пелагея Егоровна-с, сами отдаете.

Пелагея Егоровна. Сами… сами… да, сами отдаем. Ох, только не моя, Митя, воля; кабы моя воля была, нешто б я отдала! Что я, разве враг ей!

Митя. Человек-то, как понаслышке, не больно-то завидный. Ничего хорошего, окромя дурного, не слыхать.

Пелагея Егоровна. Знаю, Митенька, знаю.

Митя. А ведь уж теперича, по этим слухам, надо так сказать, что, должно быть, Любови Гордеевне за этаким человеком, и притом в отдаленности, совсем погибать надобно-с.

Пелагея Егоровна. Ох, уж не говори ты мне, не говори… и без тебя тошнехонько. Глаза-то все проглядела, на нее глядючи! Хоть бы теперь-то наглядеться на нее про запас. Точно я ее хоронить собираюсь.

Митя (почти плача). Так это что ж такое! Нешто этак-то делают? Ведь она, чай, ваша родная дочь!..

Пелагея Егоровна. Кабы не родная, так я бы не плакала и не убивалася, не надрывалось бы мое сердце на ее на слезы.

Митя. Чем плакать-то, не отдавали б лучше. За что девичий век заедаете, в кабалу отдаете? Нешто это не грех? Ведь, чай, вам за нее надоть будет Богу ответ дать.

Пелагея Егоровна. Знаю я, все знаю, да говорю ж я тебе, что не моя воля. Что ты пристал ко мне? Мне и без тебя тошно, а ты еще меня расстроиваешь. А ты бы, Митя, пожалел меня!

Митя. Оно так-с, Пелагея Егоровна, да не переносно мне это горе-то; может, тяжельше, чем вам. Я такую в вас веру, Пелагея Егоровна, взял, что все равно как матушке родной откроюсь. (Утирает глаза платком.) Вечор-то, как у вас вечеринка-то была… (Слезы мешают говорить.)

Пелагея Егоровна. Ну, ну, говори, говори…

Митя. Ну, вот и столковались мы с ней в потемочках, чтобы идти нам с ней к вам, матушка, да к Гордею Карпычу, просить вас низменно: благословите, дескать, нас, а нам уж друг без друга не жить (утирает слезы); а нынче вдруг поутру

слышу… опустились мои рученьки!..

Пелагея Егоровна. Что ты?!

Митя. Вот перед истинным, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Ах ты сердешный! Экой ты горький паренек-то, как я на тебя посмотрю!

Входит Любовь Гордеевна.

Явление шестое

Те же и Любовь Гордеевна.

Пелагея Егоровна. Вот, Любушка, Митя проститься пришел: он едет от нас к матушке к своей.

Митя (кланяется). Прощайте, Любовь Гордеевна!.. Не поминайте лихом!

Любовь Гордеевна. Прощай, Митя! (Кланяется.)

Пелагея Егоровна. Поцелуйтесь на прощанье-то, ведь, может, не приведет Бог и свидеться… да… что ж такое!

Митя и Любовь Гордеевна целуются; она садится на диван и плачет; Митя тоже плачет.

Будет, будет вам плакать-то! Вы меня с ума сведете!

Митя. Эх, пропадай моя голова! Уж была не была! (Подходит к Пелагее Егоровне.) Пелагея Егоровна,

жаль вам дочь отдавать за старого, аль нет?

Пелагея Егоровна. Кабы не жаль, так бы я не плакала.

Митя. Прикажете говорить, Пелагея Егоровна?

Пелагея Егоровна. Говори.

Митя. Вот моя речь какая: соберите-ка вы ее да оденьте потеплее ужотко. Пусть выйдет потихоньку: посажу я ее в саночки-самокаточки — да и был таков! Не видать тогда ее старому, как ушей своих, а моей голове заодно уж погибать! Увезу ее к матушке — да и повенчаемся. Эх! дайте душе простор — разгуляться хочет! По крайности, коли придется и в ответ идти, так уж то буду знать, что потешился.

Пелагея Егоровна. Что ты, что ты, беспутный!

Любовь Гордеевна. Что ты, Митя, выдумал!

Митя. Стало не любишь? Аль разлюбила?

Любовь Гордеевна. Да ты говоришь-то что-то страшно!

Пелагея Егоровна. Что ты, беспутный, выдумал-то! Да кто ж это посмеет такой грех на душу взять... да... опомнись... что ты!

Митя. Ведь я говорю: коли жаль; а коли не жаль, так отдавайте за Африкана Савича, закабалите на веки вечные. Сами же, глядя на ее житье горемычное, убиваться станете. Спохватитесь вы

с Гордей-то Карпычем, да уж поздно будет.

Пелагея Егоровна. Да как же без отцовского-то благословения! Ну, как же, ты сам посуди?

Митя. Конечно, без благословенья что за житье! Так уж благословите вы, Пелагея Егоровна (становится на колени), а Гордей Карпыч, может… и сам по времени как-нибудь…

Пелагея Егоровна. Как же мне быть-то с вами! Я совсем с ума сошла… да… помешалася. Ничего не знаю, не помню… да, да… головушка моя закружилася… Горько, горько моему сердцу, голубчики!..

Любовь Гордеевна (подходит к Мите). Нет, Митя, не бывать этому! Не томи себя понапрасну, перестань! (Поднимает его.) Не надрывай мою душу! И так мое сердце все изныло во мне. Поезжай с Богом. Прощай!

Митя. За что ж ты меня обманывала, надо мной издевалася?

Любовь Гордеевна. Полно ты, Митя. Что мне тебя обманывать, зачем? Я тебя полюбила, так сама же тебе сказала. А теперь из воли родительской мне выходить не должно. На то есть воля батюшкина, чтоб я шла замуж. Должна я ему покориться, такая наша доля девичья. Так, знать, тому и быть должно, так уж оно заведено исстари. Не хочу я супротив отца идти, чтоб про меня люди не гово-

рили да в пример не ставили. Хоть я, может быть, сердце свое надорвала через это, да по крайности я знаю, что я по закону живу, никто мне в глаза насмеяться не смеет. Прощай!

Целуются.

Митя. Ну, знать, не судьба!

Любовь Гордеевна садится на диван и плачет.

Прощай! (Кланяется Пелагее Егоровне.) Прощайте, Пелагея Егоровна, благодетельница вы моя! Век не забуду вашей ласки да милости ко мне: не забывали сироту на чужой стороне.

Пелагея Егоровна. Прощай, голубчик, не осуди нас в чем, грех тебе будет. Дай Бог тебе счастливо… а мы тебя не забудем.

Митя кланяется и уходит.

Явление седьмое

Пелагея Егоровна и Любовь Гордеевна и потом Коршунов.

Пелагея Егоровна. Что, Любушка, жаль парня-то! Эко, девушка… ах! А мне и невдомек, что ты его полюбила-то. Да и где мне, старухе, догадаться…

да. Что ж я? Вот поплакать наше дело, а власти над дочерью никакой не имею! А хорошо бы! Полюбовалась бы на старости. Парень-то такой простой, сердцем мягкий, и меня-то бы, старуху, любил. Уж как погляжу я на тебя, девушка, как тебе не грустить!.. да помочь-то мне тебе, сердечная, нечем!

Любовь Гордеевна. Ну, маменька, что там и думать, чего нельзя, только себя мучить. (Сидит молча.)

Стучат; голос Коршунова: «Можно войти?»

Пелагея Егоровна. Войдите, батюшка.

Коршунов (входя). А, вот она, невеста-то моя, куда спряталась… хе… найду, везде найду. Позвольте-ка нам, Пелагея Егоровна, с вашей дочкой по секрету поговорить о своих делах.

Пелагея Егоровна. Изволь, батюшка. (Уходит.)

Коршунов (садится подле Любови Гордеевны). Об чем это плакать-то, сударыня? Стыдно, стыдно… хе… хе… хе… Вот я и постарше, да не плачу… (Смотрит на нее проницательно.) Я ведь знаю, об чем: чай, за молоденького хочется? Так ведь это, миленькая вы моя (берет руку и целует), глупость одна девичья. Вот послушайте-ка, что я вам скажу… я правду буду говорить, начисто, обманывать не люблю, мне не из чего. Станете

слушать, а?

Любовь Гордеевна. Говорите.

Коршунов. Хорошо-с. Вот начнем хоть с этого. Молодой разве оценит, что вы его полюбите, а? Молодого-то ведь всякая полюбит, ему это не в диковинку, а старику-то дорого. Старик-то за любовь и подарочком, и тем, и сем, и золотом, и бархатом — и не знает, чем утешить. (Целует у нее руки.) А в Москве хороших вещей в магазинах много, есть что подарить. Так вот старика-то и хорошо полюбить… Вот вам раз… А то вот еще что бывает с молодым-то мужем да с хорошим-то: ведь они народ ветреный, — глядишь, и приволокнется за кем-нибудь на стороне, либо в него какая-нибудь сударынька влюбится, а жена-то сохни… Пойдут попреки да ревность… А что такое ревность, а? хе… хе… хе… Знаете ли вы, сударыня, что такое ревность?

Любовь Гордеевна. Нет, не знаю.

Коршунов. А я знаю… Это не то, что иголкой пальчик уколоть, — гораздо побольнее будет. Ведь она, проклятая, сушит человека. От ревности-то режут друг друга, мышьяком отравляются! (Смеется судорожно и с кашлем.) А в старика-то кто влюбится? Стало быть, жене-то и покойно. Да еще вот что скажу вам, драгоценная моя барышня:

молодые-то загуливать любят, веселости, да развлечения, да дебоши разные, а жена-то сиди дома, жди его до полуночи. А приедет-то пьяненький, заломается, заважничает. А старик-то все подле жены так и будет сидеть; умирать будет — прочь не отойдет. Да все бы в глазки глядел, да все бы ласкал, да ручки бы целовал… (Целует.) Вот так.

Любовь Гордеевна. А вас та жена… покойная любила?

Коршунов (смотрит на нее пристально). А вам, сударыня, зачем это?

Любовь Гордеевна. Так, хотелось знать.

Коршунов. Знать хотелось?.. (Встает.) Нет, не любила, да и я не любил ее. Она и не стоила того, чтоб ее любить-то. Я ее взял бедную, нищую, за красоту только за одну; все семейство призрел; спас отца из ямы; она у меня в золоте ходила.

Любовь Гордеевна. Любви золотом не купишь.

Коршунов. Люби не люби, да почаще взглядывай. Им, видишь ты, деньги нужны были, нечем было жить: я давал, не отказывал; а мне вот нужно, чтоб меня любили. Что ж, я волен этого требовать или нет? Я ведь за то деньги платил. На меня грех пожаловаться: кого я полюблю — тому хорошо жить на свете; а уж кого не полюблю, так не пеняй! (Разгорячаясь, ходит.) Да, я враг тому чело-

веку, уж лучше беги с моих глаз долой: я словом да взглядом, пуще чем делом, доеду; я проходу… отдыху не дам человеку… я… (Останавливается и хохочет.) А вы и в самом деле подумали, что я такой злой?.. хе… хе… Это я нарочно, так шучу! Я простой, я добрый старик… А уж вас-то я буду на руках носить (припевает), в люлечке качать, приговаривать… (Целует у ней руки.)

Гордей Карпыч входит.

Явление восьмое

Любовь Гордеевна, Коршунов и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч. А, вот где зятюшка-то! А мы тебя ищем. Мы уж там за шампанею принялись. Пойдем-ка к гостям, у нас без тебя и пир не в пир.

Коршунов. Мне и здесь хорошо.

Гордей Карпыч. Ну, так мы велим сюда подать, да здесь, значит, с тобой и разопьем, (Подходит к двери.) Эй, малой! дай сюда вина! На серебряном подносе. (Садится.) Ну, зятюшка, что скажешь?

Коршунов. Ничего.

Гордей Карпыч. Как ничего?

Коршунов. Так ничего.

Гордей Карпыч. Нет-таки, однако? (Смотрит на него.) Можешь ты меня теперь понимать?

Коршунов. Как не понимать.

Гордей Карпыч. Вот мы теперь подгуляли маненько, так ты мне скажи, что я за человек? Могут ли меня здесь оценить?

Коршунов. Где же им оценить.

Гордей Карпыч. Нет, ты вот что скажи: все у меня в порядке? В другом месте за столом-то прислуживает молодец в поддевке либо девка, а у меня фициянт в нитяных перчатках. Этот фициянт, он ученый, из Москвы, он все порядки знает: где кому сесть, что делать. А у других что! Соберутся в одну комнату, усядутся в кружок, песни запоют мужицкие. Оно, конечно, и весело, да я считаю так, что это низко, никакого тону нет. Да и пьют-то что, по необразованию своему! Наливки там, вишневки разные... а и не понимают они того, что на это есть шампанское! Ох, если б мне жить в Москве али бы в Питербурхе, я бы, кажется, всякую моду подражал.

Коршунов. Неужто всякую?

Гордей Карпыч. Всякую. Сколько б хватило моего капиталу, а уж себя б не уронил. Ты, Любовь, у меня смотри, веди себя аккуратно, а то жених-то, ведь он московский, пожалуй, осудит. Ты, чай, и

ходить-то не умеешь, и говорить-то не понимаешь, где что следует.

Любовь Гордеевна. Я, тятенька, говорю что чувствую; я в пансионе не училась.

Входит официант и подает вино Коршунову и Гордею Карпычу; ставит бутылки на стол и уходит.

Гордей Карпыч. Так-то, зятюшка! Вот и пусть их знают, каков Гордей Карпыч Торцов!

Входит Егорушка.

Егорушка. Дяденька, Гордей Карпыч, пожалуйте сюда-с.

Гордей Карпыч. Что тебе?

Егорушка. Пожалуйте: история вышла-с. (Смеется.)

Гордей Карпыч (подходя). Что там?

Егорушка. Да дяденька, Любим Карпыч, вошли.

Гордей Карпыч. Зачем пускали?

Егорушка. Им, должно быть, в голову вступило, никак не удержим. (Хохочет.)

Гордей Карпыч. Что же он делает?

Егорушка. Гостей разгоняет-с. (Хохочет.) Вы, говорит, рады, чужой хлеб есть… Я, говорит, тоже хозяин… я, говорит… (Хохочет.)

Гордей Карпыч. Тсс… Снял он мою голову! (Уходит с Егорушкой.)

Коршунов. Что это там у них?

Любовь Гордеевна. Не знаю. Должно быть, дяденька что-нибудь… На него иногда находит.

Входят: Пелагея Егоровна, Разлюляев, Маша и Лиза.

Явление девятое

Любовь Гордеевна, Пелагея Егоровна, Коршунов, Разлюляев, Маша и Лиза.

Пелагея Егоровна (в дверях). Где братец-то?.. Где Любим Карпыч-то? Что он наделал — беда!

Любовь Гордеевна. Его здесь нет, маменька.

Пелагея Егоровна уходит.

Разлюляев. Вот так раз! Славные штучки Любим Карпыч отмачивает! ха… ха… ха!.. Такие пули отливает, что только люли!

Лиза. Совсем не смешно, одно невежество!

Маша. Я просто не знала, куда деваться от стыда. (Садятся на диван.)

Входит Любим Карпыч.

Явление десятое

Те же и Любим Карпыч.

Лиза. Ах, Боже мой, опять!

Маша. Это ужасно!

Разлюляев. Ха, ха, ха!..

Любим Карпыч. Гур, гур, гур… буль, буль, буль!.. С пальцем девять, с огурцом пятнадцать!.. Приятелю! (Протягивает руку Коршунову.) Наше вам-с!.. Тысячу лет со днем не видались! Как поживаете?

Коршунов. А, это ты, Любим?

Любим Карпыч (загораживая лицо руками). Я не я, и лошадь не моя, и я не извозчик.

Коршунов. Я тебя, братец, помню: ты по городу ходил, по копеечке сбирал.

Любим Карпыч. Ты помнишь, как я по копеечке сбирал; а помнишь ли ты, как мы с тобой погуливали, осенние темные ночи просиживали, из трактира в погребок перепархивали? А не знаешь ли ты, кто меня разорил, с сумой по миру пустил?

Коршунов. А ты сам чего зевал? Ведь тебя за ворот не тянули, любезный. Сам виноват.

Любим Карпыч. Я-то дурак, да ведь и тебе не велика честь! Ты меня так возвеличил, в такое звание

возвел, что вот я ничего не украл, а людям в глаза глядеть совестно!

Коршунов. Ты все такой же шутник! (Обращаясь к Любови Гордеевне.) Весельчак дядюшка-то у вас. Видно уж, по старому знакомству, дать ему целковенькой.

Любим Карпыч. Тсс… Тут не целковым пахнет! Отдай старый долг, а за племянницу миллион триста тысяч!.. Дешевле не отдам.

Коршунов (смеется). Уступки не будет?

Любим Карпыч. Ни копейки!

Разлюляев. Ай да Любим Карпыч! Меньше и не бери.

Входит Гордей Карпыч.

Явление одиннадцатое

Те же и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч. А, ты здесь! Что ты со мной делаешь? Вон сейчас!

Коршунов. Погоди, Гордей Карпыч, не гони, что его гнать! Пусть поломается, пошутит. Хе, хе, хе…

Любим Карпыч. Это брат шутит-то, что за тебя дочь отдает, а я сшучу с тобой такую шутку, что будет тебе не по желудку!

Гордей Карпыч. Ему тут не место. Ступай вон!

Любим Карпыч. Брат, погоди, не гони! Ты думаешь, Любим Торцов пришел шутки шутить, ты думаешь, пьян Любим Торцов? Я пришел вам загадки загадывать. (Коршунову.) Отчего у осла длинные уши? Ну-ка, давай ответ!

Разлюляев. Вот так задача!

Коршунов. Почем я знаю.

Любим Карпыч. Для того, чтобы все знали, что он осел. (Брату.) Вот тебе задача: за кого ты дочь отдаешь?

Гордей Карпыч. Это не твое дело! Ты меня не смеешь спрашивать.

Любим Карпыч. А вот тебе еще вопрос: честный ты купец или нет? Коли ты честный — не водись с бесчестным, не трись подле сажи — сам замараешься.

Коршунов. А ты шути, да не забывайся, любезный!.. Выгони его или вели ему замолчать.

Любим Карпыч. Это про тебя!.. Видно, ты чист, как трубочист!

Гордей Карпыч. Брат, уйди честью, а не то худо.

Любовь Гордеевна (вскакивает в испуге). Дяденька, перестаньте!

Любим Карпыч. Не замолчу! Теперь кровь заговорила!

Все домашние и гости входят.

Явление двенадцатое

Те же, Пелагея Егоровна, Анна Ивановна, Гуслин, гости, гостьи и прислуга.

Любим Карпыч. Послушайте, люди добрые! Обижают Любима Торцова, гонят вон. А чем я не гость? За что меня гонят? Я не чисто одет, так у меня на совести чисто. Я не Коршунов: я бедных не грабил, чужого веку не заедал, жены ревностию не замучил… Меня гонят, а он первый гость, его в передний угол сажают. Что ж, ничего, ему другую жену дадут: брат за него дочь отдает! Ха, ха, ха! (Хохочет трагически.)

Коршунов (вскакивает). Не верьте ему, он врет, он это по злобе на меня говорит, спьяну.

Любим Карпыч. Что за злоба! Я тебе давно простил. Я человек маленькой, червяк ползущий, ничтожество из ничтожеств! Ты другим-то зла не делай.

Гордей Карпыч (прислуге). Уведите его!

Любим Карпыч (поднимая один палец кверху). Сс… Не трогать! Хорошо тому на свете жить, у кого нету стыда в глазах!.. О люди, люди! Любим Торцов пьяница, а лучше вас! Вот теперь я сам пойду.

(Обращаясь к толпе.) Шире дорогу — Любим Торцов идет! (Уходит и тотчас возвращается.) Изверг естества! (Уходит.)

Коршунов (принужденно хохочет). Так этакой-то у тебя порядок в доме! Этакие ты моды завел: у тебя пьяные гостей обижают! Хе, хе, хе. Я, говорит, в Москву поеду, меня здесь не понимают. В Москве-то уж такие дураки повывелись, там смеются над ними. Зятюшка, зятюшка! Хе, хе, хе! Любезный тестюшка! Нет, шалишь, я даром себя обидеть не позволю. Нет, ты теперь приди-ка ко мне да покланяйся, чтоб я дочь-то твою взял.

Гордей Карпыч. Я к тебе пойду кланяться?

Коршунов. Пойдешь, я тебя знаю. Тебе нужно свадьбу сделать, хоть в петлю лезть, да только б весь город удивить, а женихов-то нет. Вот несчастье-то твое! Хе, хе, хе…

Гордей Карпыч. Опосля этого, когда ты такие слова говоришь, я сам тебя знать не хочу! Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, за кого мне вздумается, за того и отдам! С деньгами, что я за ней дам, всякий человек будет…

Входит Митя и останавливается в дверях.

Явление тринадцатое

Те же и Митя.

Митя (обращаясь к толпе). Что такое за шум-с?

Гордей Карпыч. Вот за Митьку отдам!

Митя. Чего-с?

Гордей Карпыч. Молчи! Да… за Митьку отдам… завтра же. Да такую свадьбу задам, что ты и не видывал: из Москвы музыкантов выпишу, один в четырех каретах поеду.

Коршунов. Посмотрим, посмотрим. Придешь прощенья просить, придешь! (Уходит.)

Явление четырнадцатое

Те же, без Коршунова.

Пелагея Егоровна. За кого, Гордей Карпыч, ты сказал?

Гордей Карпыч. За Митьку… Да! Ишь разважничался! Точно я хуже его! «Пойдешь кланяться»! Врет он, не пойду кланяться! Назло ему за Митрия отдам.

Все удивлены.

Митя (берет Любовь Гордеевну за руку и подходит к Гордею Карпычу). Зачем же назло, Гордей Карпыч? Со злом такого дела не делают. Мне назло не надобно-с. Лучше уж я всю жизнь буду мучиться. Коли есть ваша такая милость, так уж вы благословите нас, как следует — по-родительски, с любовию. Как любим мы друг друга, и даже до этого случаю хотели вам повиниться… А уж я вам, вместо сына, то есть завсегда всей душой-с.

Гордей Карпыч. Что, что всей душой? Ты уж и рад случаю! Да как ты смел подумать-то? Что она, ровня, что ль, тебе? С кем ты говоришь, вспомни!

Митя. Я оченно хорошо знаю, что вы мой хозяин и что я, по бедности своей, не могу быть им ровней; но, впрочем, судите как хотите, я весь тут-с: я вашу дочку полюбил душою-с.

Входит Любим Карпыч и становится в толпе.

Явление пятнадцатое

Те же и Любим Карпыч.

Гордей Карпыч. Как, чай, не любить! У тебя губа-то не дура! За ней ведь денег много, так тебе голому-то на голодные зубы хорошо.

Митя. Для меня столь обидно от вас это слышать,

что я не имею слов-с. Лучше молчать. (Отходит.) Извольте, Любовь Гордеевна, вы говорить-с.

Любовь Гордеевна. Я, тятенька, вашей воле не перечила! Коли хотите вы моего счастия — отдайте меня за Митю.

Пелагея Егоровна. Что это и в самом деле, Гордей Карпыч, капризничаешь... да! Что в самом деле! Я было уж обрадовалась, насилу-то от сердца отлегло, а ты опять за свое. Уж говори что-нибудь одно, а то что это такое... право. То скажешь — за одного, то за другого. Что она тебе, на мытарство, что ли, досталась?

Любим Карпыч (из толпы). Брат, отдай Любушку за Митю.

Гордей Карпыч. Ты опять здесь? Да ты понимаешь ли, что ты со мной нынче сделал? Ты меня оконфузил на весь город! Кабы ты чувствовал это, ты бы не смел и на глаза-то мне показываться, а ты еще с советами лезешь! Уж пускай бы говорил человек, да не ты.

Любим Карпыч. Да ты поклонись Любиму Торцову в ноги, что он тебя оконфузил-то.

Пелагея Егоровна. Именно, Любимушка, надо тебе в ноги поклониться... да... именно. Снял ты с нашей души грех великий; не замолить бы его нам.

Гордей Карпыч. Что ж я, изверг, что ли, какой в сво-

ем семействе?

Пелагея Егоровна. Изверг не изверг, а погубил было дочь-то из-за своей из глупости… Да! Я тебе от простоты моей скажу. Отдают за стариков-то и не Африкану Савичу чета, да и то горе мычут.

Любим Карпыч. Пустите меня! (Поет.) Трум-ту-тум, трум-ту-тум! (Пляшет.) Посмотри на меня, вот тебе пример — Любим Торцов перед тобой живой стоит. Он по этой дорожке ходил — знает, какова она! И я был богат и славен, в каретах ездил, такие штуки выкидывал, что тебе и в голову не придет, а потом верхним концом да вниз. Вот погляди, каков я франт!

Гордей Карпыч. Ты мне что ни говори, я тебя слушать не хочу, ты мне враг на всю жизнь.

Любим Карпыч. Человек ты или зверь? Пожалей ты и Любима Торцова! (Становится на колени.) Брат, отдай Любушку за Митю — он мне угол даст. Назябся уж я, наголодался. Лета мои прошли, тяжело уж мне паясничать на морозе-то из-за куска хлеба; хоть под старость-то да честно пожить. Ведь я народ обманывал: просил милостыню, а сам пропивал. Мне работишку дадут; у меня будет свой горшок щей. Тогда-то я Бога возблагодарю. Брат! и моя слеза до неба дойдет! Что он беден-то! Эх, кабы я беден был, я бы человек был. Бедность

не порок.

Пелагея Егоровна. Гордей Карпыч, неужели в тебе чувства нет?

Гордей Карпыч (утирает слезу). А вы и в самом деле думали, что нет?! (Поднимает брата.) Ну, брат, спасибо, что на ум наставил, а то было свихнулся совсем. Не знаю, как и в голову вошла такая гнилая фантазия. (Обнимает Митю и Любовь Гордеевну.) Ну, дети, скажите спасибо дяде Любиму Карпычу да живите счастливо.

Пелагея Егоровна обнимает детей.

Гуслин. Дяденька, теперь и мне можно?

Гордей Карпыч. Можно, можно. Просите все, кому что нужно: теперь я стал другой человек.

Гуслин. Ну, Аннушка, дождались и мы с тобой.

Анна Ивановна. Ну, теперь пойдет у нас пляска, только держи шапку.

Пелагея Егоровна. Уж попляшем, попляшем.

Разлюляев (подходит к Мите и ударяет его по плечу). Митя!.. Для приятеля… все жертвую… Сам любил, а для тебя… жертвую. Давай руку. (Ударяет по руке.) Одно слово… бери, значит, жертвую для тебя… Для друга ничего не жаль! Вот как у нас, коли на то пошло! (Утирается полой и целует Митю.) А это он правду говорит: пьянство не порок… то бишь — бедность не порок… Вот всегда

проврусь!

Пелагея Егоровна. Ах, да вот и все тут! (К девушкам.) Ну-ка, девушки, веселенькую… да, веселенькую… Уж мы теперь свадьбу-то по душе отпируем, по душе…

Девушки начинают запевать.

Любим Карпыч. Тсс… Слушай команду! (Запевает; девушки подтягивают.)

У нас дело-то сделано…
По рукам у нас ударено,
Быть сговору-девишнику,
Быть девичьему вечеру.

За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзаминова) Картины московской жизни

Картина первая

Лица:

Павла Петровна Бальзаминова, вдова.

Михайло Дмитрич Бальзаминов, сын ее.

Акулина Гавриловна Красавина, сваха.

Матрена, кухарка.

Лукьян Лукьяныч Чебаков, офицер в отставке. Очень приличный господин средних лет, с усами, лысоват; сертук застегнут на все пуговицы. Выражение лица насмешливо.

Бедная комната у Бальзаминовых.

Явление первое

Бальзаминова (пьет чай) и Матрена (стоит у двери).

Бальзаминова. Хорошо теперь, Матрена, чайку-то, после бани-то!

Матрена. Уж это на что лучше! По всем жилкам, по всем суставам пройдет.

Бальзаминова. А где же Миша? что-то не видать его.

Матрена. Спит, умаялся.

Бальзаминова. Ну, пускай спит.

Матрена. Что ж! пущай спит. Никаких важных дел за ним нет; остановки не будет. А я его соследила, куда он ходит.

Бальзаминова. Куда же?

Матрена. Тут близехонько. Только он не прямо ходит, а круг большой делает, чтобы соседям виду не показать. Таково далеко уйдет, да потом и воротится переулками: глаза отводит.

Бальзаминова. Да будет ли толк-то какой-нибудь?

Матрена. Кто ж его знает? Уж это его дело. Надо полагать, что и тут ничего себе не выиграет.

Бальзаминова. Отчего же ты так, Матрена, думаешь?

Матрена. Мало виду из себя имеет, польститься-то не на что! Ну и чином еще не вышел.

Бальзаминова (встает). Пей, Матрена, чай-то! А я пойду посмотрю, Миша не проснулся ли. (Уходит.)

Матрена садится к столу и пьет.

Бальзаминова возвращается. Матрена встает.

Сиди!

Матрена садится, только оборотившись к Бальзаминовой задом.

Спит еще. (Садится.) А как их по фамилии-то,

где он ходит?

Матрена (оборотив голову). Пеженовых.

Бальзаминова. Кто ж они такие?

Матрена. Сами по себе.

Бальзаминова. Как же так сами по себе?

Матрена. По своей части.

Бальзаминова. Экая ты бестолковая! Что же они, служащие или купцы?

Матрена. Должно, торгуют.

Бальзаминова. Кто ж у них из женского-то полу?

Матрена. Две сестры — обе девки уж в летах. Только выходу им никакого нет; сидят наверху у себя взаперти, все одно под замком.

Бальзаминова. Отчего же?

Матрена. Такой приказ от братьев.

Бальзаминова. Зачем же такой приказ?

Матрена (дуя в блюдечко и оборачиваясь). Потому страм.

Бальзаминова. Какой же страм?

Матрена. Очень на мужчин бесстыжи. Такие, говорят, завистливые, что беда. (Накрывает чашку.) Покорно благодарствуйте! (Встает и уносит самовар.)

Бальзаминова. Говорят: за чем пойдешь, то и найдешь! Видно, не всегда так бывает. Вот Миша ходит, ходит, а все не находит ничего. Другой бы

бросил давно, а мой все не унимается. Да коли правду сказать, так Миша очень справедливо рассуждает: «Ведь мне, говорит, убытку нет, что я хожу, а прибыль может быть большая; следовательно, я должен ходить. Ходить понапрасну, говорит, скучно, а бедность-то еще скучней». Что правда, то правда. Нечего с ним и спорить.

Шум за сценой.

Что там у вас?

Входит Бальзаминов.

Явление второе

Бальзаминова и Бальзаминов.

Бальзаминов. Что же это такое, маменька! Помилуйте! На самом интересном месте…

Бальзаминова. Что такое?

Бальзаминов. Да Матрена меня разбудила на самом интересном месте. И очень нужно ей было там чашки убирать.

Бальзаминова. Разве ты что-нибудь во сне видел?

Бальзаминов. Да помилуйте! на самом интересном месте! Вдруг вижу я, маменька, будто иду я по саду; навстречу мне идет дама, красоты необык-

новенной, и говорит: «Господин Бальзаминов, я вас люблю и обожаю!» Тут, как на смех, Матрена меня и разбудила. Как обидно! Что бы ей хоть немного погодить? Уж очень мне интересно, что бы у нас дальше-то было. Вы не поверите, маменька, как мне хочется доглядеть этот сон. Разве уснуть опять? Пойду усну. Да ведь, пожалуй, не приснится.

Бальзаминова. Разумеется, не приснится.

Бальзаминов. Экая досада! Мне бы теперь, по моим делам, очень нужно такой сон видеть; может быть, он мне что-нибудь и напророчил бы. Что, маменька, меня никто не спрашивал?

Бальзаминова. Это что еще за новости! Кому тебя спрашивать?

Бальзаминов. Я, маменька, новое знакомство завел. Лукьян Лукьяныч Чебаков… отличнейший человек. Он капитан в отставке.

Бальзаминова. К чему это?

Бальзаминов. Как к чему! Что вы это говорите! Вы знаете, маменька, какая у нас сторона! Я уж теперь далеко не хожу, а хожу тут поблизости.

Бальзаминова. Так что же?

Бальзаминов. Как что же! Какое необразование свирепствует в нашей стороне, страсть! Обращения не понимают, человечества нет никакого!

Пройди по рынку мимо лавок лишний раз — сейчас тебе прозвище дадут, кличку какую-нибудь. Почти у всяких ворот кучера сидят, толстые, как мясники какие, только и дела, что собак гладят да играют с ними; а собаки-то, маменька, как львы. Ведь по нашему делу иногда нужно раз десять мимо окон-то пройти, чтобы заметили тебя, а они разве дадут! Сейчас засвищут, да и давай собаками травить.

Бальзаминова. Как же это можно живого человека собаками травить?

Бальзаминов. Как можно? Что вы, маменька! Разве они знают учтивость? Ему бы только хохотать, дураку, благо горло широко, а там, хоть человека до смерти загрызи, ему все равно.

Бальзаминова. Какое необразование!

Бальзаминов. Меня раза три травили. Во-первых, перепугают до смерти, да еще бежишь с версту, духу потом не переведешь. Да и страм! Какой страм-то, маменька! Ты тут ухаживаешь, стараешься понравиться — и вдруг видят тебя из окна, что ты летишь во все лопатки. Что за вид, со стороны-то посмотреть! Невежество в высшей степени… что уж тут! А вот теперь, как мы с Лукьян Лукьянычем вместе ходим, так меня никто не смеет тронуть. А знаете, маменька, что

я задумал?

Бальзаминова. А что?

Бальзаминов. Я хочу в военную службу поступить.

Бальзаминова. Да ты проснулся ли совсем-то или все еще бредишь?

Бальзаминов. Нет, позвольте, маменька: это дело рассудить надо.

Бальзаминова. Да что тут рассуждать-то! Много ли ты лет до офицерства-то прослужишь?

Бальзаминов. Сколько бы я ни прослужил: ведь у меня так же время-то идет, зато офицер. А теперь что я! Чин у меня маленький, притом же я человек робкий, живем мы в стороне необразованной, шутки здесь всё такие неприличные, да и насмешки... А вы только представьте, маменька: вдруг я офицер, иду по улице смело, уж тогда смело буду ходить; вдруг вижу — сидит барышня у окна, я поправляю усы...

Бальзаминова. Все вздор какой городишь! А чем жить-то мы будем, пока ты в офицеры-то произойдешь?

Бальзаминов. Ах, боже мой! Я и забыл про это, совсем из головы вон! Вот видите, маменька, какой я несчастный человек! Уж от военной службы для меня видимая польза, а поступить нельзя. Другому можно, а мне нельзя. Я вам, маменька,

говорил, что я самый несчастный человек в мире: вот так оно и есть. В каком я месяце, маменька, родился?

Бальзаминова. В мае.

Бальзаминов. Ну вот всю жизнь и маяться. Потому, маменька, вы рассудите сами, в нашем деле без счастья ничего не сделаешь. Ничего не нужно, только будь счастье. Вот уж правду-то русская пословица говорит: «Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив». Впрочем, я не унываю. Этот сон, маменька, недаром… хоть я его и не весь видел — черт возьми эту Матрену! — а все-таки я от него могу ожидать много пользы для себя. Этот сон, если рассудить, маменька, много значит, ох как много!

Бальзаминова. Да ты помнишь ли в лицо ту даму, которую видел во сне-то?

Бальзаминов. Помню, маменька; как сейчас гляжу: лицо такое, знаете, снисходительное…

Бальзаминова. Это хорошо.

Бальзаминов. Это, маменька, для нас первое дело. У кого в лице строгость, я ведь с тем человеком разговаривать не могу, маменька.

Бальзаминова. Да и я не люблю.

Бальзаминов. Другой на тебя смотрит — точно допрос тебе делает. Ну, что ж тут хорошего! Конечно,

если строго разобрать, так мы имеем недостатки в себе, в образовании, ну и в платье тоже. Когда на тебя смотрят строго, что ж тут делать? Конфузиться да обдергивать.

Бальзаминова. Разумеется. А вот ты коли ждешь кого, так оделся бы пошел; что в халате-то сидишь!

Бальзаминов. Да, маменька, я сейчас оденусь. Лукьян Лукьяныч ведь человек светский; какие у него трубки, с какими янтарями, маменька! (Уходит.)

Бальзаминова. Какой странный сон! Уж очень прямо; так что-то даже неловко: «я вас люблю и обожаю»... Хорошо, как так и наяву выдет, а то ведь сны-то больше всё наоборот выходят. Если бы она ему сказала: «Господин Бальзаминов, я вас не люблю и вашего знакомства не желаю» — это было бы гораздо лучше.

Красавина входит.

Явление третье

Бальзаминова и Красавина.

Красавина. С повинной, матушка! Не вели казнить, вели речь говорить.

Бальзаминова. Есть же люди на свете, которые сты-

да не имеют!

Красавина. Есть, матушка, есть всякого народа.

Бальзаминова. Конечно, мы люди бедные, маленькие, но однако же ведь надобно, Гавриловна, немножко и совесть знать.

Красавина. Нешто я, матушка, не понимаю! У меня совесть-то чище золота, одно слово — хрусталь, да что ж ты прикажешь делать, коли такие оказии выходят? Ты рассуди, какая мне радость, что всякое дело все врозь да врозь! Первое дело — хлопоты даром пропадают, а второе дело — всему нашему званию мораль. А просто сказать: «знать, не судьба!» Вот и все тут. Ну да уж я вам за всю свою провинность теперь заслужу.

Бальзаминова. Ну, признаться сказать, я от тебя, кроме насмешки, ничего ожидать не могу.

Красавина. Не такая душа у меня. Ежели я против кого виновата, так уж я пополам разорвусь, а за свою вину вдвое заслужу. Вот у меня какая душа! Хоша оно в нынешнем свете с такой добродетелью жить трудно, милая…

Бальзаминова. Ты лучше, Гавриловна, и не говори! Я тебе в этом верить не могу. Мы люди бедные, какой тебе интерес?

Красавина. А не веришь, так я тебе вот что скажу: хороший-то который жених, ловкий, и без свахи

невесту найдет, а хоть и со свахой, так с него много не возьмешь; ну а твой-то плох: ему без меня этого дела не состряпать; значит, я с него возьму что мне захочется. Знаешь русскую пословицу: «У всякого плута свой расчет»? Без расчету тоже в нынешнем свете жить нельзя.

Бальзаминова. Ты не взыщи, Гавриловна, что я тебя так приняла. Мне обидно, что моим сыном как дураком помыкают.

Красавина. Ничего, матушка; брань на вороту не виснет. Нам не привыкать стать к брани-то: наше звание такое. А сынка твоего мы обеспечим, ты не беспокойся.

Бальзаминова. Чайку не хочешь ли?

Красавина. Ну его! И без него жарко. Что такое чай? Вода! А вода ведь она вред делает, мельницы ломает. Уж ты меня лучше ужо как следует попотчуй, я к тебе вечерком зайду. А теперь вот что я тебе скажу. Такая у меня на примете есть краля, что, признаться сказать, согрешила — подумала про твоего сына, что, мол, не жирно ли ему это будет?

Бальзаминова. Кто ж такая?

Красавина. Ну, об этом речь впереди. Вот, видишь ты, дело какого роду: она вдова и с большим капиталом, от этого самого и скучает.

Бальзаминова. Скажите пожалуйста!

Красавина. Так точно. И как, матушка моя, овдовела, так никуда не выезжает, все и сидит дома. Ну, а дома что ж делать? известно — покушает да почивать ляжет. Богатая женщина, что ж ей делать-то больше!

Бальзаминова. Отчего же это она при таком капитале никуда не ездит и знакомства не имеет?

Красавина. Ленива. Уж сколько раз я ей говорила: «Что, мол, ты никуда не съездишь али к себе гостей не позовешь?» В гости ехать, говорит, — одеваться надобно; а приедешь — разговаривать нужно.

Бальзаминова. Разве она и разговаривать не любит?

Красавина. Как не любить! Только чтобы не торопясь, с прохладой. Ну таким-то родом, сударыня ты моя, от этакой-то жизни стала она толстеть и тоску чувствовать. И даже так, я тебе скажу, тяжесть такая на нее напала, вроде как болезнь. Ну и сейчас с докторами советоваться. Я была при одном докторе. Вот доктор ей и говорит: «Вам, говорит, лекарства никакого не нужно; только чтоб, говорит, развлечение и беспременно чтоб замуж шли».

Бальзаминова. А она что ж?

Красавина. Она ему сейчас в руку три целковых бумажку. Порядок этот знает.

Бальзаминова. Нет, я не про то! Я насчет того, что замуж-то идти?

Красавина. «Я, говорит, замуж не прочь; только где его найдешь, дома-то сидя». — «А я-то, говорю, на что?» — «Ну, говорит, хлопочи!» Так вот какие дела и какие оказии бывают.

Бальзаминова. Ну, а как насчет состояния?

Красавина. Сверх границ. Одних только денег и билетов мы две считали-считали, счесть не могли, так и бросили. Да я так думаю, что не то что нам, бабам, а и мужчинам, если двух хороших взять, и то не счесть!

Бальзаминова. Как же это не счесть?

Красавина. Так вот и не счесть. Посчитают-посчитают, да и бросят. Ты думаешь, считать-то легко? Это, матушка, всем так кажется, у кого денег нет. А поди-ко, попробуй! Нет, матушка, счет мудреное дело. И чиновники-то, которые при этом приставлены, и те, кто до сколько умеет, до столько и считает: потому у них и чины разные. Твой Михайло до сколько умеет?

Бальзаминова. Да я думаю, сколько ни дай, всё сочтет.

Красавина. Ну где ему! Тысяч до десяти сочтет,

а больше не сумеет. А то вот еще какие оказии бывают, ты знаешь ли? Что-то строили, уж я не припомню, так артитехторы считали, считали, цыфирю не хватило.

Бальзаминова. Может ли это быть?

Красавина. Верно тебе говорю. Так что же придумали: до которых пор сочтут, это запишут, да опять цыфирь-то сначала и оборотят. Вот так! Так что ж тут мудреного, что мы денег не сочли? Ну деньги деньгами, — это само по себе, а еще дом.

Бальзаминова. Большой?

Красавина. А вот какой: заведи тебя в середку, да оставь одну, так ты и заблудишься, все равно что в лесу, и выходу не найдешь, хоть караул кричи. Я один раз кричала. Мало тебе этого, так у нас еще лавки есть.

Бальзаминова. Ты уж что-то много насказала! Я боюсь, понравится ли мой Миша такой невесте-то.

Красавина. Это уж его дело. Да что это его не видать?

Бальзаминова. Не знаю, он дома был. Миша!

Бальзаминов входит.

Явление четвертое

Те же и Бальзаминов.

Красавина. Красота ты моя писаная, разрисованная! Все ли ты здоров? А у нас все здоровы: быки и коровы, столбы и заборы.

Бальзаминов. Я еще и говорить-то с тобой не хочу. Вот что!

Бальзаминова. Нет, Миша, ты с ней не должен таким манером обращаться; ты еще не знаешь, какую она пользу может тебе сделать.

Красавина. Не тронь его, пущай! Что это ты такой гордый стал? Аль нашел на дороге сумму какую значительную?

Бальзаминов. Она-то пользу сделает? Что вы, маменька, ей верите? Она все обманывает.

Красавина. Я обманываю? Значит, ты души моей не знаешь. Ты слыхал ли когда песню:

Никто души моей не знает,
И чувств моих не могут описать.

Бальзаминов. За что она меня, маменька, обманывает? Что я ей сделал? Она сваха — она и должна сватать, а не обманывать.

Красавина. А ты ищи себе под пару, так тебя никто и не будет обманывать; а то ты всё не под масть выбираешь-то. Глаза-то у тебя больно завистливы.

Бальзаминов. А тебе какое дело! Да и совсем не от зависти я хочу жениться на богатой, а оттого что у меня благородные чувства. Разве можно с облагороженными понятиями в бедности жить? А коли я не могу никакими средствами достать денег, значит, я должен жениться на богатой. (Садится.) Ах, маменька, какая это обида, что все на свете так нехорошо заведено! Богатый женится на богатой, бедный — на бедной. Есть ли в этом какая справедливость? Одно только притеснение для бедных людей. Если б я был царь, я бы издал такой закон, чтоб богатый женился на бедной, а бедный — на богатой; а кто не послушается, тому смертная казнь.

Красавина. Ну вот когда такой закон от тебя выдет, тогда мы и будем жить по-твоему; а до тех пор, уж ты не взыщи, все будет по старому русскому заведению: «По Сеньке шапка, по Еремке кафтан». А то вот тебе еще другая пословица: «Видит собака молоко, да рыло коротко».

Бальзаминов. Вот видите, маменька, вот она опять все на смех. Зачем она пришла? Кто ее просил?

Красавина. Мне ведь как хотите! Я из-за своего добра кланяться не стану. Какая мне оказия!

Бальзаминова. Что это ты, Гавриловна? Ты видишь, он не в своем уме. Как тебе, Миша, не стыдно!

Красавина. Что ж он важность-то на себя напустил? Навязывать ему, что ли? Уж это много чести будет! Москва-то не клином сошлась: найду не хуже его.

Бальзаминова. Нет, ты этого, Гавриловна, не делай. Это тебе грех будет! Ты, Миша, еще не знаешь, какие она нам благодеяния оказывает. Вот ты поговори с ней, а я пойду; признаться сказать, после бани-то отдохнуть хочется. Я полчасика, не больше.

Красавина. Да хоть и больше, так кто ж тебе запретит?

Бальзаминова уходит.

Явление пятое

Красавина, Бальзаминов, потом Матрена.

Бальзаминов. Вот ты сердиться-то умеешь, а каково мне было тогда, как меня из дому выгнали? Вот так асаже!

Красавина. А ты еще все не забыл? Видишь, ка-

кой ты злопамятный! Ну вот за этот-то за самый афронт я и хочу тебе заслужить.

Бальзаминов. Чем же ты заслужишь?

Красавина. Невесту нашла.

Бальзаминов. Ну уж не надо. Опять то же будет. Я сам нашел.

Красавина. Мудрено что-то! Где ж это?

Бальзаминов. Как же! так я и сказал тебе!

Красавина. Ничего у тебя не выдет.

Бальзаминов. А вот посмотрим.

Красавина. И смотреть нечего.

Входит Матрена и становится у двери, приложив руку к щеке.

Ты сам рассуди! Какую тебе невесту нужно?

Бальзаминов. Известно какую, обыкновенную.

Красавина. Нет, не обнаковенную. Ты человек глупый, значит...

Бальзаминов. Как же, глупый! Ишь ты, дурака нашла!

Матрена. А что, умен?

Бальзаминов. Ты молчи, не твое дело!

Красавина. Ты послушай! ты человек глупый, значит, тебе...

Бальзаминов. Да что ты все: глупый да глупый! Это для тебя я, может быть, глуп; а для других совсем

нет. Давай спросим у кого-нибудь.

Красавина. Давай спросим! Да нечего и спрашивать. Ты поверь мне: я человек старый, обманывать тебя не стану.

Матрена. Какой ты, Михайло Митрич, как погляжу я на тебя, спорить здоровый! Где ж тебе с ней спорить?

Бальзаминов. Как же не спорить, когда она меня дураком называет?

Матрена. Она лучше тебя знает. Коли называет, значит, правда.

Бальзаминов. Да что вы ко мне пристали! Что вам от меня надо?

Красавина. Постой, погоди! Ты не шуми! Ты возьми терпение, выслушай! Ты глупый человек, значит, тебе умней себя искать невесту нельзя.

Матрена. Само собой.

Красавина. Значит, тебе нужно искать глупей себя. Вот такую-то я тебе теперь…

Бальзаминов (встает). Что ты ко мне пристаешь! Что ты ко мне пристаешь! Я тебе сказал, что я слушать тебя не хочу. А ты все с насмешками да с ругательством! Ты думаешь, я вам на смех дался? Нет, погоди еще у меня!

Красавина. Что же ты сделаешь?

Бальзаминов. Я знаю, что сделать! Ты меня не

тронь! Я служащий, обидеть меня не смеешь! Я на тебя и суд найду!

Красавина. Суд? Что ты, в уме ли? А судиться так судиться! Ты думаешь, я испугалась? Давай судиться! Подавай на меня просьбу! Я ответ найду. В какой суд на меня жаловаться пойдешь?

Бальзаминов. Это уж мое дело.

Красавина. Да ты все ли суды знаешь-то? Чай, только магистрат и знаешь? Нам с тобой будет суд особенный! Позовут на глаза — и сейчас решение.

Бальзаминов. Для меня все равно.

Красавина. Что же станешь на суде говорить? Какие во мне пороки станешь доказывать? Ты и слов-то не найдешь; а найдешь, так складу не подберешь! А я и то скажу, и другое скажу; да слова-то наперед подберу одно к другому. Вот нас с тобой сейчас и решат: мне превелегию на листе напишут…

Бальзаминов. Какую привилегию?

Красавина. Против тебя превелегию, что я завсегда могу быть лучше тебя и во всем превозвышена; а тебя в лабет поставят.

Бальзаминов. В какой лабет? Что ты врешь!

Красавина. А еще мужчина, еще служащий, а не знаешь, что такое лабет! Где ж тебе со мной су-

диться!

Матрена. У! Бесстыдник!

Бальзаминов. Так что ж это вы меня со свету сжить, что ли, хотите? Сил моих не хватит! Батюшки! Ну вас к черту! (Быстро берет фуражку.) От вас за сто верст убежишь. (Бросается в дверь и сталкивается с Чебаковым.)

Явление шестое

Те же и Чебаков.

Чебаков. Что это вы? Что это вы, господин Бальзаминов?

Матрена. Батюшки! Он в уме повихнулся.

Бальзаминов. Ах, извините-с! Такое невежество! Вы не можете себе представить! Это ужас что такое!

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов, что с вами такое?

Бальзаминов. Ничего-с! Очень вам благодарен! Конечно, с моей стороны неучтивость… Извините! Покорнейше прошу садиться!

Чебаков (садясь). Послушайте, Бальзаминов, вы что-то не в своей тарелке.

Бальзаминов. Да помилуйте-с, Лукьян Лукьяныч, никак не возможно! Необразование, насмешки…

Чебаков. Ну, да это в сторону! Послушайте, что же, вы исполните, что обещали или нет?

Бальзаминов. Как же можно! Непременно-с.

Чебаков. То-то же! А то ведь вы, пожалуй…

Бальзаминов. Уж ежели я что, Лукьян Лукьяныч, обещал-с…

Чебаков. Ну да, разговаривайте! Знаем мы вас. Только послушайте, Бальзаминов, вам надо башмачником одеться.

Матрена. Батюшки!

Бальзаминов. Зачем же это-с?

Чебаков. А вот я вам сейчас объясню.

Красавина. Ну прощай, башмачник! Уж я к тебе больше не пойду; потому, мой друг, что хлеб за брюхом не ходит. (Уходит, и Матрена за ней.)

Явление седьмое

Бальзаминов и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, это сваха, должно быть?

Бальзаминов. Так точно-с. Конечно, невежество…

Чебаков. Так вот что, Бальзаминов: нельзя иначе, надо непременно башмачником. А то как же вы к ним в дом войдете? А вы наденьте сертук похуже, да фуражку, вот хоть эту, которая у вас в руках, во-

лосы растреплите, запачкайте лицо чем-нибудь и ступайте. Позвоните у ворот, вам отопрут, вы и скажите, что, мол, башмачник, барышням мерку снимать. Там уж знают, вас сейчас и проведут к барышням.

Бальзаминов. А потом что же-с?

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов! Вы чудак. Как же вы спрашиваете, что делать! Вы влюблены или нет?

Бальзаминов. Влюблен-с.

Чебаков. Так ведь надо же вам объясниться. И кстати, письмо отдадите. Моей отдайте вот это письмо (отдает письмо), а своей откройтесь в любви, скажите, что хотите ее увезти, станьте на колени. Да вы послушайте, не перемешайте: моя старшая, а ваша младшая; моя Анфиса, а ваша Раиса.

Бальзаминов. Помилуйте! Как можно! А вы, Лукьян Лукьяныч, уж открылись-с?

Чебаков. Давно уж...

Бальзаминов. Мы их, Лукьян Лукьяныч, скоро увезем-с?

Чебаков. Как будут согласны, так и увезем.

Бальзаминов. Моя будет согласна-с, потому что она на меня так смотрит, когда мы мимо проходим, что даже уму непостижимо-с.

Чебаков. Послушайте, ну вот и прекрасно.

Бальзаминов. Только, Лукьян Лукьяныч, как бы нам не ошибиться насчет…

Чебаков. Насчет денег? Нет, господин Бальзаминов, я в этом никогда не ошибаюсь.

Бальзаминов. То вы, а то я-с.

Чебаков. Они сестры, у них поровну капитал от отца. Братья оттого не отдают их замуж, что денег жаль.

Бальзаминов. Ну, так я сейчас-с, только сертук надену-с. (Уходит.)

Явление восьмое

Чебаков (один). Экой дурачина! Вот олух-то! Воображает, что в него влюбятся. А впрочем, если смотреть на жизнь с философской точки зрения, так и такие люди полезны. Кого нынче заставишь башмачником одеться! А эта штука мне может стоить полтораста тысяч. Из-за этого куша я здесь другой год живу, нарочно поблизости квартиру нанял. Только, черт их возьми, живут очень крепко! Не то что видеться, а и письмо-то передать больших трудов и издержек стоит. Если мне этот дурак поможет ее увезти, — я его, голубчика, в поминанье запишу.

Входит Бальзаминов в сертуке.

Явление девятое

Чебаков и Бальзаминов.

Чебаков. Послушайте, вы настоящий сапожник.

Бальзаминов. Башмачник-с.

Чебаков. Только послушайте, ну, как ваше начальство узнает, что вы башмачным мастерством занимаетесь?

Бальзаминов. Да, нехорошо-с, да и от товарищей тоже-с…

Чебаков. Нет, я шучу. Помилуйте, кто же это узнает! Послушайте, я вам даже завидую. Вы будете разговаривать с любимой женщиной, а я должен страдать в одиночестве.

Бальзаминов. Да-с. А уж как я рад-с, я хоть плясать-с готов-с.

Чебаков. Именно на вашем месте плясать надобно. Послушайте, Бальзаминов, а ну как вас там высекут?

Бальзаминов. Что же это, Лукьян Лукьяныч! Я не пойду-с! Как же вы сами посылаете, а потом говорите, что высекут? На что же это похоже-с!

Чебаков. Как вы, Бальзаминов, шуток не пони-

маете!

Бальзаминов. Хорошо как шутки, а ежели в самом деле-с?

Чебаков. Уж будьте покойны! Я бы вас не послал.

Бальзаминов. Покоен-то я покоен, а все-таки…

Чебаков. Послушайте, ну полноте! Пойдемте! Я за вами буду сзади следить.

Бальзаминов. Пойдемте-с.

Подходят к двери.

Матрена! Скажи маменьке, что я ушел.

Матрена (за дверью). Сама увидит.

Уходят.

Картина вторая

Лица:

Домна Евстигневна Белотелова, вдова лет тридцати шести, очень полная женщина, приятного лица, говорит лениво, с расстановкой.

Анфиса Панфиловна

Раиса Панфиловна

Химка (Афимка), горничная девочка Пеженовых.

Бальзаминов.

Красавина.

Сцена представляет два сада, разделенные посередине забором; направо от зрителей сад Пеженовых, а налево — Белотеловой; в садах скамейки, столики и проч.; в саду Белотеловой налево видны две ступеньки и дверь в беседку; у забора с обеих сторон кусты.

Явление первое

В саду на левой стороне.

Белотелова и Красавина сидят на лавочке.

Белотелова. Вот мы тут посидим, потом пойдем

в беседку, там закусим, посидим. Там закуска приготовлена. Да потом опять сюда придем, посидим.

Красавина. Еще бы! Своя воля, что хотим, то и творим.

Белотелова. Что ж ты мне жениха, скоро?

Красавина. Скоро, красавица ты моя, скоро. Нельзя же вдруг! Ведь женихов у меня много, да всё не тот сорт. Для тебя уж я особенно займусь, хорошего тебе сыщу.

Белотелова. Сыщи хорошего.

Красавина. Уж ты будь покойна, это наших рук дело. Есть у меня один на примете, а рекомендовать боюсь.

Белотелова. А что же?

Красавина. Он бы и ничего, да дурашен, бог с ним.

Белотелова. Очень дурашен?

Красавина. Да таки порядочно. Да ты об этом деле не печалься; без мужа не останешься.

Белотелова. Ну хорошо.

Красавина. Веришь ты, я для тебя всей душой! Коли есть женихи на дне моря, я и со дна моря для твоего удовольствия достану. Да уж и ты меня не обидь.

Белотелова. Я не обижу, я добрая.

Красавина. Кто ж этого не знает! Весь свет знает. А

это я к тому говорю, красавица ты моя писаная, что от кого же нам и жить-то, бедным сиротам, как не от вас, богатых людей? Вам жить да нежиться, а нам для вас служить. Ты сиди только да придумывай, а уж я для тебя все, окромя разве птичьего молока.

Белотелова. Ничего не придумаешь.

Красавина. Лень тебе, красавица моя, а то как бы не придумать. Я бы на твоем месте, да с твоими деньгами, такое веселье завела, таких бы чудес натворила, что ни об чем бы, кроме меня, и не разговаривали.

Белотелова. А что ж бы ты сделала?

Красавина. Да вот тебе первое. Коли не хочешь ты никуда ездить, так у себя дома сделай: позови баб побольше, вели приготовить отличный обед, чтобы вина побольше разного, хорошего; позови музыку полковую: мы будем пить, а она чтоб играла. Потом все в сад, а музыка чтоб впереди, да так по всем дорожкам маршем; потом опять домой да песни; а там опять маршем. Да так, чтобы три дня кряду, а начинать с утра. А вороты вели запереть, чтобы не ушел никто. Вот тебе и будет весело.

Белотелова. Весело, только хлопот много.

Красавина. А ты мне прикажи, я все хлопоты на

себя возьму. Я орел на эти дела.

Белотелова. Ну хорошо, как-нибудь сделаем.

Красавина. Да поскорей бы! Хорошего дела никогда откладывать не должно!

Белотелова. Не пойти ли нам в беседку?

Красавина. Погоди! Посидим здесь; хорошо на воздухе-то. Поговорим об чем-нибудь для времяпровождения.

Белотелова. Я уж не знаю, об чем говорить. Нет ли по Москве разговору какого?

Красавина. Мало ли разговору, да всему верить-то нельзя. Иногда колокол льют, так нарочно пустую молву пускают, чтоб звончее был.

Белотелова. Войны не слыхать ли?

Красавина. Войны не слыхать. Тихо везде; по всей земле замирение вышло. Земля трясется местами, об этом слух есть; местах в трех трясение было.

Белотелова. Нехорошо.

Красавина. Что хорошего! Сама знаешь, писано есть об этом. Да вот еще, для всякой осторожности, надобно тебе сказать: шайка разбойников объявилась.

Белотелова. Откуда ж они?

Красавина. Из диких лесов, говорят. Днем под Каменным мостом живут, а ночью ходят по Москве, железные когти у них надеты на руки и все на

ходулях; по семи аршин ходули-то, а атаман в турецком платье.

Белотелова. Зачем на ходулях?

Красавина. Для скорости, ну и для страху.

Белотелова. Пойдем в беседку, посидим, закусим!

Красавина. Пойдем! Какой у тебя аппекит, дай тебе бог здоровья, меня ижно завидки берут. Уж чего лучше на свете, коли аппекит хорош! Значит, весь человек здоров и душой покоен.

Уходят.

Явление второе

На правой стороне.

Выходят Анфиса Панфиловна и Раиса Панфиловна.

Раиса. Тоска, Анфиса.

Анфиса. Тоска.

Раиса. Ой, батюшки, как скучно!

Молчание.

Анфиса. И нейдет, и не шлет никого!

Раиса. Да кого же прислать! Ты знаешь, к нам ходу нет.

Анфиса. Он в прошлом письме писал, что приду-

мает что-нибудь. Не послать ли Химку в лавочку: не дожидается ли он там с письмом?

Раиса. За Химкой-то уж подсматривать стали. Бабушка все ворчит на нее, должно быть, что-нибудь заметила; да старуха-нянька все братцам пересказывает. Выходи, Анфиса, поскорей замуж, и я бы к тебе переехала жить: тогда своя воля; а то ведь это тоска.

Анфиса. Еще какая тоска-то! А за кого я пойду? Я лучше умру, а уж не пойду за тех женихов, что братцы сватают. Невежество-то мне и дома надоело. А мы сами немножко виноваты: тогда, как тятенька умер, уж мы много себе вольности дали.

Раиса. Вот золотое-то было времечко! Есть чем вспомнить!

Анфиса. Вот братцы-то нас и присадили. Такая тоска в этом положении.

Раиса. Хоть волком вой! Ах, тоска, Анфиса! Ах, тоска!

Анфиса. Я думала-думала да придумала одну штуку.

Раиса. Что же ты придумала?

Анфиса (оглядываясь). Бежать с Лукьян Лукьянычем.

Раиса. Что ты, сестрица! Как это можно!

Анфиса. А что ж такое! Жалко, что ль, мне кого здесь? Взяла да и ушла. Конечно, пока мы здесь живем, так братья над нами власть имеют; а как из ворот, так и кончено. И деньги свои потребую, какие мне следовают.

Раиса. Это, я думаю, страшно, сестрица, когда увозят.

Анфиса. Ничего, Раиса, не страшно. Ведь меня уж увозили, ты помнишь?

Раиса. Помню. Только ты тогда скоро воротилась.

Анфиса. Ну, что старое вспоминать! Вот я теперь и жду от Лукьян Лукьяныча письма об этом об самом. Только как он его передаст?

Раиса. Уж как-нибудь придумает.

Анфиса. Тогда тебя к себе жить возьму.

Раиса. Вот мы, Анфиса, заживем-то! По всем гуляньям, по всем дачам будем ездить. Я себе тоже военного выберу.

Анфиса. А что же этот, твой-то?

Раиса. Белобрысый-то? Ну, что за крайность! Кабы ничего лучше в предмете не было, так уж так бы и быть — от скуки.

Анфиса. Разве он тебе не нравится?

Раиса. Он мне что-то, Анфиса, гнусненек кажется.

Анфиса. Зачем же ты с ним кокетничаешь?

Раиса. От тоски. Все-таки развлечение. Ах, тоска! Ах, тоска!

Анфиса. А он, пожалуй, подумает, что ты в него влюблена.

Раиса. Пускай его думает, убытку-то мне немного.

Анфиса. Знаешь, Раиса, что я тебе говорила-то, что бежать-то с Лукьян Лукьянычем? Ведь это, может быть, очень скоро будет. Я уж, что нужно на первый раз, приготовила; хоть сейчас собраться, да и была такова.

Раиса. Вот я посмотрю, как ты убежишь, да и я, может, то же сделаю. Не умирать же тут с тоски в самом деле!

Химка вбегает, дрожа от страха и запыхавшись.

Явление третье

Анфиса, Раиса и Химка.

Анфиса. Что ты, Химка?

Химка. Пришел… пришел…

Анфиса. Кто пришел?

Химка. Башмачник пришел, башмачник пришел.

Анфиса. Какой башмачник?

Химка. Не знаю какой, не знаю. Батюшки, страсти! Говорит, знакомые послали, барышням мерку снимать, мерку снимать.

Раиса. Это от Лукьян Лукьяныча, должно быть?

Анфиса. Непременно. Кто ж его пустил?

Химка. Я пустила, все спят, я пустила. Ах, страсти!

Анфиса. Где же он?

Химка. У садовой калитки дожидается. Он у калитки…

Анфиса. Веди его сюда скорей, да смотри, чтоб не увидали.

Химка. Сейчас, сейчас! Батюшки! Сейчас! (Убегает.)

Раиса. Ишь ты какой придумщик! Башмачника прислал.

Анфиса. Благородного человека сейчас видно: у него все и поступки благородные. Ну кто придумает башмачника прислать, кроме благородного человека? Никто на свете.

Раиса. Мы этого башмачника на весь дом шить башмаки заставим, он нам и будет письма переносить.

Входят Бальзаминов и Химка.

Явление четвертое

Анфиса, Раиса, Бальзаминов и Химка.

Анфиса (тихо). Да ведь это твой белобрысый.

Раиса. Вот суприз!

Анфиса. Беги, Химка, постереги у калитки: коли в доме проснутся, так ты дай знак какой-нибудь.

Химка. Сейчас! Сейчас! Вот страсти-то! (Убегает.)

Анфиса. Однако как вы смелы!

Бальзаминов. Любовь все преодолевает-с.

Анфиса. Лукьяна Лукьяныча давно ли видели?

Бальзаминов. Даже только сейчас-с. Я от них к вам письмо имею.

Анфиса. Так давайте!

Бальзаминов (подает письмо). Извольте-с. Они ответ просили-с.

Анфиса отходит, распечатывает и читает.

Раиса. Вас зовут Михайло Дмитрич?

Бальзаминов. Точно так-с. Это я собственно для вас-с.

Раиса. Что для меня?

Бальзаминов. В таком виде-с.

Раиса. Покорно вас благодарю.

Анфиса. Раиса, поди сюда! Вы, господин Бальза-

минов, извините: нам нужно поговорить. Вы посидите на лавочке, подождите.

Раиса подходит к Анфисе.

Бальзаминов (садится на лавочку у забора). Оченно хорошо-с.

Анфиса (читает). «У меня все готово. Докажите, что вы меня любите не на словах только, а на самом деле. Доказательств моей любви вы видели много. Для вас я бросил свет, бросил знакомство, оставил все удовольствия и развлечения и живу более года в этой дикой стороне, в которой могут жить только медведи да Бальзаминовы…»

Раиса. Ах, это правда.

Анфиса. Правда! (Читает.) «Кажется, этого довольно. Больше я ждать не могу. Из любви к вам я решаюсь избавить вас от неволи; теперь все зависит от вас. Если хотите, чтоб мы были оба счастливы, — сегодня, когда стемнеет и ваши улягутся спать, что произойдет, вероятно, не позже девятого часа, выходите в сад. В переулке, сзади вашего сада, я буду ожидать вас с коляской. Забор вашего сада, который выходит в переулок, в одном месте плох…»

Раиса. Да, братец давно говорил об этом. На этой неделе хотят починить.

Анфиса (читает). «Мы разберем несколько досок,

и вы будете на свободе. Мы с вами поедем верст за пятнадцать, где меня ждут мои приятели и уже все готово, даже и музыка…»

Раиса. И музыка! Ах, как это весело! А здесь-то какая тоска!

Анфиса. Ах, Раиса! Вот что значит благородный человек! Увозит девушку, все устроил отличным манером и потом даже с музыкой! Кто, кроме благородного человека, это сделает? Никто решительно.

Раиса. Что же, Анфиса, ты поедешь?

Анфиса. Еще бы после этого да я не поехала! Это даже было бы неучтиво с моей стороны. (Читает.) «Впрочем, может быть, вам ваша жизнь нравится и вся ваша любовь заключается в том, чтобы писать письма и заставлять обожателей во всякую погоду ходить по пятнадцати раз мимо ваших окон? В таком случае извините, что я предложил вам бежать со мной…»

Раиса. Отчего же он об нас так низко думает?

Анфиса. Я ему докажу, что я совсем не таких понятий об жизни. (Читает.) «Конечно, очень похвально слушаться братцев, бабушек и тетушек…»

Раиса. Анфиса, это он в насмешку!

Анфиса. Разумеется. (Читает.) «…но зачем же

губить свою молодость и отказывать себе в удовольствиях? С нетерпением жду вашего ответа. Если вы сегодня не решитесь, я завтра уезжаю на Кавказ. Целую ваши ручки. Весь ваш…»

Раиса (заглядывая в письмо). А это что?

Анфиса. А это Люди, Червь, значит: Лукьян Чебаков. Ну, Раиса, я пойду напишу ему ответ, а ты тут посиди с Бальзаминовым. Ты мне после скажи, что он тебе будет говорить.

Раиса. А как же Бальзаминов выдет отсюда? Ведь его никто не видал, как он вошел!

Анфиса. Вот еще беда-то!

Раиса. Знаешь что, Анфиса: я его как-нибудь спроважу через забор.

Анфиса. Ну хорошо. Ответ я с Химкой пришлю. Прощайте, господин Бальзаминов! (Уходит.)

Раиса (Бальзаминову). Я сейчас к вам приду. (Провожает Анфису.)

Бальзаминов. Ведь вот теперь надо в любви открываться, а я ничего не придумал, никаких слов не прибрал. Эка голова! Что ты будешь делать! Будь тут столб или дерево покрепче, — так бы взял да и разбил ее вдребезги. Сваха-то давеча правду говорила, что я дурак. Что ж в самом деле? не стоять же столбом! На счастье буду говорить, что в голову придет: может быть, и хорошо выдет.

Вот каковы приятели! Сколько раз просил, чтобы показали, как в любви объясняться — ни один не показал. Всё из зависти, всякий для себя бережет.

Раиса возвращается.

Вот идет! Вот, что мы будем делать?

Явление пятое

Бальзаминов и Раиса.

Раиса. Извините, что мы вас заставили дожидаться!

Бальзаминов. Ничего-с! Очень приятно-с!

Молчание.

Они куда же пошли-с?

Раиса. Она пошла ответ писать.

Бальзаминов. Они скоро-с?

Раиса. Нет, она очень долго пишет. Мы скоро не умеем; для этого привычка нужна, а мы, кроме писем, ничего не пишем.

Бальзаминов. Я теперича все скучаю-с.

Раиса. И мы тоже скучаем. Такая тоска, вы не поверите!

Бальзаминов. Да вы, может быть, не оттого-с.

Раиса. Оттого, что всё сидим взаперти, не видим никаких развлечений.

Бальзаминов. А я от другого-с.

Раиса. Отчего же вы?

Бальзаминов. Я даже по ночам не сплю-с.

Раиса. Может быть, днем спите?

Бальзаминов. Нет, совсем не оттого-с.

Раиса. А отчего же?

Бальзаминов. От чувств-с.

Раиса. От каких же это чувств?

Бальзаминов. Я так чувствую себя, что я самый несчастный человек в жизни.

Раиса. Довольно странно это слышать от вас. Мужчины вообще счастливей женщин.

Бальзаминов. Но не все-с.

Раиса. У женщины несчастие заключается оттого, что она завсегда подо что-нибудь подвластна.

Бальзаминов. А у мужчины несчастие заключается от любви-с.

Раиса. Значит, надобно так полагать, что вы влюблены?

Бальзаминов. Так точно-с.

Раиса. Кто же эта женщина, которая могла вас прельстить собою?

Бальзаминов. Я не смею вам этого открыть-с.

Раиса. Отчего же?

Бальзаминов. Вам, может быть, будет противно меня слушать-с.

Раиса. Нисколько не противно; даже совсем напротив.

Бальзаминов. В таком случае-с позвольте вам выразить, что эта женщина — вы самые-с и есть-с.

Раиса. Ах, скажите! Я этого никак не ожидала.

Бальзаминов. Могу я сколько-нибудь надежду иметь-с или нет-с?

Раиса. Я еще ничего не слыхала от вас.

Бальзаминов. Для моей любви нет слов-с. Я бы и желал выразить-с, но никак не могу-с.

Раиса. Говорите. Хотя то, что можете сказать!

Бальзаминов. Одно только и могу сказать-с, что я сам себе тиран.

Раиса. Какое же в этом тиранство?

Бальзаминов. Самое жестокое тиранство-с. Ежели человек влюблен-с, и даже не спит ночи, и не знает слов-с…

Раиса. Вы давно в меня влюблены?

Бальзаминов. В четверг после обеда, на прошлой неделе.

Раиса. Так это недавно! Лукьян Лукьяныч любит Анфису полтора года.

Бальзаминов. И я могу-с… даже больше.

Раиса. Ну, это еще неизвестно. Может быть, вы

непостоянный кавалер?

Бальзаминов. Я считаю это в мужчинах за низкость-с.

Раиса. Коли вы влюблены, отчего же вы мне письмà не написали? Влюбленные всегда пишут письма.

Бальзаминов. Я не смел-с. А ежели вы так снисходительны, то я первым долгом почту написать вам даже нынче. А вы мне напишете на ответ-с?

Раиса. Отчего же не написать.

Бальзаминов. А ежели бежать-с, — вы согласны будете?

Раиса. Уж это очень скоро.

Бальзаминов (становится на колени). Сделайте такое одолжение-с! Лукьян Лукьяныч тоже хотят увезти вашу сестрицу, так уж и я-с, чтобы вместе-с…

Раиса. Ну хорошо, я подумаю. Встаньте! Ну, увидит кто-нибудь? Вон Химка бежит.

Бальзаминов встает. Вбегает Химка.

Химка (подает Бальзаминову письмо). Вот письмо, вот письмо! Батюшки, страсти! Проснулись, все проснулись! (Убегает.)

Раиса. Ах, как же быть! Куда же мне вас деть? Через двор теперь нельзя.

Бальзаминов (оглядывается по сторонам и подпры-

гивает). Что же я-с? Как же я-с? А-я-яй! А-я-яй!

Раиса. Разве через забор? Вы умеете?

Бальзаминов. Раз, два, три-с… раз, два, три — и там-с.

Раиса. Так ступайте скорей!

Бальзаминов. Сейчас-с. (Бежит за куст и лезет на забор налево.)

Раиса. Не туда, не туда! Это в чужой сад;

Бальзаминов не слушает.

Явление шестое

На левой стороне.

Белотелова и Красавина выходят из беседки и останавливаются на ступенях.

Белотелова. Ты говоришь, что разбойники на ходулях ходят? Может быть, это колокол льют.

Красавина. Уж это так точно, поверь моему слову! Вот видишь забор. Так выше этого забора у них ходули.

Бальзаминов показывается на заборе.

Белотелова. Ах! Вот они. (Убегает в беседку.)

Сваха от испуга садится на ступеньке.

Бальзаминов (спрыгнув с забора). А-я-яй! Ой-ой-ой!

Раиса (за забором). Что с вами?

Бальзаминов. В крапиву-с.

Раиса. Ну, прощайте! (Уходит.)

Явление седьмое

Красавина и Бальзаминов.

Красавина. Ах ты, батюшки мои, как п[e]репугал, окаянный! Все сердце оторвалось. Чтоб тебе пусто было!

Бальзаминов выходит из-за куста.

Ишь тебя где луканька-то[3] носит!

Бальзаминов. Где же это я? Вот и ты здесь!

Красавина. Я-то здесь; ты-то как попал?

Бальзаминов. Я оттуда…

Красавина. Видно, хорошо приняли, да может, и угостили чем-нибудь? Шенпанским, что ли, чем ворота запирают? Аль собаками травили?

Бальзаминов. Ты меня выведи как-нибудь отсюда.

Красавина. Тебя-то? Скажи ты мне, варвар, что ты с нами сделал? Мы дамы тучные, долго ли до греха! Оборвется сердце — и конец. Нет, мы тебе руки свяжем да в часть теперича.

---

[3] Примечания: 3

Уменьшительное от «лукавый», простонародное слово. (Примеч. автора.)

Бальзаминов. Да за что же?

Красавина. А за то, что не лазий по заборам! Разве показано лазить по заборам, ворам дорогу указывать? Ты у меня как хозяйку-то испугал, а? Как? Так что теперь неизвестно, жива ли она там в беседке-то! Вот что, друг ты мой!

Бальзаминов. Что же это такое? Боже мой! Несчастный я человек!

Красавина. Ты полно сиротой-то прикидываться! Ты скажи, как тебя счесть? За вора?

Бальзаминов. Да какой же я вор?

Красавина. А за что за другое — так тебе же хуже будет. Она честным манером вдовеет пятый год, теперь замуж идти хочет, и вдруг через тебя такая мараль пойдет. Она по всем правам на тебя прошение за свое бесчестье подаст. Что тебе за это будет? Знаешь ли ты? А уж ты лучше, для облегчения себя, скажи, что воровать пришел. Я тебе по дружбе советую.

Бальзаминов. Ах, боже мой! Да как же это, страм какой! Акулина Гавриловна, сделай милость, выпусти как-нибудь!

Красавина. Теперь «сделай милость», а давеча так из дому гнать! Ты теперь весь в моей власти, понимаешь ты это? Что хочу, то с тобой и сделаю. Захочу — прощу, захочу — под уголовную под-

веду. Засудят тебя и зашлют, куда Макар телят не гонял.

Бальзаминов. Долго ль меня напугать? Я человек робкий. Уж я тебе все, что ты хочешь, только ты не погуби меня.

Красавина (встает). Ну вот что: две тысячи целковых.

Бальзаминов. Где же я возьму?

Красавина. Уж это не твое дело. Будут. Только уж ты из-под моей власти ни на шаг. Что прикажу, то и делай! Как только хозяйка выдет, говори, что влюблен. (Показывая на забор.) Там тебе нечего взять, я ведь знаю; а здесь дело-то скорей выгорит, да и денег-то впятеро против тех.

Бальзаминов. Что же это такое? Я умру. В один день столько перемен со мной! Это с ума сойдешь! Я тебя золотом осыплю.

Красавина. Завтра приду к тебе, условие напишем; а теперь говори одно, что влюблен. (Заглядывает в беседку.) Домна Евсигневна! выходи, ничего!

Белотелова выходит.

Явление восьмое

Бальзаминов, Красавина и Белотелова.

Белотелова. Как я испугалась, думала, умру!

Красавина. Ты б выпила чего-нибудь покрепче! От испуга это хорошо.

Белотелова. Я выпила.

Красавина. Ну и ничего, и пройдет. Ты не бойся, это знакомый, он по ошибке. (Берет Бальзаминова за руку и хочет подвести к Белотеловой.)

Бальзаминов (тихо). Уж очень они полны.

Красавина. Ты еще разговаривать стал! (Подводит.) Вот тебе Михайло Дмитрич Бальзаминов. (Бальзаминову.) Целуй ручку!

Бальзаминов целует.

Белотелова. Зачем же вы?

Бальзаминов. Влюблен-с.

Красавина. Ну да, влюблен. Так точно. Это он верно говорит. Вот и потолкуйте, а я по саду погуляю. (Уходит за кусты.)

Белотелова. Лучше сядемте.

Садятся на скамейку.

Как же это вы?

Бальзаминов. Через забор-с.

Белотелова. Отчего через забор?

Бальзаминов. От любви-с. Вы не сердитесь на меня-с?

Белотелова. Нет, я никогда не сержусь. Я добрая.

Вы что делаете?

Бальзаминов. Я? ничего-с.

Белотелова. И я тоже ничего. Скучно одной-то ничего не делать, а вместе веселее.

Бальзаминов. Как же можно-с, гораздо веселее!

Белотелова (кладет руку на плечо Бальзаминову). Вы хотите вместе?

Бальзаминов. Даже за счастие почту-с.

Белотелова. Я очень добрая, я всему верю; так уж вы меня не обманите.

Бальзаминов. Как же это можно-с! Я за низкость считаю обманывать.

Белотелова. Ну хорошо! Вы меня любите, и я вас буду…

Бальзаминов. Покорнейше благодарю-с. Пожалуйте ручку поцеловать!

Белотелова. Нате! (Дает руку.) А то подвиньтесь поближе: я вас так…

Бальзаминов подвигается, она его целует.

Сваха выходит из-за кустов.

Красавина. Ну вот и прекрасно! Значит, и делу конец!

Белотелова (встает). Пойдемте все в беседку.

Бальзаминов (Красавиной). Мне бы домой-с.

Красавина. Мы лучше его отпустим. Ты ступай!

Поцелуй ручку и ступай! Так прямо, из калитки в ворота, никто тебя не тронет.

Бальзаминов (целует руку у Белотеловой). Прощайте-с.

Белотелова. До свиданья.

Красавина. До завтра, до завтра.

Бальзаминов уходит.

А мы вот с тобой потолкуем. Ну как тебе?

Белотелова. Он мне понравился. Ты мне его!

Красавина. Ну, а его, так его. Все это в наших руках. Вот у нас теперь и пированье пойдет, — дым коромыслом. А там и вовсе свадьба.

Белотелова. Свадьба долго; а он чтоб и прежде каждый день… ко мне…

Красавина. Стоит об этом толковать. Что ж ему делать-то! Так же бегает. А уж теперь пущай тут с утра до ночи.

Белотелова (смеется). Вот мне теперь гораздо веселей.

Красавина (смеется). Ах ты, красавица моя писаная! Ишь ты, развеселилась! Вот я тебя чем утешила. Еще ты погоди, какое у нас веселье будет!

Смеются обе.

Пойдем в беседку, я тебя проздравлю как следует.

Уходят.

Картина третья

Лица:

Бальзаминова.

Бальзаминов.

Чебаков.

Красавина.

Матрена.

Комната у Бальзаминовых та же, что в первой картине.

Явление первое

Бальзаминова (одна). Ах, как я долго проспала! Уж смеркается. В голове так тяжело, и сны всё такие снились страшные. Все Мишу во сне видела. Уж разумеется, о чем думаешь, то и во сне видишь. Где-то он теперь? А что-нибудь либо делается с ним, либо сделается необыкновенное. Сна-то никак не распутаю; уж очень много видела-то я. Чего-чего не было! Я отроду таких снов не видала. Вот кабы умного человека найти, сейчас бы и посоветовалась, а одной не разобрать. Вот разве как вдвоем с Матреной не разберем ли. Ум хорошо, говорят, а два лучше. Простая она женщина-то, необразованная совсем; пожалуй, что в снах-то понятия-то большого не имеет. Ведь простой человек спит крепко, а если что и видит, так ему все равно, у него на это понятия нет. Матрена!

Входит Матрена.

Явление второе

Бальзаминова и Матрена.

Бальзаминова. Ты, Матрена, умеешь сны разбирать?

Матрена. Да что их разбирать-то! Мало ли что снится!

Бальзаминова. Конечно, не всякий сон к чему-нибудь; бывают сны и пустые, так, к погоде. А вот ты заметь, коли чему быть, так непременно прежде сон увидишь.

Матрена. Да чему быть-то! Быть-то нечему!

Бальзаминова. Разные перевороты могут быть с человеком: один из богатства в бедность приходит, а другой из бедности в богатство.

Матрена. Не видать что-то этих переворотов-то: богатый богатым так и живет, а бедный, как ни переворачивай его, все бедный.

Бальзаминова. Как ты глупо рассуждаешь! Разве не бывает, что на дороге находят значительные суммы? Ну вот Миша жениться может на богатой: вот богат и будет.

Матрена. Оно точно, что говорить! Чем черт не шутит! Только уж на редкость это дело будет, как

наш да на богатой женится!

Бальзаминова. Разумеется, на редкость. А все-таки может случиться; такие ли еще дела бывают.

Матрена. Что говорить! Всяко случается. На грех-то, говорят, и из палки выстрелишь.

Бальзаминова. Ну вот видишь ли! Значит, что ж мудреного, что Миша женится на богатой? Вот в этаком-то случае сон-то и много значит, когда ждешь-то чего-нибудь. Такой уж я, Матрена, сон видела, такой странный, что и не знаю, чему приписать! Вижу: будто я на гулянье, что ли, только народу, народу видимо-невидимо…

Матрена. Это к снегу, говорят.

Бальзаминова. К какому же снегу! Что ты, в уме ли! В августе-то месяце!

Матрена. Ну, так к дождю.

Бальзаминова. Да и не к дождю.

Матрена. Ну, а коли не к дождю, уж я больше не умею сказать, к чему это.

Бальзаминова. Не умеешь, так и молчи; а то ты только перебиваешь. Я уж и так половину перезабыла; уж очень много со мной во сне приключениев-то было. Только тут ли, после ли, вдруг я вижу корабль. Или нет, корабль после.

Матрена. Уплывет что-нибудь.

Бальзаминова. Погоди! Сначала я вижу мост, и на

мосту сидят всё бабы с грибами и с ягодами…

Матрена. Мост — это с квартиры съезжать на другую.

Бальзаминова. Постой! Не перебивай ты меня! Только за мостом — вот чудеса-то! — будто Китай. И Китай этот не земля, не город, а будто дом такой хороший, и написано на нем: «Китай». Только из этого Китая выходят не китайцы и не китайки, а выходит Миша и говорит: «Маменька, подите сюда, в Китай!» Вот будто я сбираюсь к нему идти, а народ сзади меня кричит: «Не ходи к нему, он обманывает: Китай не там, Китай на нашей стороне». Я обернулась назад, вижу, что Китай на нашей стороне, точно такой же, да еще не один. А Миша будто такой веселый, пляшет и поет: «Я поеду во Китай-город гулять!»

Матрена. Ну уж это, вот режь ты меня сейчас на части, — ни за что не пойму, к чему приписать.

Бальзаминова. Где тут понять! Да это что! Много я еще чудес-то видела; и все-то Миша в глазах, все-то Миша.

Матрена. Все сокрушаешься об нем, об его малом разуме, вот и видишь.

Бальзаминова. То он пляшет, то догоняет кого-то, то за ним кто-то гонится. То пропадет куда-то, то вдруг явится.

Матрена. Да это и наяву все так же: то пропадет, то явится. Вот давеча пропал, а теперь, гляди, явится. Хоть бы его в суде за дело за какое присадили: поменьше бы слонялся, слоны-то продавал.

Бальзаминова. Какое уж ему дело давать, по его ли разуму?

Матрена. Да вот он, на помине-то легок.

Входит Бальзаминов.

Явление третье

Те же и Бальзаминов.

Бальзаминов (садится). Ну, маменька, кончено.

Бальзаминова. Значит, благополучно?

Бальзаминов. Еще как благополучно-то! Так, маменька, что я думаю, что не переживу от радости. Теперь, маменька, и дрожки беговые, и лошадь серая, и всё… Ух, устал!

Бальзаминова. А какой я без тебя сон видела!

Бальзаминов. Что сон! Со мной наяву то было, что никому ни в жизнь не приснится. У своей был… и у той был, что сваха-то говорила, у Белотеловой, я на воротах прочел, что она Белотелова, как выходил оттуда; а туда через забор…

Матрена. Ишь ты, нелегкая-то тебя носит!

Бальзаминов. Молчи ты! Ты еще не знаешь, с кем ты теперь говоришь! Маменька, вот они, мечты-то мои! Ан вот правда выходит. Ух, дух не переведу!

Бальзаминова. Что, богато она живет?

Бальзаминов. Богато. Дом, лошади, сад, деньги, всё…

Бальзаминова. Значит, правду сваха-то говорила, что денег счету нет?

Бальзаминов. Правду.

Бальзаминова. Ну что ж ты?

Бальзаминов. Женюсь.

Бальзаминова. На ком?

Бальзаминов. На обеих.

Матрена. Что ты, татарин, что ли! Очувствуйся хоть малость!

Бальзаминова. Что это ты, Миша, право! Обрадуешься, так уж себя не помнишь! Говоришь такие слова, что ни на что не похоже.

Бальзаминов. Погодите, постойте! А то я помешаюсь в мыслях. Этакое счастье и вдруг, в один день…

Матрена. Не было ни гроша, да вдруг алтын!

Бальзаминов. Да замолчи ты! Я, маменька, себе человека найму, камердинера; а Матрену прочь… за грубость.

Матрена. И давно бы ты нанял. (Уходит.)

Бальзаминова. Ну, а эта, как ее, Пеженова, что ли? У нее сколько?

Бальзаминов. Полтораста тысяч.

Бальзаминова. У этой много поменьше, чем у той.

Бальзаминов. Зато эта, маменька, помоложе, а та постарше — ну, так у ней побольше.

Бальзаминова. И согласна она за тебя замуж идти, Пеженова-то?

Бальзаминов. Обе согласны. Только одна, чтоб увез-

ти; а другая так дома. Не отдохну никак.

Бальзаминова. Ну как же ты?

Бальзаминов. Погодите, маменька, погодите! Вот он сад-то я нынче во сне-то видел! Я в двух садах был.

Бальзаминова. А я, Миша, Китай видела. Уж не знаю, к чему?

Бальзаминов. У Белотеловой лавка в Китай-городе, вот и весь ваш сон.

Бальзаминова. И то правда.

Бальзаминов (быстро встает). Что же это такое! Боже мой! Представьте, маменька…

Бальзаминова. Да ты посиди, отдохни.

Бальзаминов. Ах, маменька, не мешайте! Представьте, маменька, я, бедный молодой человек, хожу себе по улице, и вдруг что же? И вдруг теперь поеду в коляске! И знаете, что мне в голову пришло? Может быть, за Пеженовой сад отдадут в приданое: тогда можно будет забор-то разгородить, сады-то у них рядом, и сделать один сад. Разных беседок и аллей…

Бальзаминова. Да ты никак в самом деле на обеих хочешь жениться?

Бальзаминов. Вот вы меня, маменька, всегда останавливаете! Никогда не дадите помечтать. Что ж такое? Я этим никому вреда не делаю. Коли

нельзя жениться на обеих, я бы хоть помечтал, по крайней мере, а вы меня расстроили.

Бальзаминова. Ну мечтай, бог с тобой!

Бальзаминов (задумывается. Молчание). Нет, маменька, сам чувствую, что начинает все путаться в голове, так даже страшно делается. Планов-то много, а обдумать не могу. Сейчас я думал об доме, ну и представился мне в уме дом, большой, каменный, и львы на воротах; только лев будто и разевает рот, каменный-то, да и залаял, а я об этом и думать не хотел, обо льве-то. Хочу его из головы-то выкинуть, никак нейдет. А отчего это? Оттого, что я не привык думать, как богатые люди думают; все думал так, как бедные думают; вот оно теперь богатство-то в голове и не помещается. А вот привыкну, так ничего.

Бальзаминова. Что мудреного, что не помещается! Этакая пропасть! Иной раз и о пустяках думаешь, да ум за разум заходит; а тут, с такими деньгами — просто беда!

Бальзаминов (задумавшись). Если башню выстроить, большую, чтобы всю Москву видно было! Можно будет там и голубей держать...

Бальзаминова. Оставь, Миша! Не думай, хуже будет!

Бальзаминов. Само думается, маменька. Правду

говорят, маменька, что с состоянием-то много заботы бывает.

Бальзаминова. А ты давай-ка лучше поговорим об чем-нибудь другом! А то, сохрани господи, долго ли до греха, пожалуй, совсем свихнешься.

Бальзаминов. Извольте, маменька! Другой бы сын, получивши такое богатство-то, с матерью и говорить не захотел; а я, маменька, с вами об чем угодно, я гордости не имею против вас. Нужды нет, что я богат, а я к вам с почтением. И пусть все это знают. С другими я разговаривать не стану, а с вами завсегда. Вот я какой! (Садится.)

Бальзаминова. Еще бы! А которая лучше лицом-то из них?

Бальзаминов. Мне, маменька, все богатые невесты красавицами кажутся; я уж тут лица никак не разберу.

Бальзаминова. Что же ты мне не расскажешь, как у вас дело-то было?

Бальзаминов. До того ли мне, маменька, помилуйте! Вот Красавина придет, расскажет. (Задумывается.) У меня теперь в голове, маменька, лошади, экипажи, а главное — одежа, чтобы к лицу.

Бальзаминова. Брось, Миша, брось, не думай! Право, я боюсь, что ты с ума сойдешь. Да что же это мы в потемках-то сидим! Ишь, как смерклось. Пойду

велю огня зажечь.

Бальзаминов. Погодите, маменька! Не нужно огня, в потемках лучше.

Бальзаминова. Ну что хорошего впотьмах сидеть?

Бальзаминов. Впотьмах, маменька, мечтать лучше. Оно можно и при огне, только надобно зажмуриться, а в потемках можно и так, с открытыми глазами. Я теперь могу себя представить как угодно. И в зале могу себя представить в отличной, и в карете, и в саду; а принесите вы свечку — я сейчас и увижу, что я в самой бедной комнате, мебель скверная, ну и все пропало. Да и на себя-то взгляну — совсем не тот, какой я в мечтах-то.

Бальзаминова. Какой же ты?

Бальзаминов. В мечтах я себя представляю, маменька, что я высокого роста, полный и брюнет.

Бальзаминова. Разумеется, лучше.

Бальзаминов. Вот смотрите, маменька; вот я вам буду сказывать, что мне представляется. Вот будто сижу я в зале у окошка, в бархатном халате; вдруг подходит жена…

Бальзаминова. Ну, а потом что ж?

Бальзаминов. «Поедем, говорит, душенька, на гулянье!»

Бальзаминова. Отчего ж не ехать, коли погода хорошая?

Бальзаминов. Отличная, маменька, погода. Я говорю: «Поди, душенька, одеваться, и я сейчас оденусь». — «Человек!» — Приходит человек. «Одеваться, говорю, давай, и приготовь голубой плащ на бархатной подкладке!» Вот не нравится мне, маменька, у него улыбка-то какая противная. Как точно он смеется надо мной.

Бальзаминова. Уж с этим народом беда!

Бальзаминов. Вот и грубит. Ну, я этого прогоню, я себе другого возьму. (Что-то шепчет про себя.)

Бальзаминова. Что ж ты замолчал?

Бальзаминов. Это мы, маменька, с женой разговариваем и целуемся. Вот, маменька, садимся мы с женой в коляску, я взял с собой денег пятьдесят тысяч.

Бальзаминова. Зачем так много?

Бальзаминов. Как знать, может быть, понадобятся!

Бальзаминова. Ты бы лучше дома оставил.

Бальзаминов. Еще украдут, пожалуй. Вот едем мы дорогой, все нам кланяются. Приезжаем в Эрмитаж, и там все кланяются; я держу себя гордо. (В испуге вскакивает и ходит в волнении.) Вот гадость-то! Ведь деньги-то у меня, пятьдесят-то тысяч, которые я взял, пропали.

Бальзаминова. Как пропали?

Бальзаминов. Так и пропали. Должно быть, выта-

щил кто-нибудь.

Бальзаминова. А ты не бери с собой!

Бальзаминов. В самом деле не возьму. Все равно и дома украдут. Куда ж бы их деть? В саду спрятать, в беседке под диван? Найдут. Отдать кому-нибудь на сбережение, пока мы на гулянье-то ездим? пожалуй, зажилит, — не отдаст после. Нет, лучше об деньгах не думать, а то беспокойно очень; об чем ни задумаешь, всё они мешают. Так я без денег будто гуляю.

Бальзаминова. Гораздо покойнее.

Бальзаминов. Вот, маменька, выхожу я из сада, жандарм кричит: «Коляску Бальзаминова!»

Входит Чебаков.

А я будто, маменька, генерал…

Явление четвертое

Те же и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов, это вы-то генерал?

Бальзаминова. Ах, батюшка, извините! Мы и не видали, как вы вошли.

Бальзаминов. Ах, я и не знал, что вы здесь-с. Я так, по-домашнему, с маменькой-с… а то я при вас бы не стал таких глупостей говорить-с! Впрочем, что ж такое, в сумерках отчего же и не заняться иногда, не помечтать-с?

Чебаков. Уж вы бы лучше об чем-нибудь другом, а не об генеральстве.

Бальзаминов. Нет, отчего же, в сумерках-с…

Чебаков. Да и в сумерках нельзя. Нет, вы бросьте это занятие!

Бальзаминова. Что же это мы в потемках-то сидим! Извините, батюшка! я сейчас пойду огня принесу.

Чебаков. Послушайте, не беспокойтесь, мы и так друг друга знаем.

Бальзаминова. Все-таки лучше, пристойнее. (Уходит.)

Явление пятое

Бальзаминов и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, ваше превосходительство, нам надо будет отправиться.

Бальзаминов. Куда же-с?

Чебаков. Все туда же. Нас там ждут.

Бальзаминов. Зачем же это они нас ждут-с? Ведь я вам письмо принес; а завтра можно опять-с.

Чебаков. Вот в письме-то и написано, чтоб мы приходили сегодня.

Бальзаминов. И я-с?

Чебаков. И вы.

Бальзаминов. Что же мы там делать будем-с?

Чебаков. Вам хочется знать? Ну уж этого я вам не скажу. Вот пойдемте, так сами увидите.

Бальзаминов. А я-то что ж буду делать-с? Ведь уж я теперь в любви объяснился, уж после этого что мне делать, я не знаю-с.

Чебаков. Я вас научу.

Бальзаминов. Вот вы давеча говорили — увезти; а я вас, Лукьян Лукьяныч, и забыл спросить, куда же это их увозят-с?

Чебаков. Куда хотите.

Бальзаминов. А на чем же я увезу-с?

Чебаков. Послушайте, я вас этому всему научу, только пойдемте.

Бальзаминов. Я сейчас-с. (Берет фуражку.)

Входит Бальзаминова.

Явление шестое

Те же и Бальзаминова.

Бальзаминова. Куда же это ты, Миша?

Бальзаминов. К Пеженовым-с.

Бальзаминова. Разве уж ты решился?

Бальзаминов. Нет, маменька, как можно решиться! Да вот Лукьян Лукьяныч говорит, что надо идти.

Чебаков. Послушайте, разумеется, надо.

Бальзаминов. Вот видите, маменька! А решиться я не решился-с. Потому, извольте рассудить, маменька, дело-то какое выходит: ежели я решусь жениться на одной-с, ведь я другую должен упустить. На которой ни решись — все другую должен упустить. А ведь это какая жалость-то! Отказаться от невесты с таким состоянием! Да еще самому отказаться-то.

Чебаков. Послушайте, вы скоро?

Бальзаминов. Сейчас-с.

Бальзаминова. Так зачем же ты идешь?

Бальзаминов. Ну уж, маменька, что будет, то будет, а мне от своего счастия бегать нельзя. Все сделано отлично, так чтоб теперь не испортить. Прощайте.

Уходят.

Явление седьмое

Бальзаминова и потом Матрена.

Бальзаминова. Такие мудреные дела делаются, что и не разберешь ничего! Теперь одно только и нужно: хорошую ворожею найти. Так нужно, так нужно, что, кажется, готова последнее отдать, только бы поговорить с ней. Что без ворожеи сделаешь? И будешь ходить как впотьмах. Почем мы знаем с Мишей, которую теперь невесту выбрать? Почем мы знаем, где Мишу счастье ожидает в будущем? С одной может быть счастье, а с другой — несчастье; опять же и дом: иной счастлив, а другой нет; в одном всё ко двору, а в другом ничего не держится. А какой — нам неизвестно. Как же это так наобум решиться! Солидные-то люди, которые себе добра-то желают, за всякой малостью ездят к Ивану Яковличу, в умасшедший дом, спрашиваться, а мы такое важное дело да без совета сделаем! Уж что не порядок так не порядок. Нет ли тут поблизости хоть какой-нибудь дешевенькой? Она хоть и не так явственно скажет, как дорогая ворожея, а все-таки что-нибудь понять можно будет. Матрена!

Входит Матрена.

Нет ли у нас тут где недалеко ворожеи какой-нибудь?

Матрена. Какой ворожеи?

Бальзаминова. Гадалки какой-нибудь.

Матрена. Вам про что спрашивать-то?

Бальзаминова. Об жизни, об счастье, обо всем.

Матрена. Таких нет здесь.

Бальзаминова. А какие же есть?

Матрена. Вот тут есть одна: об пропаже гадает. Коли что пропадет у кого, так сказывает. Да и то по именам не называет, а больше все обиняком. Спросят у нее: «Кто, мол, украл?» А она поворожит да скажет: «Думай, говорит, на черного или на рябого». Больше от нее и слов нет. Да и то, говорят, от старости, что ли, все врет больше.

Бальзаминова. Ну, мне такой не надо.

Матрена. А другой негде взять.

Бальзаминова. Вот какая у нас сторона! Уж самого необходимого, и то не скоро найдешь! На картах кто не гадает ли, не слыхала ль ты?

Матрена. Есть тут одна, гадает, да ее теперича увезли.

Бальзаминова. Куда увезли?

Матрена. Гадать увезли, далеко, верст за шестьдесят, говорят. Барыня какая-то нарочно за ней

лошадей присылала. Лакей сказывал, который приезжал-то, что барыня эта рассорилась с барином.

Бальзаминова. С мужем?

Матрена. Нет, оно выходит, что не с мужем, а так у ней, посторонний. Так повезли гадать, когда помирятся. А больше тут никаких нет.

Бальзаминова. Ты не знаешь, а то, чай, как не быть. Такая ты незанимательная женщина: ни к чему у тебя любопытства нет.

Матрена. А на что мне? Мне ворожить не об чем; гор золотых я ниоткуда не ожидаю. И без ворожбы как-нибудь век-то проживу.

Бальзаминова. Загадаю сама, как умею. (Достает карты и гадает.) Вот что, Матрена: теперь, гляди, сваха зайдет, так поставь-ко закусочки какой-нибудь в шкап.

Матрена приносит закуску и уходит.

Входит Бальзаминов.

Явление восьмое

Бальзаминова и Бальзаминов.

Бальзаминова. Что ты так скоро?

Бальзаминов (садится). Кончено, маменька! Таким дураком меня поставили, что легче бы, кажется, сквозь землю провалиться.

Бальзаминова. Да каким же это манером? Расскажи ты мне.

Бальзаминов. Очень просто. Приходим мы с Лукьян Лукьянычем к ихнему саду, гляжу — уж и коляска тут стоит. Только Лукьян Лукьяныч и говорит мне: «Ну, господин Бальзаминов, теперь наше дело к концу подходит». — Так у меня мурашки по сердцу и пошли. — «Давайте, говорит, теперь за работу, забор разбирать». Так я, маменька, старался, даже вспотел. Вот мы три доски сняли, а те уж тут дожидаются. Вот он старшую, Анфису, берет за руку: «Садитесь, говорит, в коляску». Потом, маменька, начинают все целоваться: то сестры промежду себя поцелуются, то он и ту поцелует, и другую. Что мне тут делать, маменька, сами посудите? Как будто мне и неловко, и точно как завидно, и словно что за сердце сосет... уж я

не знаю, как вам сказать. Я сейчас в ревность.

Бальзаминова. Ты это нарочно?

Бальзаминов. Само собой, что нарочно. Надо же себя поддержать против них. Я, маменька, хотел показать Раисе-то, что я в нее влюблен. Я и говорю Лукьян Лукьянычу: «Какое вы имеете право целовать Раису Панфиловну?» Они как захохочут все. Я, маменька, не обращаю на это внимания и говорю Раисе Панфиловне: «Когда же, говорю, мы с вами бежать будем?» А она, маменька, вообразите, говорит мне: «С чего вы это выдумали?» А сама целуется с сестрой и плачет. Потом Лукьян Лукьяныч сели в коляску с Анфисой и уехали. А Раиса, маменька, прямехонько мне так и отпечатала: «Подите вы от меня прочь, вы мне надоели до смерти», да, подобравши свой кринолин, бегом домой. Что ж мне делать? Я и воротился.

Бальзаминова. Это оттого, Миша, что ты все от меня скрываешь, никогда со мной не посоветуешься. Расскажи ты мне, как у вас это дело было с самого начала.

Бальзаминов. Порядок, маменька, обыкновенный. Узнал я, что в доме есть богатые невесты, и начал ходить мимо. Они смотрят да улыбаются, а я из себя влюбленного представляю. Только один раз мы встречаемся с Лукьян Лукьянычем (я

еще его не знал тогда), он и говорит: «За кем вы здесь волочитесь?» Я говорю: «Я за старшей». А и сказал-то так, наобум. «Влюбитесь, говорит, в младшую, лучше будет». Что ж, маменька, разве мне не все равно?

Бальзаминова. Разумеется!

Бальзаминов. Я и влюбился в младшую. «Я, говорит, вам помогать буду, потом мы их вместе увезем». Я на него понадеялся, а вот что вышло! Вот, маменька, какое мое счастье-то!

Бальзаминова. Как же ты, Миша, не подумал, куда ты увезешь невесту и на чем? Ведь для этого деньги нужны.

Бальзаминов. Я, маменька, на Лукьян Лукьяныча надеялся.

Бальзаминова. Очень ему нужно путаться в чужие дела! Всякий сам о себе хлопочет.

Бальзаминов. А впрочем, маменька, коли правду сказать, я точно в тумане был; мне все казалось, что коли она меня полюбит и согласится бежать со мной, вдруг сама собой явится коляска; я ее привезу в дом к нам...

Бальзаминова. На эту квартиру-то?

Бальзаминов. Вы не поверите, маменька, как, бывало, начну думать, что увожу ее, так мне и представляется, что у нас дом свой, каменный,

на Тверской.

Бальзаминова. Жаль мне тебя, Миша! Совсем еще ты дитя глупое.

Бальзаминов. Уж очень мне, маменька, разбогатеть-то хочется.

Бальзаминова. Ничего-то ты в жизни не сделаешь!

Бальзаминов. Отчего же, маменька?

Бальзаминова. Оттого что не умеешь ты ни за какое дело взяться. Все у тебя выходит не так, как у людей.

Бальзаминов. Нет, маменька, не оттого, что уменья нет, а оттого, что счастья нет мне ни в чем. Будь счастье, так все бы было, — и коляска, и деньги. И с другой невестой то же будет, вот посмотрите. Придет сваха, да такую весточку скажет, что на ногах не устоишь.

Красавина входит.

Да вот она! Вот она!

Бальзаминов и Бальзаминова встают.

Явление девятое

Те же и Красавина.

Бальзаминова. Чем, матушка, обрадуете? Мы тут без вас завяли совсем.

Бальзаминов (Красавиной). Погоди, не говори! я зажмурюсь, все легче будет.

Красавина. Ох, далеко я ехала, насилу доехала. (Садится.)

Бальзаминова. Откуда ж это, матушка?

Красавина. Отсюда не видать.

Бальзаминов. Погодите, маменька, погодите!

Красавина. Ехала я селами, городами, темными лесами, частыми кустами, быстрыми реками, крутыми берегами; горлышко пересохло, язык призамялся.

Бальзаминов. Хлопочите, маменька! Хлопочите скорей!

Бальзаминова достает из шкапа водку и закуску и ставит на стол.

Вот, пей, да и говори уж что-нибудь одно.

Бальзаминова (наливает рюмку). Кушайте на здоровье!

Красавина. Выпью, куда торопиться-то!

Бальзаминов. Ну, ну, поскорее! А то я умру сейчас, уж у меня под сердце начинает подступать.

Красавина. Ишь ты какой скорый! Куда нам торопиться-то! Над нами не каплет.

Бальзаминов. Что ж она не говорит! Маменька, что ж она не говорит? Батюшки, умираю! Чувствую, что умираю! (Садится.)

Красавина. Не умрешь! А и умрешь, так и опять встанешь. (Берет рюмку.) Ну, честь имею поздравить! (Пьет.)

Бальзаминова. С чем, матушка, с чем?

Красавина. Как с чем! А вот стрелец-то твой подстрелил лебедь белую.

Бальзаминова. Неужли, матушка, вправду? Слышишь, Миша?

Бальзаминов. Говорите что хотите! я умер.

Красавина. Много он маху давал, а теперь попал, — под самое под правое крылушко.

Бальзаминова. В последнее-то время, знаете ли, много с нами таких несчастных оборотов было, так уж мы стали очень сумнительны.

Красавина. Да что тут сумлеваться-то! Хоть завтра же свадьба! Так он ей понравился, что говорит: «Сейчас подавай его сюда!» Ну сейчас, говорю, нехорошо, а завтра я тебе его предоставлю. «А

чтоб он не сумлевался, так вот снеси ему, говорит, часы золотые!» Вот они! Отличные, после мужа остались. Ну, что, ожил теперь?

Бальзаминов (вскакивает). Ожил! Ожил! Давай их сюда! (Берет часы.) Что ж это, маменька, я вас спрашиваю?

Бальзаминова. Это тебе за долгое твое терпение счастье выходит.

Красавина. А ты помнишь наш уговор? Ты на радостях-то не забудь!

Бальзаминов. Ты просила две?

Красавина. Две.

Бальзаминов. Ну, так вот ты знай же, какой я человек! Маменька, смотрите, какой я человек! Я тебе еще пятьдесят рублей прибавлю.

Красавина. Ишь ты, расщедрился! Ну, да уж нечего с тобой делать, и то деньги.

Бальзаминов. Маменька, уж вы теперь смотрите за мной, как бы со мной чего не сделалось. Батюшки мои! Батюшки мои! (Прыгает от радости.) Я теперь тоже новый человек стал. Маменька, я теперь не Бальзаминов, я кто-нибудь другой!

Красавина. Давай пляску сочиним на радости!

Бальзаминов. Давай! А вы, маменька, говорили, что я сделать ничего не умею! А ты говорила, что я дурак!

Красавина. Я, брат, и теперь от своих слов не отступлюсь.

Бальзаминова. А ты, Миша, не обижайся! Пословица-то говорит, что «дуракам счастье». Ну, вот нам счастье и вышло. За умом не гонись, лишь бы счастье было. С деньгами-то мы и без ума проживем.

Бальзаминов. Еще бы! На что мне теперь ум? А давеча, маменька, обидно было, — как денег-то нет, да и ума-то нет, говорят. А теперь пускай говорят, что дурак: мне все одно.

Красавина. А то вот еще есть пословица. Ты долго за невестами ходил?

Бальзаминов. Долго.

Красавина. А пословица-то говорит: «За чем пойдешь, то и найдешь».

Бальзаминова. И то, матушка, правда.

Бальзаминов (Красавиной). Ну, давай плясать! Становись!

Сваха становится в позу.